

Царь, поздравив мичманами, сказав: «Надеюсь, честь и слава за вами!»
Какое радостное ура прокричали! До Зимнего Дворца, кадеты Государя провожали.
Мороз, все раздеты, на голове ничего, им решительно, все равно!
Во Дворце чаем их напоили, шинели, по телефону позвонили.
Великого Князя карету осаждали, чтобы на войну их всех послали!
Митя, Хлюстин, на подножке кареты, у Государя на память, просили портреты.
Выпросили перчатку у Него, разделили, сохранилась у Мити моего.
Шлет нам радостную телеграмму, спешно производство, не входило в Корпусную программу.
Просит скорей приезжать, как следует его обмундировать.
Еду в Питер я одна, вижу Петю нашего из окна.
Передает от Головинных, что очень обижу их, если не поеду прямо к ним, приравняла их к чужим.
Гостеприимство встретила как всегда, и к звонку прислушивалась иногда.
Не входит ли, мичман молодой, Митюк мой дорогой!
В 5 часов он позвонил, целовала его из всех сил.
Очень мне был рад, так красив, молодцеват, не спуская глаз с него, любовалась им 3 часа всего.
Должен был в Кронштадт вернуться, сквозь слезы пришлось мне улыбнуться,
Он был для меня все! Я им гордилась! И даже часто им хвалилась!
На другой день опять приехал, много магазинов со мной объехал.
С каким удовольствием все покупалось, его радостью я умилялась.
Пришел Сережа – правовед, все уселись за обед.
Вечером, когда все разошлись, мы трое спать не улеглись.
Проговорили до рассвета, у Мити настроение как у кадета.
Мечтал попасть на войну, говоря: «Обидно, если не пойду».
Сережа настраивал в моряки, находил что: «Правоведы, фатишки, дураки»
Утром, после кофе распрощались, на Пасху, увидеться обещались.
Отпуск ему дадут, дома все поздравить его придут!
Между прочим, у Татуши на уме, все Валя, мечтает о нем на крыльце!
Алексей Николаевич, частенько наезжает, она предложения его, скорого ожидает.
На Пасху его пригласили, все уж его захватили!
Детвора съехалась вся, но не в целости семья!
Мальцы все собрались, одного Петра не дождались.
Митя, в тужурке, жилет как, молодой мичман,
Забавлял его офицерский мундир, вообразил, что уже командир.
Папа был счастлив и рад, что сын моряк, ему собрат!
Разговоры про военные дела, увлекался как всегда.
Готов был, сам бежать в Порт-Артур, но Лиля, привязала его на шнур!
Кому война, кому почет, кто шалит, а Татушу Валичка томит.
На третий день Пасхи, наконец, решил, предложение сделать, поспешил!
В этот день три эпизода случилось, невеста в доме и 2 внука у дочерей родились!

VIII

После свадьбы Аши дед заскучал, и вечно, на всех ворчал!
Кончилось тем, что к Сергею Константиновичу уехал совсем.
К нам уже более не заезжал, сердит был, на мужа и на меня, из за счетов, которые нашел у себя.
Про меня сказал: «Она грех свой искупила, когда болен был, сама за мной ходила!»
Брат жил в Рязани, именье продано, дела плохи у него, были давно.
Семья тоже большая, 8 человек, грудная еще меньшая.

Дед прожил у них два года, все хворал, а в апреле 1903 года Богу, душу отдал!
В Москве, с Мама всегда я видалась, отношения прекрасны, старое не вспоминалось!
В апреле к ней приезжала, портрет Вульфа ей показала,
«Симпатичный какой» сказала, «Как на Александра III похож, видно, что характер у него хорош!»
Я за Татушу очень рада, славная будет пара.
Её я благословлю, образом Спасителя, который очень люблю!
Он Шуриньке принадлежал, молился на него когда умирал!
Мама была совсем здорова, весела, еще долго говорили про военные дела.
Уехала я домой, как всегда, с радостью большой.
25-го мая телеграмма, скоростижно скончалась Мама!
Поразила эта весть меня, живо, в дорогу собрала себя.
Татуша тоже присоединилась, увидела её в гробу, монашенка молилась.
Братьев обоих увидела, давно их, нигде не встречала.
Володя, в казаки поступил, на войну уходил.
Ехал с матерью проститься, и не ожидал так изумиться!
Хотя было ей 70 лет, не думали расставаться с ней навек!
В Алексеевском монастыре похоронили, рядом с мужем её положили.
Все что после нее осталось, между мною, братьями разделялось.
Володя, свою часть Татуше дал, так как, на войну уходил.
Война все разгоралась! Для России, ничего не улыбалось!
Макаров на «Петропавловске» погиб, без боя, в один миг!
После Святков дети уезжали, а Митя, Боря и сестры к себе звали.
Как всегда, не долгим гостем, у нас бывал, не хотелось уезжать, всячески скрывал.
С желаньем на войну идти уехал, в Егорьевск, Москву и Тверь заехал.
В Москве, 6 братьев группой снялись, все прекрасно удались!
Сюрпризом нам портрет поднесли, чем, большое удовольствие нам внесли.
Митя, всюду, где только мог, протекции искал, идти на Восток.
Дела в Порт-Артуре были плохи, собирали все морские крохи.
Посылать 2-ю эскадру на подмогу, изменнику Стесселю, воеводу!
В июне телеграмму несут, Митю на войну возьмут!
Мы с мужем перекрестились, за Митю помолились.
Видя сильное желание его, да еще, дух патриотизма своего,
С гордостью его благословляла, даже судьбу его прославляла!
Гуляю в саду, кричат: «Мама! Кажется от Митюка телеграмма?»
Читаю: «На Князя Суворова» я назначен, от чести такой просто озадачен».
Пошла поделиться со стариком, «флагманский корабль, на врага идет лбом».
Озаботила нас эта весть, Бог с нею, это сыну честь!
Еще Боря взбодрился, во все тяжкие пустился!
На войну идти непременно, и поступил даже не примерно.
Государю лично послал прошение, не спросясь у начальства разрешения.
За такое дело сидит, на то право не имел!
Полк его, в Манчжурию не шел, а с казачьей сотней он не пошел.
Сосредоточиться мне не приходилось, приданое Татуше еще шилось.
Не оберешься от хлопот, голова полна забот!
Митя ждет нас проститься, а в делах наших, что твориться!
В барке платежами сбились, делами совсем расклеились.
Муж в бегах, хлопочет о деньгах.
Свадьба 10 октября назначалась, в сентябре 11 эскадра отправлялась!
Раньше еще я заявила, что Митю, заочно я благословила.

Образ, крестик, смокву ему послала, и с того дня, все о нем скучала!
28 сентября мой Митек отплыл, вскоре, письмо написать мне, не забыл.
Горячо о нем молилась, на вою Божию положились!

IX

Петя на войну санитаром попал, весной еще туда удрал.
Ждали возвращения его, получили от него письмо.
Свадьба Татуши 10 октября, не свадебное настроение у меня.
Дети, гости, на семейное торжество съезжались, шумно, весело, все держались.
Моряк, Петя Головнин, за шафера, Митюка заменил.
Он умный, сердечный человек, но по чудачеству больно зубоскал,
За обедом, соседок потешал, вина им все подливал.
Говорились речи, пожелания, вспоминали Порт-артурские страдания!
Петя, в речи своей, Митю упомянул, подняв бокал, на меня взглянул!
Не выдержала, вышла из-за стола, и наплакалась до конца.
Напудрилась, приободрилась, на место свое опять водворилась.
Подошла к Пети, благодарю, говоря, что очень его ценю.
Он спросил: «Куда скрылась ты? Разве грустные мечты?
«Нет, распоряжение сделала я, лакей отозвал меня».
Последний тост был за Царя, встали, запели гимн! Бокалы все, вверх поднося!
Молодых вечером проводили, гости остались и все еще кутили.
На утро, наш Петя подъехал и тотчас же на охоту уехал!
О свадьбе в Москве услышал, не жалел, что молодых не застал.
Вид ужасный он имел, и в крови, куртку не передел.
Набрался идей современных, у сенаторов отменных,
Совсем в разладе с семьей, по грязи своей свинья – свиньей!
Над военными глумился, ничему хорошему не научился.
Рассказы его были интересны, но замечания, вовсе не уместны.
Ни о ком своих не интересовался, только красноты одной набрался!
Вскоре отправился в Университет, имея отроду 25 лет!

X

Митя часто мне писал, а моих писем еще не получал.
Приходили его письма, каждую неделю ровно, оба мы, писали друг другу все подробно!
Писал нежно, ласково всегда, ужасные мысли, бранила иногда!
Он писал хорошо, красноречиво, все представлялось мне ясно и живо!
Денежные дела наши все ухудшались, к аукциону Красильники назначались!
Пишу Мите, что не миновать, все имение нам продать,
Но раскаивалась потом, что написала ему о том.
Он бедный так огорчился, что сон его, в кошмар обратился!
Скорей утешать его стала, что это несчастье миновало.
Действительно Бог помог, уплатить нам долг!
Из Корпуса Миша приезжает, своим приездом, нас удивляет.
Всех кадетов распустили, по случаю скарлатины.
Слава Богу сам не захворал, Ксеничке же, заразу передал.
Ох! Как я испугалась, что болезнь эта к нам вкралась.
За Казанским шлю скорей, боясь потерять детей.
Он болезнь определил, Верочку, тотчас же отделил.
С Юлиеванной, по очереди у Ксении сидели, в страхе были, целых две недели.
Опасность, Бог дал миновала, за Верочку опасение волновала.
Декабрь наступал, карантин срок свой кончал.

Ксеничка ванну уж брала, Вера в этот день слегла.
Детям дала знать, к Рождеству не приезжать.
Какое было для всех горе, а мне, еще грустно вдвое!
Один Боря только был, и то к Смольяниновым укатил!
Увидал там, Алешу, Каву, и начал ухаживать на славу!
Конечно, ни слова, никому, молчит...ни гу-гу!
Мне было не до него, и не знала ничего!
Сережа в Рязань поехал, Боря в Москву с барышнями уехал.
Конечно, папа подметил, кого сын его наметил.
Возвратился домой, мне говорит, что кредитом меня снабдит.
Боря женится, непременно, даже скоро и при отменно!
Я значения не придала, за пустую болтовню сочла.
Верочка поправлялась, дезинфекция состоялась.
Жизнь регулярная пошла, а война! Все шла и шла!
Мысль о Мити меня не покидала, постоянно о нем вспоминала!
Скучал по дому от ужасно! Для эскадры очень было опасно!
После сдачи Порт-Артура, все решает Камимура,
Однако из писем не замечалось, что морякам страшно казалось.
На Мадагаскаре все остановились, от ожидания нервы расходились!
Ждали храбро они желтого врага, пройдя Японские острова.
Газеты далеко не утешали, на суше, на море, победы не видали.
Флоту, только один исход, пробиться во Владивосток!
Как-то Боря прикатил, на войну, верно уходил!
Вышла я из дому вон, чтобы не объявил мне первой о том.
Приходит, запыхавшись, Паша: «Пожалуйста, домой, ищут, где Мамаша?»
«Говори, на войну его берут? «Нет, сноху вам привез, ух!»
«Не правда, ты скрываешь?» Сама ты еще не знаешь. Знаю, что скоро обручена!»
«Просят вашего благословения. А барин дома? В кабинете сидят оба!»
«Верно Боря, или как? На войну тоже и тебя? Ты, Мамаша, выслушай меня:
«На Карповой женюсь! Самая хорошая, не ошибусь!»
18-го февраля, в Москве, свадьба у них, как ты Боря скоро, в один миг!
Папа мне как-то говорил, думала что он, просто шутил!
По сомнению была я рада, в настроении моем такая отрада!
Поехали в Москву на благословение, Татуша заметила мое положение.
Затем поехали к Вульффу в Тверь, Боря в Собрание, невесту обедать пригласил теперь.
Тещу, невеста повидала, от души их поцеловала.
Симпатичными мне стали, вечером Вульфята к себе позвали.
Только что, взошли в дом, позвонил в телефон:
«Великого Князя Сергея убили! Анархиста изловили!
Тяжелые были времена, в одно время радость и слеза!
Сколько трауров было, у всех...на сердце щемило.
На свадьбе и я была, гостей многих не разобрала.
Все кругом чужое, туалеты, бриллианты, дамы все богаты, элегантны!
Семья Карповых, прелесть как мила, радушны, приветливы без конца!
С наилучшим впечатленьем, проводили молодых с благословеньем!
Бабушка Морозова миллионерша, главная на фабрике акционерша!
Свадебные расходы на себя приняла, поэтому нам...не стоило ни гроша!
Недаром Боря наш в рубашке родился, скажу честно, сам удивился!
Жена прекрасный человек, и обеспечен на свой век!
У нас же наоборот, дела приняли, еще хуже оборот!

Говорила много со стариком, как бы не полететь бы нам кувырком!
 Решили Красильники продать молодой чете, и нам с ними проживать.
 Переговоры с бабушкой недолго велись, скоро, скоро совсем сошлись!
 Бабка Заботкину позвонила и Красильники перезаложила!
 При продаже уговорились, чтобы из имения мы, не выводились.
 Жить нам здесь и умереть, а детям тоску не терпеть.
 Дом к флигелю пристроили, тет а тет молодых не расстроили!
 Свои коровы, тройка наша, а забота, корма – ваша!
 Благословляем судьбу, благодарим молодых, что успокоили нас и родных!
 Боря, один из любимых сыновей, с другими подумали бы жить ей- ей!
 Жена его добрая...такая пташка! Вальдшнепом прозвали её, а теперь уже Мамашка!

XI

Счастливы мы были, и Бога благодарили.
 Что помог нам детей определить, и счастьем их наградить!
 Зятя наши, все три прекрасны, слова эти не приукрасны!
 Они душевно к нам относились, не раскаиваясь, что на дочерях наших женились.
 Несомненно, браки были по любви, денег, ничего дать не могли!
 Интерес значит, роли не играл, каждый по сердцу себе брал!
 Рагозин, энергии своей не скроет, дело есть, землю роет!
 Лёличка Вульф – совсем другой, деликатный, с прекрасной душой!
 Все зятя по характеры разны, и жены их, все привязаны!
 Все нас радовало, веселило, но война, всё омрачило!
 Рагозина, как запасного, в Польшу услали, Серафима с семейством к нам переезжала.
 Два года целых прожила, и в разлуке с мужем она была.
 Его чуть с бригадой не послали, в Манчжурию, где наши воевали!
 Но счастье его! Мир заключен, в Касимов в акцир, опять приглашен.
 Не такого счастья нам было! .От Цусимского боя, сердце застыло!
 Погиб, наш Митя! 20 лет! На свете больше нет!
 Описать это ужасное горе, что нет, поглотило его море.
 Нет сил, нет слов. Роптать не смели, 6 сыновей еще у нас! У других один! Бог не спас!
 Знать и наша, такая доля, на всё, Его Святая Воля!
 Читая печальную весть, в газетной телеграмме, все мы собрались, к этой ужасной драме.
 Молчат, никто слова не проронил, только Петя один, заговорил.
 «Подделом, так и надо! Не суйся во флот, куда не надо!»
 Как брат, несчастью этому был рад! Возненавидела его тут я, и долго не могла придти в себя!
 Потеря дорого Мити, сердце вырвало мое, и тогда поняла, всё!
 Насколько дорог был мне он! Не верилось - казалось, ужасный сон!

Укороченная родословная рода Смольяниновых

Дмитрий, ж-Елена Николаевна Сарыкова
 Николай, ж-Агриппина Ивановна Вейгнер
 №1-Владимир (1824-1852), ж-Р. И. Уленская №2-Константин (1818-1872), ж-Е.Н. Любиевская
 Николай, №2/1 Сергей №2/2 Борис №3/3 Владимир №2/4 Елена
 (1848-) (1860-1922) (1858-) (1852-) (1856-1911)
 ж-Ю.А. Брунс ж-С.П. Нарышкина ж-А.В. Мельникова ж-Н.М. Жеребцова м-С.Д. Головин
 Алексей №2/1/1 Степан №2/1/2 Михаил №2/2/1 Иван №2/2/2 Павел №3/3/2 Всеволод №2/4/1 Дмитрий №2/4/2 Петр
 (1879-1932) (1890-1919) (+1904) (1884-1905) (1880-1918)
 Геннадий (1908-1938), ж-Попкова М.П. (1905-1996) №2/4/2/1 Андрей (1909-1980), ж-З.Н. Преображенская
 (1914)
 Марина (1937, м-В.И. Чемоданов (1942-1998) Петр (1956)
 Мария (1964)
 Артур (1983) Емельян (1991) Владимир (2001) Наталья (2003)

В русско-японской войне погиб и двоюродный племянник Е.К. Головниной (Смоляниновой), зауряд-прапорщик Павел Борисович Смолянинов при защите Порт-Артура в 1904 году. Его могилу разыскал в 1918 году его двоюродный брат Михаил Сергеевич Смолянинов, боевой летчик, полковник. Ниже приводятся в сокращенном виде мемуары М.С. Смолянинова. *Надпись на титуле тетради №8: «В случае моей гибели прошу надёжным способом переслать матери: "город Михайлов Рязанской губернии, Софии Петровне Смоляниновой».*

Запись от 14 июля 1918 года, во время посещения Порт-Артура: «Далеко на западе виднеется море. Отсюда я поехал на русское кладбище, для чего пришлось снова проезжать Новый город и далее двигаться вдоль речки, впадающей в бухту. Здесь имеется примыкающая к ограде кладбища маленькая часовенка с массой вьюнков внутри. Китаец-сторож предложил мне расписаться в книге посетителей. Кладбище утопает в зелени, могилы правильно распланированы, есть одиночные, есть и такие, где похоронены сотнями и даже тысячами, как одна, где лежат 6.550 прахов под одним крестом. Почти на всех могилах кресты, на могилах же больших, общих, шагов в 20 длиной - ничего кроме холма, обложенного с двух сторон камнями. Кресты однообразные: или чугунные, или серые, каменные. Я долго искал могилу двоюродного брата, полагая, что и его тело было перенесено с форта Tung-Shi-Kuan-Shan, и не ошибся: на одном из серых каменных крестов, подле небольшого обложенного камнями холмика и кустов акации, прочёл: "зауряд-прап. 25 в.с.с.н. Полозов и Смолянинов (фамилия неверна) + 11 - XI - 1904г." (он - кадет, доброволец). Далее пошёл по бывшим позициям к северному форту этого же названия. Этот форт окружён ровом сажени в 3 глубиной, высеченном в горном массиве, я обошёл его вокруг. Эскарповая двуровневая бетонная галерея изрешечена неприятельскими пулями и пробоинами от снарядов, пол между её этажами провалился. Бетонные массивы рассыпались, потрескались, осели. Контрэскарповая галерея в восточном фланге форта в одном месте сломалась пополам. Тыльное убежище обвалено, засыпано землёй. На одном его обломке - памятник-obelisk: здесь были убиты генерал Кондратенко и прочие присутствовавшие, в том числе и мой двоюродный брат. Внутренность форта - огромные ямы, холмы. Здесь также устроились продавцы пива, прохладительных напитков. После взятия высоты "203 метра" дни этого форта были сочтены. Русские сначала неудачно его взорвали, затем повторным взрывом форт был совершенно разрушен. Японцы его заняли.

Запись от 9.09.1918 по пути из Японии в Корею:

Немного поспал, проснувшись около 7 часов, увидел, что мы шли вблизи острова Цусима, большого гористого острова с несколько более высокой двухголовой вершиной посредине. Долго проходили с северной его стороны. Далее впереди в тумане виднелись берега Кореи. Где-то под нами лежат

уже 13 лет наши корабли Балтийского флота, и среди них эскадренный броненосец "Князь Суворов", с двоюродным моим братом, мичманом Головинным.

Запись от 6.11.1918, Владивосток:

Командир миноносца, он же командир минного дивизиона, лейтенант Дрейер, сказал мне, что дней 10 назад был здесь лейтенант Головин, мой двоюродный брат, а теперь он уехал в Омск. Я очень сожалел. Моряки самочинно отменили беспогонную форму Керенского, снова надели кокарды и погоны, мне это нравится: старая форма освящена веками, и менять её не следует. После поездки на Русский остров у меня сложилось уже представление о Владивостоке как о крепости: очень хорошая, естественная крепость, но требует все же большой инженерной подготовки. Вечером я был поражён неожиданным входом в наш вагон-столовую Серёжи Головина. Он приехал из Харбина и случайно услышал здесь мою фамилию. Он только в сентябре перебрался через "фронт", в Омске нашёл еще двух своих братьев. Служил в Петрограде на крейсере "Олег" старшим офицером, сохраняя всё время с командой великолепные отношения. Матросы на кораблях держатся за своих офицеров и критически настроены к Советской власти. Убийства флотских офицеров совершены, главным образом, береговыми командами, часть которых живет теперь на судах в Кронштадте. Из 8.000 офицеров Балтийского флота было убито всего лишь около 80. Газеты, по его словам, страшно всё искажают, передают тенденциозно. В России не так уж плохо живётся. Плохо приходится только офицерам. Недавно в Петрограде была произведена регистрация офицеров, после чего 3,5 тысячи из числа зарегистрировавшихся, была посажены на баржи, и потоплены вместе с ними. Много офицеров служит в Красной армии. Все штабные должности заняты офицерами Генерального штаба. Войска постепенно налаживаются. Крестьянство к форме правления относится пассивно. Красноармейцы удерживаются в войсках только высоким содержанием, готовым столом и обмундированием, всё это очень хорошо у них организовано. В народе сильно возросла религиозность. Урожай в России будет средний, а в Бессарабии и на юге - редкий по величине. Всё же хлеба недостаёт, и в Петрограде его частично заменяют селёдкой. Масло в Петрограде дешевле, чем здесь, как и материя и пр. Обед в первом классе ресторана "Медведь" стоит 30 руб., с кофе, и очень хороший. Одежда стоит дешевле, чем тут. Серёжа был очень удивлён, совсем не найдя здесь такого рая дешёвых продуктов, о котором рассказывают в Советской России; и если бы не хлебный вопрос, жизнь там была бы дешевле. Бежать его заставили недостаток хлеба и положение офицерства, - когда неизвестно, будешь ли жив завтра. Он был начальником штаба отряда некоего Степанова, оперировавшего в Вятской губернии. Отряд был "1-ым Продовольственным полком", посланным для реквизиции продуктов из Москвы, состоял, главным образом, из матросов

и взбунтовался против Совдепии. Среди офицерства и интеллигенции в России заметен сильный поворот в сторону Германии, вызванный инертностью "союзников" в помощи. По его словам, если бы там были более осведомлены об отношении к России иностранцев здесь, германофильство развилось бы в ещё большей степени. О том, что делается здесь, в Советской России осведомлены весьма и весьма скудно. Там всей страной правит Ленин, исполнителем же его и вдохновителем является Троцкий, в котором приходится признать государственного человека. Все мои взгляды вполне совпали с взглядами Серёжи. "Красильники", имение его отца, совершенно целы, и это почти единственное имение в Рязанской губернии, которое уцелело. Усадьба оставлена целиком, и при ней - 25 десятин земли с необходимым для её обработки инвентарём. Все его родственники живы, и он успокоил меня относительно моих, говоря, что в Красной России живётся далеко не так плохо, как говорят и пишут пристрастные люди. Все его рассказы были для нас каким-то откровением. До глубокой ночи провёл я с ним время в разговорах. Привожу выдержку из местной социалистической "Далёкой Окраины", вполне рисующую основания, на которых строится Новая Россия. Может быть, это так только здесь, на Дальнем Востоке, западнее же лучше, - надеюсь, что посмотрю сам. "Если большевизм привёл к гибели и разрухе, то почему деятели царского режима, приведшие в своё время к гибели страну, теперь окажутся более полезными и более способными к творчеству? Пока они приступают к работе по старому шаблону. Мы за эти годы научились многому, но вот претендующие на управление всей страной, на диктатуру "буржуазии и бюрократии", - почему не научились они?!". Что это так, достаточно видно из написанного мной в этой тетрадке. Я желаю, чтобы Молодая Россия строилась на новом фундаменте молодыми свежими работниками, принимая во внимание ошибки, сделанные их предшественниками. Только такая Россия будет иметь великое будущее.

Запись от 22 ноября 1918 года, Омск.

Был сегодня у двух других своих двоюродных братьев-кавалеристов, братьев Серёжи Головина. Служат оба по части конского ремонта. Как-то они вошли в компанию с каким-то предпринимателем и купили у правительства на Алтае 900 кв. вёрст золотых приисков. Видел я пробу, намытую на одной из заимок: очень богатая. Имеют они здесь и своих лошадей, которых пускают на бега, побивая всех местных.

Запись от 11 декабря 1918 года, Иркутск:

Здесь, на Большой Ланинской улице, д. № 76, живёт известная, как говорят, по всей Сибири гадалка Горячих. Сегодня я у неё два раза был. Она - молоканка, училась своему искусству где-то около Нью-Йорка. Женщина молодая, но выглядит очень пожилкой - благодаря своему занятию, как говорят. Она рассказывала мне о том, что предсказывала ещё 6 лет назад атаману Семёнову борьбу его за власть, и Атаман никак с этим, конечно,

не соглашался. Обстановка в квартире "колдуньи" самая обычная, есть даже иконы. Хорошо обеспеченная своим трудом, она не очень заинтересована в гонораре за работу, и берёт его только в случае удачного сеанса. Сеанс заключился в том, что она рассказывала мне то, что видела в стакане с водой, на дне которого лежал павловский, кажется, рубль. Рубль этот, перед погружением в воду, она даёт согреть в руках визитёру. Стакан, по временам, она прикрывает рукой - своей или посетителя. В общем, она мне поведала следующее: я много пережил, худшее осталось у меня позади, но оно сильно меня подорвало. Однако здоровья у меня хватит ещё на десятерых. Об этом всё, полагаю, можно судить и без гадания, по моему внешнему виду. О моём настоящем рассказывала так: у меня очень много энергии, и эта энергия мешала мне видеть большинство образов моих знакомых, вызываемых ею в стакане во время второго сеанса. Была у меня железная сила воли, но теперь она уменьшилась. Мой характер не жестокий и не военный. С этим я несколько соглашаюсь, но никак не могу совместить того, что я хитрый и, вместе с тем, доверчивый. Я не с востока, меня всё время влечёт юго-запад России. Близких своих я видеть теперь, в 11 часов местного времени, не могу: там, где они находятся, ещё ночь (должно быть, в самом деле - около 7 часов утра ещё). Чтобы их увидеть, она просила меня зайти около 3-х часов. Первый вызванный ею образ - моего брата, Стёпы, о котором она сказала, что он более, чем я, суров, носит теперь штатское платье. На стенке стакана я отчётливо видел *in parte* его голову, которую я рассматривал и в лупу, и без неё. Осмотрел со всех сторон стакан: нет ли обмана. Всё было хорошо, и его голову я видел под разными углами зрения к стенке стакана. Явление весьма занятное. Вызывала она затем изображения мамы, папы, но я их никак уже не рассмотрел. Видел смутный рисунок летящего самолёта. О моих родителях она сказала, что все они живы, но отец находится где-то отдельно, в туманной стране. Дома узнали теперь, что я жив. Один из моих родичей умер. Я попросил вызвать образ подпоручика Олейника, пояснив, что он умер. Гадалка на это сказала, что брюнет (Олейник, действительно, брюнет) жив, умер же блондин, и показала мне его кости. Насколько всё это справедливо - увижу, также, как и проверю её предсказания о будущей моей жизни. По её словам, еду я в один город, попаду в другой; скоро увижу родителей. По приезде на место некий блондин будет предлагать мне работу (думаю - Борейко). Говорила далее, что сотрудничать со мной будет какой-то морской офицер. Я буду работать втроем с кем-то. В ближайшие месяцы перемен в моей жизни не будет, будут же они весной. Года через два на моих плечах будут сплошные серебряные погоны. Мне придётся иметь дело с иностранными солдатами в чёрных кеппи, и обстоятельства, в конце концов, будут благоприятны для меня. Временами будут какие-то неприятности, бумажные хлопоты, но затем всё улучшится. Грозит мне какая-то серьёзная опасность, но я её избегну.

Придётся иметь дело с генералом, у которого двойная борода, и которому не следует верить. Хотя я и не собираюсь ехать на восток, но мне всё же придётся съездить туда ещё раз. В будущем я снова увижу эту гадалку. Женат я не буду, но без венца буду счастливо жить с какой-то иностранкой. Её головку я видел в стакане: белокурая, с густыми волосами и тёмными глазами. То, чего я желаю, - сбудется. На мой вопрос, что же именно, она замечательно точно сформулировала моё желание: "Вы желаете того, чтобы хорошо жилось как Вам, так и народу". Я спросил, насколько окажусь полезным своей Родине? Она ответила, что я сделаю много добра "черни", которая будет меня любить. Сказала, что работы у меня будет очень много, но она будет только ради других. Это вполне в моём характере. Будущее моё, вообще, всё светлое. Я спросил её затем об участи России. Покачала головой, говоря, что настоящие события предсказывала 10 лет назад. В дальнейшем у нас будет английского типа монархия, затем снова революция и затем - участь Польши. Всё это вполне возможно. Трудно сказать, насколько правдивы слова "колдуньи", но во многих её образах есть доля правды. Относительно оккультизма я думаю, что эта наука не вполне ещё разработана и малоизвестна. Относиться с недоверием к тому, чего не знаешь - нельзя.

Запись от 23 февраля 1919 года:

Лично я всегда чувствовал внутреннюю антипатию и к революционерам, и к их противоположности, - их расстреливающим и хвастающим расстрелами. Думаю, что это происходит потому, что как те, так и другие используют насилие. Во времена Великой французской революции Бурбоны бежали от революции, предоставив народ анархии. В этом я обвиняю себя и всех подобных мне и извиняю себя только тем, что "бежать" меня заставило единственное стремление - продолжать войну с Германией. В себе я ощущаю все недостатки русского человека и все его достоинства, т.к. в жилах моих течёт только русская кровь. Поэтому я и люблю русский народ и рад, что я русский, со всеми характерными для нас качествами. Свою чрезвычайную непрактичность (я даже не умею поставить самовар) я унаследовал от отца, либерализм - от деда, Константина Николаевича Смольянинова (наделение им крестьян после освобождения их), от одного из прадедов - масона ("Война и Мир" Толстого) и некоторых других представителей рода моего по отцу. С материнской стороны, нарышкинской, я унаследовал резкость суждений, прямоту (дед, Пётр Николаевич, по семейным рассказам, служил в одном из гвардейских конных полков, замахнулся шашкой на какого-то Великого Князя, а родной дядя, Александр Петрович, бывший якутским вице-губернатором, не был в чести у правительства за прямоту). От обоих родов - доброта характера, некоторая склонность к идеализации людей, которых я люблю, скорее, как представителей человечеств, чем как отдельных лиц.

Запись от 2.05.1919, Екатеринбург: встретился вчера с женой лейтенан-

та Головнина. Безосновательно подозреваемый в большевизме, он во флот не попал и служит теперь в конной батарее, формируемой в деревне Уктус. Как рассказывала мне жена Головнина, в авиационной ставке до сего времени нелады между Бойно и Борейко. Среди чинов ставки процветает спекуляция, о которой знают в Омске всюду. Под видом авиационных грузов с востока возят сукно, чай и т.п. Лишнее доказательство общей неспособности так наз. "интеллигенции". Далее - материалы о самом Михаиле Сергеевиче Смольянинове., взятых из различных источников: "...30 мая 1917 летчик 1-го Туркестанского авиаотряда штабс-капитан Михаил Сергеевич Смольянинов вылетел на трофейном самолете "Эльфауге" на разведку, не вернулся на свой аэродром Кременец, а приземлился городе Солунс (Салоники), сделав по пути одну посадку в Румынии. Самовольный перелет к союзникам был вызван нежеланием штабс-капитана, примириться с обстановкой, сложившейся в армии после свержения монархии. В Салониках Смольянинов продолжил службу на стороне союзников, а в конце августа снова вернулся в Россию, совершив при этом безостановочный перелет из Салоников в Белград (Бессарабия). (90). "поделиться с батареей своим заключением о необходимости немедленного открытия огня по этому самолету. Пилотом этого Шнейдера был наш русский летчик Смольянинов, совершивший на нем обратный перелет из Салоник в Белград. К англичанам он отправился месяца три назад, чтобы с ними вместе сражаться на Салоникском фронте. Они не только предложили ему перекрасить опознавательные русские круги в свои цвета, но и наложили на него гораздо большую, и наиболее опасную нагрузку боевых полетов. Разочаровавшись в этих доблестных союзниках, Смольянинов ночью, закрыв с досады английские цвета подручной светлой краской, смело пустился в обратный путь. Лишь в полете, пролетая над всей Болгарией, он сознал свою сугубую опасность на случай вынужденного спуска, так как его могли бы расстрелять при вынужденной посадке, как шпиона. Тем не менее, это принесло ему пользу, так как его никто не обстреливал на пути, боясь ошибок. Однако нельзя не признать, что такая маскировка обоюдоостра". (из книги Б. Иванова "Борьба с воздушным врагом". ГИЗ, 1930). Кузнецов В., Месняев Г., Смольянинов С. и Шатилов В. ("Военная быль", Париж, 1954, №11, стр. 24). Памяти друга, военного лётчика полковника Смольянинова. Есть люди, которых не удовлетворяют обычные жизненные пути, мужественное и страстное сердце которых стремится к новому и неизведанному,двигающему нас вперед. К такой породе людей относился и наш товарищ, кадет-орловец 60-го выпуска (1909 года) Миша Смольянинов — серьезный, спокойный, приветливый, аккуратный и подтянутый кадет, с приятным миловидным лицом. В то время как шумная кадетская толпа занималась своими обычными суетными делами, Мишу Смольянинова мы привыкли видеть сидящим за партой, углубленным в сложные математические расчеты, которыми он стремился подкрепить

технические изобретения, родившиеся в его мозгу. При этом он всегда, в муках творчества, нещадно тер лоб и ворошил белокурый бобрик. Свою тягу к новому, к новым открытиям и изобретениям, Миша надеялся удовлетворить на морской службе, но в Морской корпус ему попасть не удалось, так как на медицинском осмотре у него были обнаружены признаки дальтонизма, который он после этого настойчиво старался преодолеть, часами перебирая и раскладывая цветные шерстинки, в надежде приучить глаза к их оттенкам. Потерянная морская стихия, однако, нашла замену в другой, не менее, а может быть, более манящей стихии, - стихии воздуха. Ко времени выхода М.С. Смольянинова из корпуса, Русская авиация уже становилась на твердую почву, и он, юнкером Михайловского училища, пользуясь своим родством с начальником авиационного отдела Гатчинской Воздухоплавательной школы полковником С.А.Ульяниным, стал частым посетителем Гатчины, жадно знакомясь с тогдашними достижениями авиационного дела. Отбыв обязательный строевой стаж в 13-й артиллерийской бригаде, он поступил в Авиационную школу, где, во время одного из учебных полетов, сломал ногу и после всегда ходил с палкой. Началась война, и М.С. Смольянинов выдвинулся в первые ряды блестящих русских летчиков, участвуя во многих воздушных боях и выполняя ответственные боевые задания, за которые он был награжден многими боевыми орденами, включая Георгиевское оружие. Революция прервала нормальный и славный путь доблестного русского офицера. Смольянинов не мог мириться с постыдным бездействием, на которое обрек его распад Русской армии. Желая продолжать борьбу, он принял смелое решение — перелететь на ближайший от места его службы союзный фронт, каковыми были Салоники. На своем немецком трофейном "Альбатросе", без посадок, он перелетел над неприятельской территорией и фронтом, подвергаясь обстрелу (был легко ранен) и, достигнув цели, явился в распоряжение командира Особого Русского Экспедиционного Корпуса в Македонии генерала Дитерихса. Если вспомнить все несовершенство тогдашних летательных аппаратов и всю необычность далекого беспосадочного полета над вражеским расположением, то станет понятной исключительность подвига бесстрашного летчика, подвига, который до сих пор сохранился в памяти боевых товарищей М.С. Смольянинова. На Македонском фронте, состоя в авиационных частях союзных войск, он принял активное участие в воздушных операциях, проявив себя все тем же искусным и бесстрашным летчиком. За свои боевые подвиги он получил иностранный орден. Однако беспокойное сердце орловского кадета звало его на Родину, и когда, под впечатлением корниловского выступления, ему показалось, что Русская армия возрождается, он испрашивает разрешения вернуться в Россию и, получив его, тем же необычным путем, на своем самолете, возвращается домой. Крах всех надежд на восстановление Русской воинской силы заставил Смольянинова искать новых путей для продолжения служе-

бы России. Он, вместе с сербскими частями (добровольцами из пленных), перебирается в Сибирь, а затем в Пекин, где тщетно обивает пороги разных союзных миссий, пытаясь получить разрешение на отправку на Западный союзнический фронт. Не добившись такого разрешения и бросив в лицо союзным военным бюрократам свой иностранный орден, он включается в белую борьбу в Сибири, командуя авиационным отрядом в армии ген. Пепеляева. В первом полете очень несовершенный аппарат, на котором летел Смольянинов, по неизвестной причине загорелся, и доблестный офицер трагически погиб, как гордый орел, опаливший свои могучие крылья. Гибель его случилась в мае 1919 года, в районе между Пермью и Глазовым, у станции Верецагино. Погребен он был у той же станции, и в гроб была положена его верная палка. При погребении присутствовал двоюродный брат героя, старший лейтенант Головнин. Миша Смольянинов погиб 29 лет. Жизнь его была недолгой, но насыщенной славными и яркими делами, проникнутой напряженным духом, который отличал старых русских кадет. В славном созвездии кадетских жизней, отданных на алтарь Отечества, короткая жизнь Миши Смольянинова будет, незримо и невидимо для многих, сверкать чистой и немеркнувшей звездой. Вечная слава и вечная память да будут ему и всем верным русским людям, разделившим его судьбу. С любовью и гордостью мы, его сверстники и товарищи по незабываемым кадетским дням, в год тридцатипятилетия его славной смерти, — склоняем свои седые головы над его далекой, потерянной и покинутой, но незабытой могилой.

Для ознакомления с VIII корпусным авиационным отрядом, который вошел в состав моего дивизиона, я вылетел в его расположение. Это был образцовый разведывательный отряд. Его возглавлял неустрашимый и настойчивый в выполнении боевых задач начальник - военный лётчик штабс-капитан А.И. Олейник. Здесь я познакомился с интересным и оригинальным представителем русской разведывательной авиации - военным лётчиком поручиком М.С. Смольяниновым, летавшим с протезом. При каких обстоятельствах он потерял ногу - мне неизвестно, но то, что он продолжал полёты (да ещё какие!) после постигшей его катастрофы - красноречивее всяких слов говорило о его отношении к авиации. Смольянинов питал особое пристрастие к немецким пленным аэропланам. Я застал его на новом "L.V.G.", на котором он летал до конца войны, а в 1917 году совершил перелёт через всю Болгарию на Салоникский фронт и обратно. По натуре Смольянинов был замкнут и угрюм, но свои боевые обязанности он выполнял спокойно, непоколебимо, несмотря ни на какие трудности, считая, что этим выполняет свой священный долг перед Родиной. За всё это Смольянинов пользовался заслуженным уважением и всеобщей любовью в отряде. (91).

Глава: "Взаимоотношения солдат и офицеров в авиационных отрядах".

Как-то меня вызвал к прямому проводу командир XI авиационного дивизи-

зиона. "У аппарата капитан Степанов", - прочёл я на ленте телеграфа "ЮЗА". Простите, что вас беспокою, но у меня несчастье с VIII отрядом, - сказал Степанов, - там начальник и все офицеры поссорились со своими солдатами, и мне никак не удаётся их примирить. Умоляю вас, помогите мне в этом. Ведь это прекрасный отряд, и очень важно, чтобы он мог работать нормально. В тот же день, после обеда, я отправился в VIII корпусной отряд. Здесь все офицеры-лётчики были мне знакомы. Не было только капитана Олейника, который теперь командовал VI авиационным дивизионом на левом фланге Румынского фронта. Во главе VIII отряда стоял штабс-капитан Смольянинов. Я попросил его собрать всех солдат двумя группами, отделив мотористов от остальной команды отряда, и сказал, что говорить с рядовыми буду в отсутствие офицеров. Когда солдаты собрались, я обратился к ним со следующими словами: «Прежде всего вас прошу быть совершенно откровенными и правдивыми со мной. Вы должны, открыто объяснить, что у вас произошло в отряде. Почему появились какие-то нелады между вами и офицерами? Разве ваши офицеры теперь стали другими, хуже, чем они были раньше»? Никак нет! - дружно ответили рядовые. Если это так, то мне непонятно, что же вам теперь в них не нравится? Они сторонятся нас, будто мы для них стали хуже! - бойко заявил один из разбитных солдат. Ну, если ничего плохого у вас с офицерами не было, то это ещё поправимо, - сказал я, - надеюсь, что жизнь в отряде наладится. Отныне вы, как полноправные граждане нашей свободной родины, должны жить её интересами. Война ещё продолжается. Перед нами стоит враг, вооружённый до зубов, а следовательно, наша авиация должна быть по-прежнему бдительной и боеспособной. Не нарушайте же и вы неладами с офицерами боеспособности своего славного отряда. Разговор с мотористами был проще. Впрочем, отношения между офицерами и мотористами оставались хорошими. А вот с офицерами разговаривать было уже труднее, но мне всё же удалось убедить их и внушить, как надо вести себя теперь с солдатами. Труднее всего было сломить начальника. Сурово и требовательно относясь к самому себе, Смольянинов никак не мог понять, как это в отношениях с подчинёнными должна проявляться какая-то гибкость. Примирив поссорившихся, я уехал из отряда.

Смольянинов Михаил Сергеевич: родился 27 сентября 1890 года, из потомственных дворян Рязанской губернии, в 1909 году окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, в 1912 году Михайловское артиллерийское училище, в 1913 году авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы

Присвоены звания: подпоручика - 06 августа 1912 года, поручика - 31 августа 1914 года, военного летчика - 06 марта 1916 года, штабс-капитана - 25 ноября 1916 года.

Прохождение службы: в 1909 году окончил Орловский кадетский корпус.

С 1909 по 1912 год обучался в Михайловском артиллерийском училище. 06 августа 1912 года выпущен в 13-ю артиллерийскую бригаду.

С 19 сентября 1912 года служит в бригаде. С 01 октября по 05 декабря 1912 года - делопроизводитель 4-й батареи. 15 апреля 1913 года командирован в Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы.

С 21 сентября 1914 года зачислен в 3-м полевом авиационном отряде. 20 марта 1915 года во время воздушной разведки получил "касательное ранение наружной стороны голени". 04 июля 1915 года прикомандирован к 24-му корпусному авиационному отряду. 08 июля 1915 года переведен в 3-й полевой авиационный отряд. 10 ноября 1915 года, возвращаясь после трехчасовой разведки, "упал с аэропланом с высоты 200 метров; получил ушибы локтевого и коленного суставов. Доставлен в лазарет в бессознательном состоянии". Эвакуирован. С 06 марта 1916 года - старший офицер отряда. 20 апреля 1916 года переведён в 8-й армейский авиационный отряд. С 30 июня 1916 года - командир 8-го армейского авиационного отряда. С 08 июля 1916 года - командир 5-го корпусного авиационного отряда. С 27 марта 1917 года - командир 1-го Туркестанского корпусного авиационного отряда. 09 июня 1917 года переведен в 8-й армейский авиационный отряд на должность летчика по собственному желанию. 29 августа 1917 года перелетел на самолете "Шнейдер" в Белград. Прикомандирован к английскому авиационному отряду в Сербии. 15 сентября 1917 года возвратился в Россию. С 17 ноября 1917 года - помощник командира 3-й боевой авиационной группы. Получил награды:

Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом – Высочайший приказ от 25 июня 1915 года;

Св. Анны 3-й степени – Высочайший приказ от 12 августа 1915 года, за окончание Авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы в 1913 году; Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом – Высочайший приказ от 16 сентября 1915 года, Св. Станислава 2-й степени с мечами – Высочайший приказ от 13 декабря 1915 года; Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» - Высочайший приказ от 02 марта 1916 год; Георгиевское оружие – Высочайший приказ от 10 декабря 1915 года "за то, что 18-го февраля 1915 года, при весьма неблагоприятной погоде, подвергая свою жизнь исключительной опасности от огня противника, произвел воздушную разведку тыла противника на фронте 11-го и 30-го армейских корпусов и доставил особой важности сведения, повлиявшие на успешный ход дальнейших операций».

Судьба М.С. Смольянинова после 1917 года: служил в белых армиях Восточного фронта. Произведён в подполковники. 29 января 1919 года допущен к исполнению должности начальника воздушного флота Сибирской армии. 01 апреля 1919 года утверждён в этой должности. В 1918-1919 годах впервые перевёл на русский язык мемуары Манфреда фон Рихтгофена. (Манфред фон Рихтгофен "Красный истребитель". Омск, тип. Союза

Центросибирь, 1919, 2000 экз.). 20 мая 1919 года сгорел в самолете, потерпев аварию». (92).

20 мая 1919 года. Приказ №22 по Авиационной группе Сибирской Армии, станция Верецагино.

1. Сего числа, в 5 часов утра, самолет "Альбатрос" №797 ("Мерседес" 127 НР №23377) во время перелета со станции Верецагино на станцию Кез, командира АГ СА, военного лётчика, подполковника Смольянинова на высоте 600-700 метров от неизвестной причины загорелся на 327 версте Пермской железной дороги. Лётчик выпал из перевернувшегося аппарата на той же высоте и разбился насмерть, самолет сгорел.

Выдержка из разговора по прямому проводу: у аппарата Командир 2-го Сибавиаотряда штакап Ильин и в Омске Начвоздухфлотверх полковник Бойно-Родзевич. В 5 часов утра 20 мая перелет полковника Смольянинова на Альбатросе- Мерседес 127 Верецагино- Кез. Самолет загорелся вблизи разъезда 28 на высоте 800 метров. Полковник Смольянинов, выброшенный с самолета с 600 метров, разбился насмерть. 14 мая полковник Смольянинов хотел идти в тот же перелет. На разбеге вследствие выхлопа из карбюратора Альбатрос загорелся на земле. Пожар был потушен. 20 мая пожар произошел, видимо, по той же причине. Имущество полковника Смольянинова и акты посылаю в Ваше распоряжение 22 мая. Прошу приказаний, где хоронить тело. Желательно в Перми при армии. Средств для погребения в Управлении, и цинкового гроба нет. Прошу содействия или разрешения временно использовать технический аванс. Укажите размеры. На имущество Комиссия составила акт. Письма, документы, другие бумаги для передачи матери покойного, согласно его последней словесной воле, переданы под расписку в акте военлёту прапорщику Бердникову. Вещи Смольянинова сданы двоюродному брату лейтенанту флота Сергею Сергеевичу Головнину. (Кроме журналов полетов штабс-капитана Смольянинова за 1917 год и послужного списка за ноябрь 1917 года).

РГА ВМФ, ф.406, оп.9, №912. В «Формулярном списке лейтенанта Сергей Сергеевича Головнина за 1912 год» указано: «Награжден орденами: «Св.Анны 3 степени с мечами и бантом, Св.Станислава 3 степени с мечами и бантом, имеет знак об окончании Морского Кадетского Корпуса и знак за отличную стрельбу – Императорский приз за состязательную стрельбу из револьверов с вензелевым изображением Имени Государя Императора, светло-бронзовую медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых. Родился 20 сентября 1890 года, из потомственных дворян Рязанской губернии. С 1906 по 1909 год плавал на различных учебных судах в Балтийском море. 9 сентября 1908 года приказом по Морскому Корпусу №160 произведен в гардемарины и зачислен в действительную службу. 10 мая 1908 года переведен в младший специальный класс по экзамену. 17 октября 1908 года приведен к присяге на верность службы. 7 мая 1909 года переведен средний класс, 7 октября 1910 года переведен в старший специ-

альный класс и произведен в младшие унтер-офицеры с назначением в 3-ю роту. 9 мая 1910 года назначен в плавание на описную карту Морского Корпуса. 23 июня 1910 года переведен с описной баржи Морского Корпуса на крейсер «Олег». 10 апреля 1911 года приказом по Морскому Ведомству №101 произведен в корабельные гардемарины, и на основании приказа №98/104 предоставлено право ношения знака об окончании полного курса наук в Морском Корпусе. 16 апреля 1911 года циркуляром Главного Морского Штаба №115 зачислен в 1 Балтийский флотский экипаж (ФЭ), 12 мая приказом начальника действующего флота Балтийского моря №163 назначен на броненосный крейсер «Громобой», 16 декабря приказом Командующего Морскими Силами Балтийского моря №631 назначен в учебный артиллерийский отряд, 18 декабря приказом №645 назначен к обучению новобранцев. 1 ноября 1911 года приказом Начальника бригады крейсерской эскадры Балтийского моря №203 списан в распоряжение ГМШ. 29 марта 1912 года приказом №230 отчислен от обучения новобранцев. 14 февраля 1913 года получил приз за отличную стрельбу. 21 февраля 1913 года пожалован светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых. 22 марта 1915 года Высочайшим приказом по Морскому Ведомству №1393 произведен в лейтенанты. 31 марта 1915 года приказом Начальника фланговой шхерной позиции и 1 Минной дивизии №225 утвержден в должности ревизора канонерской лодки «Кореец». 19 августа 1915 года приказом Командующего флотом Балтийского моря №888 назначен на Приморский фронт Морской крепости Императора Петра I и назначен приказом №1082 старшим офицером 18 роты на батарее №36. 13 октября 1915 года приказом Командующего флотом Балтийского моря №85 за храбрость и мужество, проявленное при выполнении операции, сопряженной с явной опасностью и имеющей большое боевое значение, награжден орденом Св.Станислава 3 степени с мечами и бантом. 7 октября 1915 года приказом Начальника обороны Приморского фронта №1407 назначен командиром 1 роты и батареи №32 с отчислением от должности старшего офицера 3 роты. 27 декабря 1915 года приказом №1409 назначен в службу связи Балтийского моря. 30 июля 1916 года приказом Командующего флотом Балтийского моря №519 за самоотверженное мужество и прилежные труды в обстановке военного времени награжден орденом Св.Анны 3 степени с мечами и бантом. 30 апреля 1917 года приказом Командующего флотом №180 переведен с Приморского фронта в отряд судов охраны Ботнического залива. 14 мая 1917 года приказом №238 переведен на сторожевое судно «Колчак», 23 июня приказом №70 назначен старшим офицером заградителя «Ильмень». 15 апреля 1918 года временно вступил в командование заградителя «Ильмень». 14 июня 1918 года окончил теоретические курсы «Техники путей сообщения» при Союзе «Труд и Знание». 22 июня 1918 года приказом Командующего флотом Балтийского моря №364 назначен 1-м помощником командира крейсера

«Олег». 30 июня 1916 года вступил в 1-й законный брак с девицей Ирэнной Яновной Вейтко, которой от роду 18 лет, вероисповедания римско-католического. Летом 1979 года Ирэна Яновна, по туристической путевке, прилетела к семье Головниных в Ленинград, и долго рассказывала о своей необычной судьбе: *«в 1918 году она, вместе с мужем, добралась до Омска, где встретили Михаила, Бориса Головниных и Мишу Смольянинова. Вступили в Белую армию адмирала Колчака, вместе с Сергеем Головниных участвовала в попытке освобождения Царской Семьи в Екатеринбурге, вместе и отступала до Тихого океана. В неразберихе военного времени где-то под Читой, потеряли друг друга. Думая, что муж погиб, Ирэна Яновна прибыла во Владивосток и далее в Японию, а оттуда во Францию. В Париже познакомилась с поляком Барановским и вышла замуж. Работала научным сотрудником в Лувре, и на последнем пароходе в 1940 году при подходе немцев, сумела добраться до Англии. Работала научным сотрудником в Британском Музее в Лондоне, и только на старости лет, решила приехать в СССР в 1979 году. Посетила Москву, где встретила дочь Сергея Головнина от второго брака, и только от неё она узнала, что Сергей был ранен, долго болел, но добрался до Москвы, где был выдан матросом, с которым служил в Первую мировую войну на Приморском фронте, бал схвачен НКВД, и в 1938 году, вместе с братом Михаилом был расстрелян. Ирэна Яновна подарила семье Головниных золотую запонку своего Сергея, а вторую запонку подарила Милице Борисовне Зеленой (Головниной), дочери Бориса Сергеевича Головнина, с которым в бурных 1918-1919 годах воевал против заговорщиков её Сергей. Ирэна Яновна скончалась в Лондоне в 1983 году, но самые её приятные впечатления были связаны с Россией».*

XII

18-го мая, ехала с Ксеньей в Петербург, надеясь, может быть, узнаю вдруг,
Что-либо, об участии страдальца моего, в Штабе, через родственника моего.
На Васильевский остров, еду к Головниным, дом их стал еще более мне родным!
Проезжая мимо Корпуса Морского, от слез не слышу я шуму городского!
Сердце, душа разрываются на части, от скорби, горя в этом несчастье.
Утешений не надо, их никто дать не мог, одна мысль, вернул бы мне его Бог!
У Пети в доме все напоминает, глядеть на морскую форму, удовольствия не доставляет.
Ката, его жена, мне сказала, чтобы лучше возврата его не ожидала.
Предчувствие ей будто говорит, что Митя наверное убит!
К Коргуевым поеду я, еще более расстраиваю себя.
У них, рассказывали мне, как мечтал он о войне.
Прощаться к ним приезжал, по всем комнатам пробежал!
На все взглянуть в последний раз, жалел, что никто не приехал из нас.
Вера Петровна видела его во сне, с маленькими девочками был на небесе!
Сказал, что ему здесь - так хорошо!
Масявка курсы кончала, о Мити, в Смольном тоже тосковала!
По случаю войны – бала нет, только один концерт.
С Петей поехала, в карете я вдвоем, что не говорим, все с того же начнем.
Жаль на Машу мне глядеть, и сочувствия в её радости не иметь.

Не до то мне, конечно, было, притупились чувства - всё застыло!
 На другой день Масяву, как невесту нарядили, и с ней к часовне Спасителя мы подка-
 тили.
 Молебн отслужили, помолились, и с визитами еще пустились.
 Не чаяла я, этой трепки конца, перекрестилась с последнего крыльца!
 Ксеничку на экзамен возила, выдержала – осенью в Смольный поступила.
 С неделю я пробыла в столице, всюду траур – мрачные лица!
 В Штаб Морской родственники гурьбой, узнавали все, про Цусимский бой.
 Через Петю везде справлялась, решительно ничего не узнавалось.
 Когда была уже я дома, телеграфировали мне: «Что Митя не спасен от погрома!»
 8 месяцев вестей мы ждали, «чтобы убит» - нигде не читали!
 Просфору «за здравие» все подавали, панихиду еще служить – не решала!
 Одно было на уме, не поверю – пока у очевидца не проверю!
 У Коли невеста была, опять женитьба, расскажу позже о них.
 Гостила у нас Машина подруга, Соня Туркул и Маша два друга.
 Они ходят веселиться, а у меня душа злится!
 В доме все не мило, все здесь как-то постыло!
 Больше все искала единенья, не ради своего успокоенья!
 На балконе все сидела, и на Восток глядела!
 Пароходные губки в сердце проникали, будто бы наши – японцев встречали!
 Так грустно, мучительно тяжело, перед глазами все образ его!
 Ни одного семейного тожества, не видал Митя никогда!
 Все новости ему писала, знал все, но война видеть помешала.
 И вот еще, женитьба Коли, причисляется к этой доли.
 В августе за Соней приехала мать, милейшая женщина, Софьей Константиновной её
 звать.
 Своим приездом немного меня развлекла, только не долго она пробыла.
 Я тоже собиралась в Петербург, вести Элю, Ксеню, которая поступила в Институт.
 Радовалась я ехать опять туда: пароходы, Нева, разговоры с моряками готова вести це-
 лыми днями.
 Сережа вступительный экзамен сдал, в Морской Корпус, на казенный счет попал.
 Форму на нем видеть дождалась, с большой любовью, еще к нему отнеслась!
 Пырьку в Смольный отвезла, не скучала – наоборот – весна!
 С «Князя Суворова» не видала никого, из плена не приезжал еще никто!
 Благословила детей своих, и уехала от них!
 Пришел крестьянин наш, ехал по Казанке,
 Матроса с «Суворова» видал, говорит гувернантки: «Скажи господам! Адрес его по-
 дам».
 Письмо в Вологду послала, ничего – нового не узнала.
 Матрос в Москву поехал, муж и я тоже, к нам заехал.
 Часов пять с ним говорили, Митю в экипаже любили.
 Сколько ужасов он рассказал, все-таки Митю убитым не видал!
 Он был командир башни носовой, когда начался ужасный бой.
 Нос корабля пылал в огне, задохлись в башне все!
 Мученической смертью погиб, Господь ему все простит!
 Мир праху твоему! Будет вечно – у меня наяву!
 Первую панихиду в январе по нем служили! Как грустно мне – я не на могиле!

XIII

Коля жил в Москве, дело было к весне.
 Как доверителя Синего креста, в путешествие по сбору, услали молодца!

Почему же не так? Он был очень рад!
Дорога за счет учрежденья, на все такие нововведения!
В захолустных местах носили его на руках!
Губернаторы встречали, архиереи провожали.
С обеда на обед, Николай пустился в темный свет!
Деньгами завалили, в Комитете его благодарили!
Кажется? Впервые честный человек, объявился к ним в XX век!
Прежде Север он ампутировал, затем Юг эксплуатировал.
Суворовым взят был Измаил, хотя Месаксуди он не курил.
А Коля без него не мог, талисман его – непреступный порог!
Сколько Месаксуди ему не курить и портсигаром не долбить,
Счастье ему, большое принесло, когда в Бессарабию его занесло!
Знакомого Филиппова встретил, в невесты сестру его себе наметил.
Наружностью своею барышню победил, сам полнушку Лиличку полюбил!
Но она не спешила – долго за нос его водила!
Вернувшись, отчет сдал в Комитет, проценты получил, подсобрал камуфлет.
Отказался от этой миссии, упаси Бог эти комиссии!
В дар к нам Николай, москвичам, в деревне – рай!
Вижу Коля около меня жметя, что скажет – смеётся.
Остались вдвоем, вопрос ему задаю: «Коля, что с тобой? Я этого не люблю.»
«Может быть в дороге ты влюбился? Да, Мама – с удовольствием бы женился!»
В Портсмуте мир заключен, позорным миром наречен!
С японцами наскоро помирились, которые нам же ухитрились,
Революцию подготовить, народ против Царя озлобить!
В Манчжурии войска смущали, и последний флот нам возмущали!
Забастовки начались, агитаторы нашлись.
Войска, казаков рассылали, по городам, где бунтовали!
Борис с эскадронам в Москве стоял, Аша с детьми у нас, муж уезжал!
Железнодорожная забастовка, в почте конечно остановка.
Друг о друге все сучали, различные слухи всех пугали.
В Москву большак открылся, ящиками, моторами даже покрылся.
Послали о наших, как поживают, не очень ли унывают!
Вернулся, маленько отлегло, все, Слава Богу, ничего!
У Кавочки Варенька дочь родилась, она жила у матери, как забастовка началась.
В имениях мужики шебуршили, и помещиков чуть не душили.
Масса усадеб было сожжено, по их понятиям – так должно!
Еще недород в хлебе был, народ всюду пил.
Правительство помогло, что не делай им – все мало!
Переживалось страшное время, несчастный Царь, тяжелое нес бремя!
Коля по желанию невесты, казалось ей – пейзажи прелестны!
Просила имение подыскать, так поэтично в нем проживать!
Купил хутор у Аннет, который был у нас на примете.
Заново весь отделал дом, чисто, уютно стало в нем.
Прежде в нем Аннета наслаждалась, имение хутором Отрада называлось.
Устраивал Коля с любовью большой, хозяйством занялся с любовью большой
Перед Рождеством забастовку прекратили, поезда переполненные катили.
Коля бедный истомился, что с невестой письмами не сносился.
Свадьбу откладывать не возможно, такое время, лови, когда можно!
Телеграмма разъяснила все, наконец, невеста в Одессе венчаться решила!
Представительница семьи нашей, Маша одна, живо в дорогу её собрала.

Неделю проездила и вернулась, так скоро, что не очнулась.
Но успела уже влюбиться – в Юг, море и адмиралов, и полюбить соус из баклажанов.
Замуж выйти на Юге предсказали, а молодые в Отраду выезжали!
Коля с Лиличкой у себя поселился, счастлив и рад, что женился!
О войне перестали вспоминать! Революция успела больше страху нагнать!
Мое гору, революция смягчала – бунт на флоте, вся земля прокричала!
Сколько гибло от матросов офицеров? Никто не помнит таких примеров.
Смерть на войне – достойна! Озверевшая толпа – крамольна!
Дисциплины не признает, и на начальство – какую часть кладет!

Конец III части

I

Университеты бастовали, студенты бунтовали.
Петя решил место искать, Кокоша взялся ему помогать.
В Сибирь место выходило, репетитором к американцам, это подходило!
В Алекминской области ему жить, за 75 рублей надумал кормить.
Жилось ему у Фелль прекрасно, грустил не по ком ужасно!
Полюбили чужие люди его, смотрели как на близкого своего.
Спасским заводом место называлось, железо, медь и золото добывалось.
Дух времени и – туда проник, свобода – долетела в один миг!
На заводе начальство иностранцы, не могли уговорить рабочих американцы.
Просили Петю порядок водворить, всегда умел их усмирить!
Уж репетиторство стало на второй план, дети читали, писали по-русски там.
Помощником директора завода, сделали его через полгода.
Жалование прилично, жить ему отлично!
Скоро три года там живет, женился, теперь наследника ждет!
Вся семья наша разбрелась, жизнь иная началась.
В хозяйство я уж не входила, Юлия Ивановна это дело любила.
В доме Верочка одна, француженка для неё была.
Сложив руки сидеть, я не терплю, дело – заботы, я люблю.
Кустарным делом увлеклась, усердно производством занялась.
Не ради заработка крестьянам, идеи не было такой,
Это только, высшей сфере дамам.
Приходят мысли такие, фантазии случаются дикие!
У меня доход шел и мы, когда материи продадим,
Даже оставалось мне класть на книжку, не обижая рабочего мужичку.
Деньги эти тратила на детей, преимущественно – на дочерей!
34 года Паша у меня прожила, детей моих обшивала,
С больными возилась, от трудов, от службы утомилась.
Захотелось ей на покой, не стало уж расторопности такой.
К сыну своему поехала, по Казанке далеко уехала.
Все-таки скучала иногда, напишу ей, она приедет тогда.
После Паши, ни к кому не привыкала, и горничной искать себе не стала.
Была при мне, хорошая Дуняша, но по делу, конечно, не Паша!
Для меня тяжела эта перемена, скучала долго, как без рук сидела.
Всю зиму материал возили, потом мастеров пригласили.
Дом строить начали себе, все лето живя
Маша, всех самостоятельнее была, боязлива, жизнерадостна и добра!
Деревню зимой не любила, разворчитесь – бывала скучлива!
В Рязани веселий никаких – люди жили, обходясь без них.

В Питер Машу приглашали, подруги гостить к себе звали.
Целых 2 месяца жила, Святки даже там пробыла.
У Стефанских, в милой семье, с их дочерью, барышень было две.
Много Маша веселилась, и еще больше с Соней подружилась.
Как-то к характеру они подошли, узнать судьбу – по рублевке ему поднесли.
Гадает Маша: «на 21 –м году, замуж выйдите, вот не вру!».

II

Незаметно летит время, вот уже кончат курсы Эля.
Опять в Питер еду, по прежнему примеру.
Остановились на Невском в номерах, брат Володя здесь, гадает на бобах.
Ожидая места себе любого, для возврата своего пожилого.
На войне его Господь спас, молодцом вернулся – в запас!
Вечерами сидели и болтали вместе, припоминая детство.
С Рибасом мое кокетство.
«Кажется мне, что он был у вас? Что-то помнится мне – как-то раз?»
«Да» - отвечаю: «Три дня прогостил, даже очень и очень – был мил».
Было многого уже, у меня детей, пять сыновей и пять дочерей!
О многом вспоминали, друг о друге нового узнали.
Я боялась его из-за дружбы с Мама, откровенно с ним, невестой не была.
Он же из деликатности её щадил, и ничего тоже мне не говорил.
Женился Рибас без всякой любви!
Руку мою поцеловал, признаваясь, что меня обожал!
Я бы не прочь – его повидать, пожалуй – его и не узнать!
Недалеко жил Рибас, через 4 дома от нас.
Был он уже вдовцом, ожидала его встретить молодцом!
Володя изумился! Глядя на него, паралич был у него!
Почти брата не узнал, что-то все бормотал.
В Смольном для выпускных был, Петя мне слово дал:
«У дочерей моих, на выпусках бывать, пока не перестану их в Смольный отдавать!»
Опять иду с ним, кавалер Питерский мой один!
Началось с хора смолян, такой уж у них порядок.
Некоторые на скрипке играть умели, солистки пели.
На арфе талант показали, даже и танцевали.
Затем оркестр заиграл, и весь зал затанцевал!
Моряки, пажи, правоведы 0 завели с институтками беседы!
Начальство важно восседало, на креслах с самого начала.
Родных, знакомых масса собралась, веселье полное началось!
А классные дамы, старые девы, некоторые из них как мегеры.
С подобострастием к начальству подходили, и с кокетливой улыбкой говорили.
На другой день молебн, раздача наград, диплом в руки – и кончался парад!
Еще визиты делать в Смольном всем, от счастья институтки голову теряли совсем!
В коридорах с подругами встречались. Шум, ах! Оля – душка – перекинулись.
Из комнаты в другую, к кому-нибудь юркнул, и живо опять оттуда убегут.
Визит последний в начальнице бывал, из Смольного выезжая, к Олегу весь выпуск подъезжал!
После разъезжались кто куда, многие и не встретятся никогда!
Что в жизни их ожидает? Никто этого из них не знает!
Кому жить богато – хорошо, а другой – может быть и есть, нет ничего!
Эля папиньеркой остаться пожелала, в этом ничуть ей не протестовала.
Пираку Бин – тоже с собой взяла на лето, радовалась толстуха, что настало время это!

II

Летом никто к нам не приезжал, что мы строились, каждый знал.
В доме ремонт производили, из комнаты в комнату переходили.
Постройка дома подвигалась, красивая, двухэтажная воздвигалась!
14-го июня Маши рождение, получила от нас поздравленья!
17-го является некий Супруненко, своим визитом удивляя нас маленько.
Привезла его метресса Комарова, не говоря о нем ни слова.
Воспитанный, приличный господин, побоялся ехать к нам один.
Слыша много подробностей о нас, познакомиться, хотел тотчас!
С Машей гулял в саду, к вечеру он, точно в чаду!
Намекает ей на любовь, через неделю приезжает вновь!
От веселым, симпатичным казался, и скоро к нам привязался.
Перед отъездом делает Маше предложение, нас приводя в изумленье.
Она решительна была, сейчас же согласие дала!
Определенного мы ничего не сказали, пока про него что-либо не узнали.
Губернатор Левашев, давно знал семью его, к себе служить его призвал.
Чиновником особых поручений был при нем, хвалил его, участие принял в нем!
Так неожиданно, прямо как смех, пал жених на голову, как снег!
Опять приданое шить надо, не во время мастеровых – целое стадо!
Денег не накуешься, от хлопот не оберешься.
Хотели свадьбу до января отложить, жених не мог дольше в Рязани жить.
Так сговорились на том, пока не выстроится дом.
Татуша с сынишкой у нас гостила, Алешка прелесть! Внука я хвалила.
Леличка временами наезжал, удовольствие приездом доставлял!
Любили мы все его, никто плохого, не скажет про него!
Вот он, нам много принимал, и с удовольствием все исполнял.
5-го сентября, в дом новый перешли, но печники из дому не ушли.
Утром 11-го числа пол мыли, в три часа молебен служили!
К вечеру гости съезжались, а 12-го – уже наши венчались!
Никто верить не хотел, что дом, так скоро поспел.
Коля, двоюродный брат, удивлен! Даже был рад!
Накануне три дня кутили, гостей в обоих домах разместили.
Свадьба весьма удалась, такая веселая компания собралась!
Откуда взялись таланты, даже серьезные были музыканты.
Один Васечка Слезкин! Чего стоит, его Эля и теперь из памяти не смоем.
«Гофман» его прозвище, взяли на ура – и качали!
Гуттаперчевый зять, такой кук сплясал, что сам негр такого не видал.
Сережка, славный мальчишка, весь в него сынишка.
Глядя на отца, тоже плясать пошел, всех гостей в восторг привел.
Хорошо дуэты пели, не доставало одной свирели.
А Эля кокетка! Такую грацию показала, качугу, так протанцевала.
На свадьбе, еще была пара молодых, из близких нам родных.
Коля брат, на 59-м году женился, с Анной Николаевной Казаковой изменился.
Вышла замуж она вдовой, не будучи уже молодой!
Веселая, милая такая, умная и при простая!
Последний день, обедали у своих, в старом доме, полюбили все их.
Молодых на поезд проводила, прямо в Одессу к отцу уезжала.
Эля с ними в институт держала папеньеркой,
В Рязани их встречали, дальше ехала с бонбоньеркой.
Маше букет поднесли, на вокзале купили еще, часов до шести.

Маша часто пишет, отец её полюбил, много всего ей подарил.
Пока счастливы, довольны всем, только еще местом не устроился совсем.

IV

Как в доме пусто стало! За дело принялась я вяло.
Отложила уборку я до другого дня, собраться с мыслями хотя.
Трегкий год, что мы с Борей, Кавочкой живем, ссориться нам – кажется не о чем!
Кавочка деликатна, мила к нам, Боря тоже, чего желать старикам!
Одна доченька у него, теперь внука бы от них!
Подходит праздник престольный, день довольно беспокойный!
Пьянство, драки зачастую, праздную неделю, другую.
Именинник мой Сергей, пронеси Господь – день скорей!
После обедни, молебен у нас, и начнутся поздравления сейчас.
Гостей не пригласили никого, от свадьбы еще не опомнится никто!
Боря уехал в тамбовские леса, охотится в знакомые места.
Карусель для мужиков пригласила, в чайную мне доход и их веселила!
Чудный день, ясно, тихо и тепло, осени такой не видели давно.
Пошла с Татушей погулять, и уселись на террасе опять.
Вдруг слышу, кричат: «На гумне пожар!»
Испугалась. Новое гумно запылало, солому, сено – все пламенем объяло!
Мой старик, запыхавшись, туда бежит, и народ кинулся тушить.
Море огня, густой дым, суета. Кавочка бедная в доме одна.
Пугаться ей, опасно положенье, пришла к нам в изнеможенье.
Опасность для усадьбы грозила, но я – из дома не выходила!
Узлы вязать – все дорогое собрать, загорелась каменная рига, пришлось удирать!
Татуша храбрая была, распорядилась, мальчиков набрала.
Искры на дворе тушить заставляла, и у Кавочке в доме все связала.
Сереза присылает нам сказать, из домов ничего не выбирать.
Опасность миновала, на гумне все уже догорало.
Ночь ужасно провели, мы с Татушей не легли.
Папу спать уложили, до шести часов утра его не будили.
Измучился старик совсем, два раза падал, чуть сам не сгорел.
Колю сына, кто-то так напугал, что верхом утром прискакал.
Ему сказали на пароме: «Все сгорело, и помину нет в доме!»
Молодцы – Троицкие мужики! Благодарим их от души!
Трубу сами, на себе из Троицы привезли, больше всех они помогли.
Боря через два дня прикатил, грустный – гумно обходил.
Убыток большой подсчитали, сгорело все – что летом заготовляли!
Имея такую громадную семью, теперь нас четверо составляло её всю!
Двое нас, Вера и Юливанна, казалось нам, это очень странно!
Дом большой – простор! Тихо, весь рассеялся шум, разговор.
На помещение свое не наглядимся, с радостью, искренне перекрестимся.
Что тепло и хорошо, чего ждали мы так давно.
Всем нравится, кто бывает, и от угара никто не страдает.
Сколько приведет Господь пожить, на волю Его надо положить!
С шести часов я не спала, Боря присылает записку с утра.
«Со внуком Дмитрием поздравляю!» Я за ним посылаю.
Порадовались мы вместе, с такой приятной вести.
Радость в семье большая! Анна Тимофеевна хлопочет, будущими внуками себя утешая!

V

Аша с мужем приехала к нам, а Иван Андреевич, кстати, по делам.

Рад был немного отдохнуть, дня три свежим воздухом вздохнуть.
На съезд, в Спасск с мужем поплыла.
Ока замерзла, паромы не ходили, на лодке переправлялись, этого она не боялась.
Скоро Валичка вернулся, от радости даже улыбнулся!
Доволен, что выиграл дела, Аша кончала слойку для пирога.
На кулинарном курсе училась, искусству её, просто изумились!
Поручений массу ей надавали, вечером они оба от нас уезжали.
Вечером, как всегда, в кабинете прочитываем, что нового в газете.
Входит Боря сам не свой, слеза на щеке, бледный такой.
«Папа! Несчастье случилось, печальная телеграмма получилась!»
Черкасов. Ваня, скоростижно умер! В Тамбове. Аша уже там. Надо ехать и нам!»
Ничего подобного не ждали, недавно здорового провожали.
Бедная Аша! Какое горе для неё, дорогое для себя, потеряла все!
На меня, точно столбняк пал, а Сережа от огорченья, чуть не закричал!
В Тамбов Сережу проводили, осталась одна – в письмах детям объявила.
Через два дня он вернулся, от похорон еще не очнулся!
У всех нас нервы расходились, такие две неожиданности случились!
Пожар в сентябре, смерть и ужасы в октябре.
Одна радость явилась – родился Митя внук! И то смертью Черкасова омрачилось.
Под поезд сын нашего письмоводителя нашего попал! Какой ужас! Оде ноги оторвал!
Охотник Максимка скончался, сильно вином опивался.
Все как-то не Слава Богу, чувствовали мы тревогу!
Аша в Царицын тело мужа проводила, на родине, там, его похоронила.
Вернувшись в Москву, домой, ожидала приезд мой.
Женка она с двумя детьми, нет уже полной семьи.
Иван Андреевич редкий семьянин, жену и детей очень любил.
Он не жил вовсе для себя, только дела – и его семья!
Других не было забот, и всегда масса работ!
Развлечений никаких, точно он старик.
С Серафимой повидалась, в Москву переехала, желаемого дождалась.
Её муж вертуном, говорит мне шепотком:
«Теперь, теща моя дорогая – совсем жизнь у нас стала другая».
В деньгах у меня нет заминки, дела идут без заминки.
Вы видите, я совсем пригож! Подвиваюсь, кажется на весь год!
Трулла-трулла, трулла-ла. Хотя Эля, Джордж и Дима, Маня, Сима и я.
Жизнерадостный, милый он такой, хотя и плясун, а с дельной головой!
О Татуше тоже взгрустнулось, и с Сережей в Тверь махнула!
Лёличка хозяйчик такой, ходит мягкою стопой.
Нас не ждали, с удивлением оба нас увидали.
Алеша меня узнал, шел ко мне и целовал.
Сели за обед, чего только нет!
Всего хозяин приготовил, гостеприимством своим примолвил.
Обо всех спросил, деликатно так говорил.
Квартиру так мило обставил, Татушу беспокоиться не заставил.
Об Аше без слез вспомнить не мог, какое испытание послал ей Бог!
Воспитанный наш зять, каждого сумеет принять.
А говорю сколько у него, когда вздумает представить кого!
Не по своей профессии он пошел, служить еще – пока лучшего не нашел.
К Рождеству ждем Супрунят молодых, в общем, надеемся видеть, всех своих.
Я еще меньше стала спать, от радости всех повидать!

VI

У Сережи свои служебные дела, а я целый день занята.
Поздно сижу по вечерам, переписываю свой роман.
Ткацким делом занимаюсь, с Марьей – через день ругаюсь.
Держу лавку, семь лет торгую, эту дурру – не образую!
Воровать ловко она умеет, мои интересы вовсе не жалеет.
Расстаться с ней я не могу, скажу вам почему.
Она мужик – мужиком, не стесняется словцом.
Кого следует, отругает, и ловко пьяных в шиворот толкает.
Когда народ пьяный в чайную наберется, только ею порядок и ведется.
Такая собака там и нужна, другая – давно бы сошла с ума.
Кустарная фабрикация меня забавляет, и пользы материальной доставляет!
Бабы, фабричные мои, объясняются мне в любви.
Хотя держу их строго, но потешаю иногда, немного.
Чепуху им болтаю, нужды их понимаю.
Делаю им подарки, и харчи у них сладки.
Также и они меня смешат, ишь умная твоя башка.
Так грозно нам прикажешь, а рисунки то составляешь!
Где ума ты могла набрать?
Одна из них, комплименты отмочила: «Ты ведь какая у нас?»
Дом построила себе, девку отправила, в замужество её отдала, убить тебя мало!
А теперь видишь, сколько приткала!
Своими производствами я горжусь! Похвала американки за мой вкус!
Заказы во Флориду пошли, а из Лондона – благодарности пришли!
Родственники мои, Смольяниновы одни.
Всегда мы были дружны, также и дети наши, между собой не чужды.
Несколько слов поясню о них, для читателей чужих.
Коля овдовел уже 8 лет, через два года, за этим вслед умирает сын Владимир его,
Семья в Орловскую губернию переехала давно.
Кирицкая фабрика фон-Дервизу продана, за миллиона полтора.
Отец мой один вел дело, действовал самостоятельно, смело.
А три медведя, в одной берлоге – не то, поэтому хуже и дело подло!
Коля в Миловановке живет, никакой должности не несет.
Да и пора ему отдохнуть, от 24-летнего предводительства вздохнуть.
Остался, все также суетлив, и на все отъезды тороплив.
Сын его в Никольском Алексей – право не найдешь таких друзей.
Как он и Боря наш Борис, даже во вкусах они сошлись!
Двух сестер Карповых себе отобрали, и с собою их обвенчали.
Охотники страстные оба, положим, тот и другой, Смольяниновского рода!
Маруся фамилию свою не переменяла, замужем, по другой, лучше не находила.
Муж Евгений Смольянинов Костромской, бывший артиллерист, корректный такой.
Юрочка студент-юрист, еще исполняет отцовский каприз.
Именины, свадьбы, крестины, не обходятся без их няни.
Мы у них, они у нас, я очень люблю всех вас.
Не то с родным братом Николаем, мужа моего, хотя его и приглашаем.
Но знать нас не хочет, и жизнь сама над ним хохочет.
Жену бросил через 27 лет, по приказу! Бесхарактерный человек!

VIII

Перед Рождеством традиционная уборка, людям от меня, всегда проборка.
Сама над собой подчас смеюсь, как к терпенью 35 лет не приучусь.

Положительно выходит: «стой там, поди сюда», и всю жизнь так у меня.
Маша смеется, что шаром я качусь, такая уж походка, сознаюсь.
На ходу все в голову приходит, распорядженья, рисунки и дела бродят!
Мимоходом Маринку позову, и кого-нибудь разбраню.
Сережу выживу из кабинета, не уборка уже при нем эта.
Кажется мне, что все делается, вяло, так бы руки, отхлопала бы прямо.
Прислуга за все её нерадение, от излишнего моего волнения.
А в конце концов все готово, чисто, хорошо, честное слово!
Чего же суетились, и за зря сердилась!
Прислуга меня любит и боится, знает, что я могу живо разъяриться!
Все-таки я скоро отхожу, ответов, резонерства я не терплю.
Все должны в точности исполнять, хотя бы абсурд, не смей рассуждать!
Моя фраза: «Все обдуманно за вас, делай, как приказано тотчас!»
Никто меня не взбесит как баба, начнет учить, сама себе не рада.
Девое от правого не отличит, и всегда на оборот изволит положить!
Возмутительное дурье! Наше русское бабье»
Приехала Маша с Супруном, со своим мужем шалуном.
Оба трещат, кто во что горазд, спешат друг перед другом свой рассказ.
Влюблены еще оба, все вместе, целуются постоянно, не сидят на одном месте.
Зажил наш южный зять, и на рояле стал играть.
При губернаторе в Рязани состоит, про чины и почетного судью все говорит.
Эле сватает 1000 женихов, приговаривая: «Клянусь Богом, вот тебе Бог!»
Но все-таки здорово привирает, и Элю этой фразой возмущает.
Настроил её так на одного, что она скучать стала из-за него.
Ну и выехал ленивый, такой сопливый. Как поест, так и на бок, от этого он и гладок!
Мы все за это его пробираем, но цели своей, ничуть не достигаем.
Говорить может три дня и три ночи, столько же, и спать, а разбудить его, нет мочи!
Маша Святки прохворала, все время в постели лежала.
Вот и Сергей из Корпуса подскочил, в первый же день шелкал и шалил.
Вырос, развился, вид прекрасный, мальчик у меня развитой, 17 лет, ведь уже почти большой!
Приехали девочки, институтки, папиньерство одни шутки.
Эля раздумала продолжать учиться, не то надоело, иль устала влюбиться!
Ксеничка все резвенькая такая, славная, добрая и прямая.
Последним Миша прибыл, в передней баритоном заговорил, ему уже 15 лет, типичный он кадет!
Морозы, метели, Святками одолели, даже гулять мы никого не послали.
Поэтому все задуманное не удалось, гостям, никому приехать не пришлось.
Ряженные мы, ходили в темный дом, разбудили, освятили, все плясали потом.
Через два дня они тоже к нам пришли, вечерами у нас светло, огней нарочно не зажгла.
29-го Рагозины приехали к нам, Смольяниновы изменили свой план.
Юра с Евгением только объявились, Новый Год встречать вместе сговорились.
За ужином, в 12 часов, троекратное ура прокричали, шампанским друг друга все по-
здравили.
Поздно спать все разошлись, в гостиной все толклись!

Конец IV части

Воспоминания из жизни Елены Константиновны Головниной, рожденной Смольяниновой, писано в феврале 1908 года в Красильниках (более подробное изложение своих воспоминаний)

Вероятно явится вопрос, почему я вздумала описать всю свою жизнь? Ничего не особенного в моей жизни, факты самые обыкновенные, слог и рифма вовсе не литературная, писала как умела, почти без черновика. Вышло это совершенно нечаянно, я никогда раньше не думала заниматься этим: занималась кустарными работами, мне как-то долго не высылали из Москвы материал для моих работ, так что пришлось мне, даже всех своих баб-работниц распустить по домам. Хозяйство уже от меня отошло и положительно никакого живого дела, без которого я прямо жить не могу! Перебирая старые письма, нашла и свои детские письма, над которыми очень смеялась. Я писала их из-за границы отцу и описывала ему всякую ерунду, искаженными русскими фразами, потому что по французски лучше говорила, чем по - русски.

Не утерпела чтобы не придти в комнату к своей дочери Маше, которая еще только кончила курс, принесла все письма, чтобы вместе с ней повеселиться. Затем, разбирая еще, прочла отцовские письма к матери и напала на одно письмо очень грустного содержания, в котором отец мой описывал разлуку с моей матерью и причину этому. Мне тогда минуло 15 лет, и отец думал, что я в состоянии понять причину, но в действительности, я не поняла именно суть, т.е. что замужняя женщина, а в особенности моя мать, может изменить своему мужу. Для своих лет я была так наивна, что допускала только одну идеальную любовь, о другой не имела никакого представления, действительно была уверена, что детей находят в огородах между капустными грядками.

Машу, это письмо очень заинтересовало и еще несколько моих рассказов, она мне говорит: «Знаешь, Мама, что бы тебе не описать свою жизнь!». На это я ответила, что умения и терпения не хватает у меня. Вечером, когда все разошлись спать, а я по обыкновению всегда поздно ложусь, осталась одна со своими мыслями, и вспомнилось мне предложение Маши, и я решила, дай ка попробую, пушу свое рифмотворчество в ход! Взяла какую-то старую тетрадь и карандаш и как-то скоро у меня все наладилось, сверх моего оживания. Находят, что я интересно написала, легко, а главное, что живо все представляется описанное. Хотела я ограничиться только этими стихотворениями, которые я довольно смело так называю. Дети читали, их заинтересовало как всякий рассказ более или менее всегда интересуется. Муж настолько занят газетами и другим чтением, что он как-то хладнокровно отнесся к изложению нашей жизни.

Теперь я желаемое получила! Прочел Коля, мой двоюродный брат, он как я любил вспоминать старину и свое детство. Попросил меня дать ему прочесть, что и сделал с большим интересом. Он нашел, что написано

легко, довольно живо и интересно, но не удовлетворен порядком изложения и что многое пропущено. Советует мне описать более подробно в прозе, потому что стихами всего не опишешь. Я не хотела опять приниматься вторично, за такое длинное писание, но по получении Колиного второго письма, задор меня взял, и буду писать как умею. Зная, что в печать это не пойдет, а после меня все-таки останется память детям, или тому, кто более всех пожелает узнать жизнь Елены Константиновны Головниной, рожденной Смольяниновой. Увидят, действительно ли я была чудачка, или оригиналка, как нашла меня одна особа, мне родственница!

Рязанской губернии Спасского уезда жили помещики не с большим состоянием Смольяниновы. Мой дед Николай Дмитриевич Смольянинов и бабушка Аграфена Ивановна, немецкая фамилия, кажется Вейгнер. У них было два сына Константин и Владимир. Жили в деревне Никольское, очень красиво расположенное, на высокой горе, лес кругом усадьбы, внизу у горы заливные луга. Параллельно протекали две речки, первая Проня, а не подалеку от неё Ока.

Место чудное, замечательно красивое и уютное. Оба сына кончили Университет, юридический факультет. Владимир был женат на гречанке Розалии Ивановне Улисс, очень красивой женщине. У них было три сына: Николай, Александр и Дмитрий. Отец их служил в Одессе. Константин тоже в Одессе служил, но был еще холостой. Ближайший сосед Смольяниновых был очень богатый помещик, большой чудак Карл Иванович Генике. У него была зеркальная фабрика, единственная в то время в России. Его жена, Амалия Ивановна, рожденная Любиевская. Амалия Ивановна и брат её Николай Иванович поляки, бежали из Польши в Россию во время одного из польских восстаний, будучи еще детьми, лет 12 или 13-ти. Как они попали в имение Генике в Кирицах, имение которым он владел, и где была фабрика, я этих подробностей не знаю. Дело в том, что Карл Иванович женился на Амалии Ивановне, а брат её Николай Иванович при фабрике кем-то состоял. Он был женат на Ольге Кирьяновне Соколовой. У Генике детей вовсе не было, а у Николая Ивановича дети часто рождались, всех было 17-ть, столько же сколько и у меня, в род я вышла! Генике люди богатые, скучали без детей, полюбились им племянники Николенька и Лёлинька, и взяли к себе на воспитание этих, еще совсем маленьких деток. Николенька сделался любимцем тетушки Амалии Ивановны, а Лёлинька – дяди Карла Ивановича. Дети стали жить в роскоши, их воспитывали, обучали языкам, всю свою жизнь и заботу на них положили благодетельные дядюшка и тетушка. Лёлинька образование кончила в Москве в пансионе. Отлично играла на рояле, воспитание светское получили. Николенька ограничился 4-мя классами рязанской гимназии, дальше не пошел, уж очень его тетка баловала! Николай Дмитриевич Смольянинов и Карл Иванович были большими друзьями. В одно из их свиданий, поговорив о том, о сём, порешили породниться. В это время заочно бывало сватывать невесту и жениха,

так они и поступили. Решили, что если нареченные друг другу понравятся, то Карл Иванович все свое состояние отдаст племяннице своей, включая фабрику и все земли и леса. Смольянинов не задержался выписать сына Константина из Одессы для свидания с будущей невестой.

Увиделись, понравились и женились! Дядя дал 100 тысяч ассигнациями ей в приданое и кроме того еще, прелестное приданное ей сшили. Молодые уехали в Одессу, Смольянинов молодой был на службе. Прожили так еще года три, у них родился сын Володя. Генике пишет им, чтобы распрощались бы с Одессой, здоровье его плохо, большое дело ему не подходит, а пока он еще жив. Константин Николаевич стал при нем, пригляделся к фабричному делу и решил, что не так трудно ему будет управлять самостоятельно, после смерти дяди. Года через два или три умер Генике, и по духовному завещанию обогатил молодых Смольяниновых, оставив ему фабрику и все имения, поставив ему в обязательство выплатить 300 тысяч его родным племянникам, тоже Генике. Константин Николаевич был весьма умный и дельный человек, он взялся всею душой за свое большое дело, усовершенствовал его из года в год. Как позже он всегда говорил, что фабрика его детище, я все свое знание и душу вложил. Действительно, так и вышло на деле. У него прекрасно дело шло до конца его жизни, словом состояние хорошее, что мог проживать 40 тысяч в год, не задаваясь никакими кутежами или картами. Человек, погруженный в свое дело, семью, единственным развлечением его было поохотиться с ружьем по пернатой дичи и зимними вечерами составлять себе партию в преферанс со своими друзьями. Дольше 12 часов не засиживался, если даже и гости в доме.

В 1856 году, 3 февраля родилась я. Первая девочка в нашем роде, как я уже раньше писала. Таковую радость принесла своим появлением на свет, которое омрачилось к несчастью смертью моего брата Кокоши в день моего рождения от скарлатины. Родилась я в Кирицах. Бабушка Амалия Ивановна после смерти Кала Ивановича поселилась в своем доме в Москве со своим любимцем Николинькой, нам дядей Николей. Мать меня кормила сама. Через полгода у меня оказалась английская болезнь и до 6-летнего возраста доктора почти не выезжали из нашего дома. Был всегда при мне домашний доктор, француз Бест. Я смутно помню этого старика, он был всегда во фраке и утешал моих родителей, что я останусь жива и поправлюсь с годами. Я была маленький уродец, были признаки горбов сзади и спереди, громадная голова, а на голове у меня был огромный капустный лист. Вероятно, в то время им лечили. Ноги совсем кривые и большой живот, не ходила в 6 лет, все на руках! Говорят, что я была очень тяжелая и даже толстая. Хорош экземпляр, да еще, кроме того, первая в роду барышня! Думаю, как было горестно родителям иметь такую уродину! Я только верно знаю, что, несмотря на мою уродливость, не желали моей смерти и лечили так много, что ни одного нового доктора появлявшегося в нашей

местности не пропускали, сейчас же звали и советовались относительно моей болезни. Помню хорошо, как зарывали меня, под палящим солнцем, в кучу речного песка. Зонтик втыкали в песок над моей головой. Я сижу в песке вся потная, после чего сажали в ванну, обмывали меня, обдавая начисто водой и водкой, и затем клали без подушки на голые доски на спину. Я настолько уставала, что спала в таком положении часа два-три.

Мама нужно было ехать за границу, она пробыла, кажется там полгода, а меня на это время отправили к моему доброму старичку, крестному отцу Николаю Ивановичу Варварину. В Рязани, во флигеле их собственной гостиницы, которая была первая в Рязани я прожила до возвращения матери из-за границы. Дело это было зимой, лечение не могло продолжаться посредством песка. В Варварина жила родственница моего отца – София Воронина, старая дева. Меня очень полюбила и привязалась. За два дня до приезда мама, опять помню, что я очутилась в Кирицах и утром проснувшись в своей кроватке, я увидела Мама, которая, еще не успев раздеться, в шляпке окликнула меня. Страшно я была рада и ласкалась, и Мама тоже радостно улыбаясь, смотрела на меня. Летом опять стали меня лечить. И в песок сажать, а осенью, хорошо помню, принесли красные ходули в детскую. Что-то вроде креолина на колесиках, но деревянные. Поставили меня в этот круг, который доходил мне до талии, упасть мудрено, потому что стоять я могла, но ходить, еще нет. Упираясь руками в эти ходули, поневоле двигаться легко, благодаря колесикам и так постепенно училась ходить. Иногда приваживали меня конфеткой, которую клали на ручку кресла, и тогда я с большой энергией передвигалась ногами. Как все это живо в памяти, точно это было лет пять тому назад, а прошло уже 47 лет!

Жили мы круглый год в Кирицах. Помню, какие чудные елки нам давали на Рождество. Соседи наши были Куликовские. Сам Владимир Осипович Куликовский брюнет, очень красивый мужчина. Жена его, Степанида Павловна, говорят, в молодости была красавица. Их дети: Соня, Варя, Котик и Торочка. Соседи жили в полутора верстах, и мы часто виделись. Нас возили к ним на елку, а их к нам, и летом мы часто виделись. Мама был очаровательная женщина, своей внешностью и умом от многих дам выделялась. Но и никого не допускала, чтобы были лучше её и одевались лучше её! Не стеснясь, много тратила на туалеты своего вкуса и всегда всё заказывала у Манансуа до белья включительно. Кокетка тонкая, много вскружила голов! Как жили отец с матерью? Право, по своим наблюдениям, может быть и ошибаюсь. Скажу только, что они совсем разные. Сколько я могла судить в своих детских годах, я и не ошибалась позже, отец был через, чур, серьезным для неё. Он был весь погружен в свои дела. Мама его иногда называла и на вы. Иногда я замечала, что они в ссоре, несколько дней не говорят, дуются друг на друга, но большей частью, видела их шутящими и иногда ласковыми друг с другом. В общем, я всегда видела, что отец больше любит мать, чем она его и всегда называл

её «Лёлинька!»

Мне было лет восемь, не больше кажется, когда мне сказали, что привезли наших кузенов из Петербурга. Их отца лошадь ударила в грудь, после чего он захворал и умер от чахотки. Он брат моего отца – Владимир Николаевич, кроме службы и маленького родового имения ничего не имел. Братья были дружны между собой и разница в средствах, заставила дядю попросить не забыть его сирот. Мать их тоже была красивая кокетка, не подавала надежд умирающему мужу, воспитать трех мальчиков. Отец добросовестно и отечески исполнил завет своего покойного брата, не отличал племянников от своих родных детей, как позже оказалось, даже наделил их состоянием, одинаково со своим старшим сыном. Двоюродные братья были старше нас, им пришлось сразу учиться, так что лето вместе только проводили и были очень дружны с ними.

Дядю Владимира Николаевича я никогда не видала, кажется и меня он не видел. Сдыхала от матери, что был прекрасный человек, очень добрый и мягкий характер. Как мама всегда говорила: «Ваш отец более эгоистичен», и по всему видно, что она находила, что характер у дяди был лучше, чем у отца. Не могу судить о своем отце как мать, будучи его женой. Но никогда не замечала в нём что-либо выдающегося плохого в его характере. Всегда ровен, заботлив к своей семье, если он уделял мало ласок своей жене, то вероятно потому, что он был слишком занят свои очень большим делом и помимо всего, человек пользовался уважением всего уезда, был везде нужен и все прислушивались к его мнению. Был он не из последних заводских деятелей. Я помню еще с детства, за каждый пустяком к нему обращались гувернантки и даже отчетливо вижу сейчас, как он вынул кусок полотна из своего комода и шутливо посоветовал мне сшить рубашки и панталоны. Был доступен каждому. Сколько народа у него перебивает за время сидения на зеленой скамеечке после обеда с сигарой! С каждой бабой, мальчишкой переговорит, так все толково скажет, несмотря, что и приказчики, и контора – все это было. Кирицкий дом всегда был полон летом, все родственники у нас собирались и даже знакомые гоцевали. Отец всегда был доволен, когда все понаедут, всех оделял вниманием и заботой, и посмеяться любил. Его слабость была подлечить слабую старушку у кого-нибудь, и он не оставил этого и впоследствии, обставлял это так добродушно, что никто не мог обидеться. Он и детей своих осмеивал, а себе больше всех, да еще какие небылицы про себя смешные возводил! Приведу два примера его рассказа: «Раз был я под Новинском, на Вербе, народу пропасть, у меня насморк, платка не. Беру афишу, оторву клочок, высморкаюсь и брошу. Кричит мне мальчишка: «Купец, а купец, возьми у меня афишу, не дорого с тебя возьму, а она тебе ведь нужна!» Купцом его называли, как он сам говорил, все извозчики, потому что ходил он в большой шубе и большой бобровой шапке. Другой раз, едет в Петербург, садится в вагон, против него молодая дама простилась с мужем, и хочет еще поцелуй

воздушный послать мужу в окно. Мороз заиндевел окна, она отдышала такое крупное пятно, чтобы посмотреть на платформу через окно и отец выбрал момент, чтобы тоже посмотреть на платформу через окно. Дама обращается к нему по-французски: «Вы свободны, монсеньер?». На что отец удивлением ответил: «Нет, мадам, у меня уже куча детей!» Вот такие анекдоты бывало он сам на себя придумает, для смеха ради. У него есть еще много стихов на соседа Куликовского из эпизодов охотничьих. В них он и лакея прописал, и жену Куликовского, нашего гувернера Баста, не забыв и себя в комическом виде изобразить. Более всех доставалось одной моей тетушке Лидии Павловне, она действительно была неподражаемо смешна, её муж Дмитрий Григорьевич Сазонов – двоюродный брат моего отца и друг. Еще сыну своего крестного, отца Вольдемара Варварина, которого он преследовал из-за его маленького роста и Дидю, своего племянника (Дмитрия), который ходил кривя ногами. Мама и тетя Рада были соперницы по красоте, играли обе великолепно на рояле, обе успехом пользовались. Мне лично тетя Рада больше нравилась лицом. Она высокого роста, видная и нельзя её не заметить. Но мне кажется, что мама была умнее её, обе были легкомысленными женщинами. Я и то, в детстве замечала со стороны Мама соревнование с теткой, она всегда находился несколько «но», когда кто-нибудь лестно о ней отзывался. Тетя была со всеми одинаково любезна и ровна, а Мама нет. Умела принять холодно, но холодом и ненавистью обдать так, что мороз по коже продерет. Когда вспомнишь, вижу такой злой глаз, такое выражение лица, которое не берусь описать! Она очень добрая и очень злая, смотря, как и к кому. На зиму мы стали ездить в Москву, вероятно потому, что настала пора мне и старшему брату Володе учиться. Жил у нас гувернер Бартен, баварец, учил Володю по-французски, зная отлично язык. Володя был ленив, и хотя и любимец Мама, но здорово его ругал Бартен. Невзирая на то, что Мама это не нравилось, Володя его не любил, а я, Сережа и Боря, его очень любили, может быть потому, что он до нас не касался.

Когда уезжали в Москву, задолго начинались сборы. До Рязани 60 верст, на своих лошадях к деревне Рак, там лошадей меняли, нам это доставляло громадное удовольствие. Спали все в избе, в сенях вповалку. Обедали не так как всегда, это разнообразие было нам по душе. Ели то, что запасали с собой. Утром яичницу нам делали, творог с молоком – все так чудно вкусно казалось. Утром дальше трогались, в Рязань, где несколько дней гощевали у Варвариных. Тоже и тут не дома, хотя и в тесноте, но мы находили, что лучше и все вкуснее, чем в Кирицах. Детям всегда лучшее. Больше нравится, когда привыкли жить в комфорте и роскоши. Воронина нам всегда давала вкусные сердечки, вроде пряников, на дорогу к Москве. На своих санях доезжали на Оки, на которой тогда строился Коломенский мост, и через мост нас перевозили в вагоне на лошадях, а в Москву уже ехали на машинке, как тогда говорили. В сущности, до Москвы мы доби-

рались за неделю, и нам детям казалось, что это очень быстро и сожалели, что скоро Москва!

В Москве мы жили 10 дней, три раза в год мы сюда приезжали, которые однако, нам надоели и мы уже стали с грустью уезжать из Кириц. Вероятно больше еще грустили потому, что в Москве налегли на наше ученье, а в деревне мы гораздо меньше учились, больше практиковались в изучении французского и танцам. Несколько лет жили в Москве на Поварской, в Трубном переулке, в доме Смирнова, затем переехали в дом Дымкова, того же переулка. Рядом с нами еще был дом Дымкова, где жили князя Кропоткины, со временем сделавшись моими соседями, когда я вышла замуж, и так сдружились. Года два мы жили рядом в Москве, не знакомились, и не думалось мне ничего о них. Мы знали, что они князя Кропоткины, а они про нас, что мы Смольяниновы. Мама не любила нового знакомства и мало с ними сходилась, в особенности дамами. Позже, последние два года, мы переехали в квартиру Кропоткиных и заняли одни весь большой дом. Мама много шире стала жить и больше стала выезжать. По приезде, в первую зиму в Москве, меня опять показали какому-то профессору, который прописал мне гимнастику и советовал стараться опираться на левый бок. Две зимы я ходила на гимнастику с гувернанткой Ниной, не любила я это занятие, и оно утомляло меня. Коля и Саша, мои двоюродные братья, учились в Петербурге. Дидя один ходил в гимназию, и по субботам приходил к нам. Я стала сознавать, что Мама больше балует Володю и Борю, чем меня. Хотя и в пустяках это выражалось, но для меня это, в то время, не было пустяком, что Боря чаще давались конфеты чем мне, чаще он на коленях у Мама, она его целует, а если я подойду, то полное хладнокровие, и это меня очень огорчало. К Володе тоже было более снисхождение, чем мне. Я ведь не виновата, что была такая некрасивая девочка, обрубистая девочка, так и звали меня все «трамбовка». Юоря был очень хитрый и проказник, сшалит что-нибудь, и к Мама под крыло начинает ластиться. Она его спросит: «Что ты Борюнчик, от кого так прячешься!» Скажет: «Линька меня побила». Тогда меня очень больно за уши отдерут, а то и розгами, я их частенько испытывала на себе, когда и за дело, а когда и напрасно! А очень больно розгами, сейчас еще помню хорошо! Отец очень любил Борю, может быть больше других, но он этого не показывал, с нами всегда был ласков, пожалуй больше со мной и Сережей, чем с Володей. Мы лежали все с корью, как отец нам вслух читал разные сказки и объяснял, чего мы не понимали, так это впечатлилось в памяти! На Пасху нам всем, под подушку подкладывал восковые золоченые яички, скаким вос торгом мы их находили, просыпаясь утром! Я от Мама нежности не помню, не видала никогда, только раз помню случай, который описала ранее, по её возвращении из-за границы. У Володи был Бартен, а у меня с Борей — мадмуазель Нонон. Мы её очень любили, она так хорошо всегда нас занимала, я училась и любила шить для своих кукол. Она была сестра извест-

ного портного Лютье, у которого был магазин на Тверской, над булочной Филиппова. Нонон, каждую субботу к вечеру уходила к брату, а в понедельник к 10 часам утра возвращалась. Мы всегда ждали с нетерпением её возвращения, так как приносила каждый раз что-нибудь вкусное от Филиппова. Находили у меня музыкальные способности. Мой первый учитель музыки Нагиме, очень симпатичный, добрый, прекрасный учитель, у которого я очень скоро продвинулась! Сам играл с такой душой, точно сейчас слышу его игру! Вот когда настало мне строгое время! Когда я подготавливала урок заданный мне учителем музыки, и если сфальшивлю, Мама сейчас же присылает свою горничную Пашу мне сказать: «Мамаша велела вам сказать, что вы врете!», так хладнокровно говорила Паша зачастую. Второй раз опять эта фраза присылалась с прибавлением: «что вы делаете, это порочно!». Страшнее всего было в третий раз появление Паши, когда она скажет: «Пожалуйста к Мама». Это я знала, и боялась, как её выхолненные, длинные ногти впиваются в мои уши, и очень, очень больно было, и кроме того, она говорила, что я упрямая и противная девчонка! Танца нас учил Карасев. Я, будучи «трамбовкой», конечно, не грациозно выходила у меня «па», за это тоже доставалось мне от Мама, но без ушной инквизиции, а словесной проборкой.

По характеру я больше походила на мальчика, потому что постоянно с братьями была и вкусы у меня те же. Запрягали меня большей частью на пристяжку, и я брыкалась во всю, а в особенности тогда, когда кнут учую на себе. Зимой и летом декольте одевали, была такая мода тогда, одевались весьма просто, даже не хорошо, а Боря всегда в шелковой рубашке и бархатных шароварах. Бельё тоже было не важное у меня. Все это, я думаю, было от того, что не оправдывались радости, появление первой мадмуазель Смольяниновой на свет! В Кирицах учил нас всех, первой грамотности обучал, учитель сельский Петр Федорович Новиков. Он со дня рождения моего жил в Кирицах и умер там, дожив до глубокой старости. Мне думается, что он тысячи людей обучил читать и писать. Страдал он подагрой. Ноги его не сгибались, ходил он смешно, раскорякой, если сядет, то встать сразу не мог, а упадет, без посторонней помощи встать не может. Хохох у него был громко – дикий, и за уроком или за разговором, всегда была пена у рта, притом в нос говорил. Несмотря на все эти прелести, все к нему привыкли и любили его. Я бывало, примусь его целовать, когда не знаю урока, стану умолять, чтобы он не жаловался Мама. Училась я с Борей всегда вместе, и изводили же его подчас, но он хотя и рассвирепеет, но жаловаться на нас не мог решиться. Кажется, он было большой Донжуан, холостой всю жизнь и еще вероятно сплетник, часто слышала, как отец его спрашивал: «Что новенького, вы ведь все знаете?» Уже по выходе моем замуж, он еще выучил меня считать на счетах, я всегда его благодарила за это обучение считать на счетах. К десяти годам я стала выравниваться. 21-го мая трое племянников у нас в доме, отец, мать и я. Делали вензель К.Е. на дво-

ре, вечером иллюминация, народу набегит полный двор, был бал, много гостей. К этому дню я должна была танцевать качугу, а Володя менуэт. Карасев и летом нас учил, приезжая как бы на отдых в деревню. Володя оттопал свой менуэт. Мой черед, боюсь! Сделали мне голубое, все в оборочках платье, конечно декольте и под цвет, атласные ботинки на шнуровке, наш Кирицкий сапожник Гусев. В то время еще были всякие мастера при богатых господах! Прическа была у меня одна, локоны и ежедневно на ночь делали мне папильетки, и я в чепце ложилась спать. Ох! Как противно вспоминать об этих мучительных папильетках, как они мне надоели! Карасев меня подбодрил, дал кастаньеты в руки и я пошла всячески выгибаться под звуки духовой музыки. Слышу, кто-то говорит: «Каково, как хороша, легко исполняет и как грациозно!». Меня это страшно подбодрило, оканчиваю реверансом и от конфуза убегаю. Аплодируют, просят еще повторить. Идет за мной Карасев, по повелению Мама, опять танцую. Но на этот раз мне сказали строго, не смей выбегать, но все-таки поблагодарила меня. Слава Богу, в какой то - веки похвалила! На следующий год, уже в именинный день я прошла русскую, под аккомпанемент рояля. Мама играла «в саду ли в огороде». На мне был белый атласный сарафан боярского покроя, отделан голубым, кисейная белая рубашка и голубой кокошник с фатой до полу. Тоже всем понравилось, и два раза пришлось танцевать. На именины отца приезжали кто только хотел. Мне кажется, что за обедом, человек 100 сидело. Все знатные и не знатные гости бывали, до мелких чиновников Спасского уезда. Мы дети тоже сидели за большим столом, и даже был пресмешной эпизод с мой младшим братом Сережей. Он сидел рядом с общим любимцем, наши уездным доктором Карлом Николаевичем Бетный - Шляхт. Против Сережи сидел какой-то Запольский, у него кривое лицо, весь рот набок свернут. Сережа смотрит долго на него и обращается к Бетному: «доктор, посмотри, что за кривая морда сидит?» Нас уже Нона удержала от взрыва смеха! Был еще один тип за столом, который гребенку вынул и начал причесываться за обедом, а другой рассказывал, что у Смольяниновых умрешь с голоду, подают им за столом, это он артишоки так называл. Пишу это к тому, чтобы показать, насколько отец был прост и хлебосолен, он всех гостей обелял вниманием. Мадмуазель Ноной состарилась, уезжала на родину в Париж. Разыскали мне образованную гувернантку мадмуазель Клеменс Ами. Ну и злючка она была проклятая, век не забуду! Скоро она сделалась невеста, не смотря что была дурна как смертный грех! В Москве, после завтрака, мы должны были гулять пешком, и когда без Бори я с ней гуляла, она раза три меня водила на Кузнецкий Мост, в отель. Я конечно не имела понятий, что это за место и всегда удивлялась, как войдем в номер, она прикажет мне сесть на окно и смотреть на улицу, а она со своим будто бы женихом уходила за перегородку, и разговор вели на непонятном для меня языке, полчаса пробудет и домой! Как то за обедом, Мама спросила, куда мы гулять ходим, она отве-

чает, что на Кузнецкий Мост. Я хотела, вероятно, угодить Амии и говорю: «мы ходим в отель и я сижу на окне и смотрю на улицу.» Мама очень удивилась. Знаю только что она, мадмуазель Ами, со мной несколько дней была зла, но туда уже, ни ногой! Она ушла, кажется, замуж вышла и в наследство свою толстую Луизу сестру мне подарила. Эта еще противнее и злее была, даже щипала меня, а Борю не смела, и сколько наказывали меня за её жалобы! Володю поместили в гимназию. Одну зиму учил меня Вольдемар Варварин, будучи студентом. Я в него влюбилась и просила его карточку, называя его Вольдемарчик, голубчик! Сестра его, Марковна, выезжала с Мама. Меня всегда брали на концерты и в итальянскую оперу, одевали всегда в белое декольте и все те же ненавистные локоны. Мой слух со дня рождения привык к хорошей музыки. Мама чудно играла, и когда вечером сядет играть, я всегда слушала её в своей кроватке, и не думая засыпать, даже если играет несколько часов. Всех знаменитостей того времени я слышала и много опер, которые теперь даже не даются. Канский, Виньянский, Рубинштейн, с детства я их слушала. Итальянцы тоже знаменитые были: Фриджи, Котони, Арто, многие фамилии я даже забыла. Из балерин помню Петипа, Лебедеву, Сабещанскую, Карпакову, они фигурировали в моей молодости. А такого контральто как Оноро в «Жизни за Царя» редко было услышать впоследствии.

Как Мама была хороша, и так всегда чудно одевалась, когда ехала куда-либо, а в особенности в Итальянскую оперу! У нас был абонемент в будуар. Тогда одевались в будуаре по бальному, открытый ворот, а мужчины во фраках. Запомнились мне два туалета у Мама, одно – голубое, бархатное со шлейфом платье, декольте, отделанная шиншилой и черные эмалевые пуговицы с настоящими (тогда не было имитаций) бриллиантами на лифе. Другое платье – белое с огромным барвотом, тоже декольте, много бриллиантов и серебряной пудрой осыпаны волосы. Отец встал перед ней, любовался ею и сказал: «Как ты Лёля хороша!». Мама в ответ только сделала удивленно-снисходительную улыбку, которая говорила: «разве это новость, и от вас ли одного это слышу!» Сколько было выражения в её маленьких серо-зеленоватых глазах! Она умела, и обласкать, и стереть человека своим выражением. Мать большого знакомства не имела, помню, она чаще всего ездила к княгине Надежде Борисовне Трубецкой, Пелагее Павловне Ахлествишевой, её муж – старик генерал, был другом моего отца, еще к Барковым. Меня мать стала брать иногда гулять с собой и в магазины, что доставляло мне большое удовольствие, а ей льстило, что она еще так молода и интересна, а дочь уже настолько большая, хотя и девять лет, а по росту давали двенадцать. Я лучше становилась, выравнивалась. Мама не стыдно было показываться со мною. Как то, в одном из магазинов. Мама встретилась нечаянно со своей подругой по пансиону Анеттой Беклемишевой. Так обрадовались, расцеловались, и стали часто бывать друг у

друга. Анетта была очень добрая и приветливая, все её скоро полюбили, но замужем она не была.

Раз в год, 6-го декабря, нас всех сажали в карету и везли на целый день к бабушке Амалии Ивановне, праздновать день Ангела дяди Никоши. Мы это любили, там нас баловали, Николая всегда возил с нами, а угощенье и сласти подавались вволю и собой еще нам давали. Я любила покушать и отлично помню, традиционное ромовое березовое мороженое, которое подавалось к шоколаду. Нравилась нам еще поездка из-за того, что далеко от нас, на Немецкой улице был бабушкин дом. Двоюродные братья уже были студентами, кроме Диди, он еще не окончил гимназию. Когда к нам приходили в субботу, всегда устраивали концерты, я садилась на лестнице, на ступеньки и должна была назначать какую-нибудь арию из оперы и т.п. С Колей я всегда изображала латышский танец из «Конька-Горбунка», в котором он конечно в такт не мог попасть из-за отсутствия слуха, меня это бесило, тогда ему и от меня попадало. Пели с ним «Мизерер», это уже окончательно не шло, но все-таки назначали без конца. У Саши и Диди, наоборот, был прекрасный слух. Саша был мой любимец и Мама тоже. Много старше меня, они не обижали никогда и всегда еще заступались за меня, когда братья ко мне приставали. Я часто и сама расправлялась и ногами, и руками, более всего дралась с Володей, е раз укусила его в живот, за что мне влетело от Мама. Очень любила Борю, в особенности играть вместе на фортепьяно, это было большое наслаждение. Сережу, можно сказать, Мама вовсе не любила, он даже был в загоне, жалкий и я ему покровительствовала, даже укладывала спать его, иногда учила молиться. При нем была немка – Анна Карловна Плосс, довольно капризная, а главное плаксивая, я отлично её представляла, у неё ни одного зуба не было. Можно всегда было застать Сережу с матушкой на руках, Анна Карловна разворачивает бумагу или шерсть, а он покорно, долго сидит и что-нибудь по-немецки с ней калякает. Отец его жалел и всегда за него заступался. Он очень туго развивался, и мне кажется потому, что его во всем притесняла Мама, и как только он заговорит, она его подзывала и обзывала дураком. Такая несправедливость отразилась на нем на всю его жизнь. Познакомившись с баронессой Черкасовой, у неё одна дочь, года на два старше меня, толстая, очень большая, зовут Маня. Наши мамы уговорились, что дочкам надо чаще видаться, сдружиться, воспитание и взгляды матерей были схожи. На танцы класса Маня приезжала к нам, учил нас балетмейстер Ермолов. Танцевали разные характерные и светские танцы. Кавалеров было много: Коля, Саша, Володя, иногда еще приходил очень элегантный мальчик Вивьен, забыла, как его звали. Я им очень интересовалась и в благородном Собрании на детском балу много с ним танцевала, старшие решили, что мы подходим друг другу. Доставалось нам девчонкам на этих уроках, в особенности мне, я должна была обучать танцам всех братьев, для их практики меня все и вертели! Конечно, все более от Коли

улавляла, который в такт не начинал, и чтобы голову держал прямо, ему подвязывали афишу в виде шарфа. Во время вальса я со злобой ему говорила: «Колька, не дыши на меня». Он так это все добродушно сносил, хотя действительно был добрее всех, страшно уступчив, в ссорах с Сашей это было более всего заметно. Саша любил хладнокровно изводить, а Коля горячился до нельзя, не редко Мама растаскивала их как петухов, я тоже пробовала, но меня не очень, то слушались. У нас на фабрике жил, как главное лицо, тогда директором не звали, проще было, Август Карлович Брунс – заведовал фабрикой и всем полевым хозяйством, и был главным над всеми управляющими. Жил во флигеле, он еще при Генике служил. Семья его состояла из жены Луизы Леонтьевны, дочери Юлиньки и большого шалопая Эдиньки. Жена была строгой женщиной, кажется, вся семья была у неё в подчинении, но Эдиньку беловали, учился не до учился, и только слышан был голос его, как он окликал двух собачек: «Алва, Вика!» Отец с акцентом говорил по-русски, все его любили, и уважала, отец и во все, очень любил его! Юлинька кончила учиться в пансионе и Мама радовалась, что есть воспитанная девушка для моей компании. Она очень строгая была. Коля был на последнем курсе и начал ухаживать за Юлинькой, бывало в сад пойдешь, а где-нибудь в дальней аллее, парочка гуляет! Кажется, что мой отец, для отвлечения этого ухаживания, которому он не сочувствовал, отправил Колю на Кавказ. Надо описать, что такое Кирицы! Я так любила это место, что думала никогда с ним не расстанусь во век, лучше Кириц ничего себе не представляла, и конечно каждый уголок изучила в доме, в саду и любила. На горе, большой двухэтажный каменный белый дом, с громадными колоннами у подъезда, они поддерживали большой балкон на втором этаже. Комнат было до 30-ти. Против дома, было посажен ряд берез, которые подстригались, чтобы не закрывать вид. Эти березы росли на краю оврага. Против подъезда было карэ, в котором стояли зеленые скамейки, а по бокам карэ, большие лестницы с чугунными ступенями, которые вели на дно оврага. Этот овраг был, не что иное, как английский сад, где в конце текла речка с маленьким мостиком, если вы пройдете на фабрику, отец всегда здесь ходил для сокращения пути. Хозяйственные постройки не видать из дому, они сбоку, довольно далеко, а перед домом чистая, широкая дорога для подъезда к дому и флигелям, это занимало большое пространство. Сзади дома, был прекрасный сад, скорее даже парк, восемь чудных длинных липовых аллей, одна из них вела в лес. Дальше оранжереи, парники. Выход в сад был из столовой на плац, на котором была масса цветов. С верхнего балкона прекрасный вид открывался: внизу – английский сад, фабрика на равнине и село, позади которого леса кругом и направо - вдали, большая дорога, идущая через лес. Слева громадный пруд, в конце которого Сушкинский женский монастырь. Основателем его был отшельник, сподвижник Аникей Андреевич, так его звали. Он похоронен около монастыря и часовню, как бы памятник, поставил на

его могиле мой отец. Теплилась всегда лампада. Около этой часовни, также похоронен и мой отец, по своему завещанию. Историю этого монастыря я не знаю, думая, что ничего особенного не представляет, бедный монастырь, который не оставляют помощью наши помещики и мой отец. На пруду наша большая лодка, катались, часто бывало, купальня, в которой купались, потому что вода в пруду была проточная. Не смотря на всю строгость в моем воспитании, хорошо жилось в Кирицах, любила их от души! Фрукты, ягоды – есть не хочу, только в оранжерею не имели права ходить без отца, он сам любил нам срывать персики. Мальчишки все-таки ухитрялись пролезать потихоньку через окно за персиками! Кататься мы всегда ездили после обеда, в длинных драгах, надсадутся человек около двадцати, конечно тройкой. С кучером Алексеем, он был еще из крепостных. Отъезжали раз в лето, верст за сорок, в другое имение Федотьево, там ночевали мы все на полу. Дом маленький, не обставленный. Это мы тоже любили, а на покос с гостением ездили в Никольское, или в Добрый-Сот, что ныне называется станция Проня. Имений у отца было много, все почти около друг друга, еще в Сапожковском уезде было село Карповка, ныне станция Назаровка. Я там никогда не была. Хотя было бы очень интересно, там зеркала лили и печь какая-то особенная стояла. На фабрику я ходила с отцом, он мне все пояснял, мне было интересно что видела. Фабрику я тоже очень любила и сейчас больно и грустно, что ничего не осталось камня на камне, как и предсказывал один Кирицкий старик Карп Макарович Соколов. Отец очень боялся грозы, это я в него! Уже волнуясь, когда еще в дали, увижу синеющую тучу. В хорошую погоду, а главное когда небо было чистое, отец прикажет запрячь лошадь под кличкой «Иван Васильевич», и в беговых дрожках с Борей, едет на охоту часа на два. Борю занимало, что он за кучера и доверяет лошадь одному, когда отец уйдет в болото. Позже мальчишки чередовались, т.е. Боря и Сережа. А мне Мама доверяла при варке варенья, смешивать пенки, которые я конечно усердно подлизывала. Мне уже 20 лет, в день рождения мне заплели волосы в две косы с пробором посередине. Мама прописали воды и купание в море, поговаривали зиму о поездке за границу. Мама хотела в Берлине меня показать профессору доктору, чтобы окончательно излечить от признаков английской болезни. Мадмуазель Ани тоже не было у меня, ей за что-то отказали. Наняли очень образованную мадмуазель Газьен, она со мной репетировала уроки музыки и английский язык начала со мной. Хотя она была занята своей персоной, подкрашивала волосы, брови и щеки, она не была первой молодости, но для меня была очень ласкова и я её любила. Она даже ангелом кротости для меня являлась, после двух злых сестер Амешик, как мы с Борей их звали. Играла я уже хорошо на фортепьяно, и отец мне подарил рояль Эберг за 500 рублей, чем я была очень польщена. Виньявский меня хвалил, хотя какой он был взыскательный, уф! Я боялась его уроков! К июню Мама заказывает себе дорожное платье и мне для поездки за грани-

цу. Боже! Как я радовалась ехать! Скакала, прыгала от радости. Накануне отъезда вовсе бесилась, меня еще более подзадоривал Николая. С нами должна была ехать одна барышня лет 18-ти, Ангелина Брето. Барышня гречанка, кикимора порядочная, но очень доброй души, у неё какое-то обожание было к Мама. Пашу тоже взяли, Мама без нее не могла обойтись. Приехали в Петербург, я в восторге, пишу отцу, что лучшего города вероятно не увижу! Из Берлина писала: «здесь, даже лучше Петербурга, даже лучше Кириц!» В Берлине была на осмотре докторов, профессор меня долго осматривал раздетую и слышу как говорят по-немецки, что замуж мне выходить нельзя, а если и выйти, то не раньше как после 20-ти лет. От этой мысли я была так далека, что ноль впечатления! В Германии проживали шесть недель в красивом гористой местности, много каталась верхом на ослах по горам, и очень сошлась с семейством Герен-Гросс. У них было два сына, пятнадцати лет и Жени – тринадцати, такой был красавчик с вылощенными волосами, мы только стали с ним влюбляться, он в меня, а я в него, как переехали в другое место. Прескучное место, жара невыносимая стояла, воды полное отсутствие, я скучала. Мама не здоровилось, и она очень придирчива была ко мне, со мной почти не разговаривала, а раз так рассердилась, что вазой с цветами бросила в меня. Препротивный какой-то старик часто бывал у неё, все комплименты делал Мама. Раз при нем я так отличилась – Мама сидела с ним на балконе и посылает меня принести ватерпруф. Я по своей ветрености живо возвращаюсь и говорю: «Мама, твоего ватерклозета я не нашла!». Заметила только сдавленный смех Мама, старика и Ангелики. Опомнилась спустя некоторое время. Ну и досталось мне, более двух недель Мама не говорила со мною. Хозяйка нашего пансиона была добрая и я больше к ней бегала и с Пашей болтала. Паша вначале мимикой объяснялась, а затем выучилась объясняться по-немецки и по-французски. Очень была счастлива узнать, что мы, наконец, снова переезжаем, на этот раз на море. Тоже местность не красивая, сплошной песок, только море всему краса и грандиозность этой стихии меня поразила и завлекла купаться. Мама иногда играла в рулетку, вероятно счастливо, потому что мы всегда из курзала уходили после рулетки, имея полные карманы. Мне не весело было, единственное большое удовольствие это было купание в море! Море бывало часто бурным, и на меня нападал страх. Для любителей в бурю кататься стояли ялики и Мама, раз вздумала покататься, но я так энергично её схватила за юбку, при всех у берега стоящих, так закричала повелительно: «не пушу!», что она не смогла в этом мне не уступить. Из Эстена, мы поехали в Брюссель, далее в Штутгарт, где немного жили, прочем я путаю, что было после Швейцарии. Что за прелесть берега Женевского озера, мы шесть недель жили там, в пансионе и я освоилась там, как в Кирицах! Сколько я там избегала по горам и винограду поела! Здесь мы познакомились с семьей Смирновых. Муж, жена и сын Володя пятнадцати лет. Я с ним очень сдружилась, даже влюбились мы, дали друг

другу слово, никогда не забывать и непременно пожениться, все это было в большом секрете конечно! Он такой был корректный и умный мальчик, всегда ограждал от всякой опасности и великолепно говорил по-французски, чему я была довольна, мы легче могли объясниться. Всё побережье Женевского озера мы объездили в коляске, где на пароходе и по железной дороге. Мадмуазель Юлия Смирнова была болезненная женщина, так что всегда нас сопровождал её муж, Ефграф Ефграфович. Он каждый день обязательно приходил и долго сидел, я уже спать уходила. Володя целый день почти всегда был со мною, мы много гуляли по горам. Я замечала, что Смирнов тоже к Мама был особенно любезен, может быть, папаша был влюблен в мамашу, а сынок в дочку! За одной Ангеликой бедной, никогда никто не ухаживал! Отсюда я писала восторженные письма отцу, из-за которых, может быть, и вздумала описывать всю свою жизнь! Раз мне письмо Мама к отцу попало, я из любопытства его прочитала. Все письмо не успела прочесть, а может быть и не интересно стало, потому что письмо было очень ласковое, она скучает и с нетерпением ждет встречи с отцом. Про меня она писала, что я её радую, очень похорошела и умнее становлюсь. Все новые платья, которые мне шили, были одинаковые с Мама. Нас за сестер принимали, и Мама этим гордилась!

В Швейцарии я больше не носила этот огромный корсет, который мне прописал в Берлине профессор. Это было мучительнее мох локон, точно я спелената до ног, никак нагнуться не могла, и это с утра и до 10 часов вечера, такая мука! В особенности с Спа корсет себе давал знать, где была засуха и совершенная жара! С какими муками мы расставались с Володей. А отец его провожая, даже расцеловался с Мама. Даже мадмуазель Юлия слезу слегка пустила. В Штутгарде Мама так понравилось, что ей захотелось на зиму приехать для окончательного моего образования. Я этого тоже желала. В Берлине жили недели три, оперы Итальянские Мама соблазнили. Почти редкий день мы не были в опере, там фигурировала очаровательная Лука. В театре Мама познакомилась с герцогом Мекленбургским. Сама слышала, как он сказал по-французски, что его взоры были устремлены на нашу ложу, узнавал, кто такие и послал адъютанта просить позволения представиться. Мама это очень польстило, на другой день он долго обедал у нас, и еще виделись раза два. В Варшаве встречал нас отец, прожили несколько дней вместе, и я с большой радостью возвращалась в Москву. На границе услышав русский язык, я с ума сходила от радости, и уже с грустью мелькнуло у меня в голове, что придется ехать в Штутгарт учиться несколько зим. Но все иначе повернулось, все пошло хуже в ту зиму. Мы вернулись в Москву 6-го ноября.

Мама говорила отцу, что её желание зимой жить в Штутгарте из-за меня, против этого нечего не имел отец, и решено было ехать в апреле, чтобы всё подготовить для меня к зиме. У Беклемишевых Мама познакомилась с Александром Федоровичем Михайловым. Бывший Семеновского

полка офицер, очень интересный. Часто мы встречались у Анетт, которая им серьёзно интересовалась, и уже рассчитывала на свое замужество с ним. Он был на четыре года моложе Мама, стал бывать у нас. Вечером приезжал и пел, Мама ему аккомпанировала, и я всегда с наслаждением слушала его пение уже в кровати. Помню как-то раз, это было в начале апреля, я проснулась от страшного громкого разговора внизу, что-то упало и разбилось! Я так испугалась, вскочила и побежала в соседнюю комнату, к своей горничной Лизе польке, которую для меня наняли за границей в США. Ничего не зная, что происходило, я не решилась вернуться в свою комнату и осталась до утра в постели Лизы. Утром Мама не вышла к чаю, к завтраку, к обеду тоже и я спрашиваю отца, где она, на что получила ответ, что Мама в гостях. Так и легла спать в уверенности, что она в гостях. Лиза мне сказала утром, что для меня есть записка от Мама, но отец её забрал. Я не поверила, но отца боялась спросить. Позже сказали нам, что Мама поехала в Кирицы, что верным оказалось. Перед обедом подали карету, и отец мне сказал, что поедет со мной обедать у Екатерины Васильевны Озеровой. Вот это действительно странным показалось! После обеда мы очутились на Николаевском вокзале, меня уже там встречала Лиза с вещами и красивым пледом, опять я совсем ничего не поняла! Я спрашиваю, зачем, что такое папа! Он мне ответил, что везет меня в Смольный институт. Я не огорчилась, ни обрадовалась, прямо не могла разобраться ни в чем. Дорогой он мне сказал, что Мама не хочет с ним жить и переехала к дяде Никоши, бабушка была в то время за границей. Сказал мне, что была записка от Мама, в которой она звала меня к себе, я должна была бы секретно уйти из дому через черный ход, а там уже меня проводил бы человек дяди Никоши прямо к ней. Затем позже в Кирицах узнала, что в Кирицах она уложила мои вещи, перевезла их в Москву, и в своем будуаре, где было громадное старинное зеркало, во всю стену, она бриллиантовым кольцом что-то написала, чем испортила нам зеркало, и много трудов стоило его исправить. Что было написано, я не знаю и сейчас. Отвезли меня в институт в апреле, поступила в 5 класс и лето не ездила в свои дорогие Кирицы, а все долбила науку, чтобы догнать пропущенный курс! Трудно было привыкать к новой совершенно жизни и знать, что дома такая ужасная перемена! Летом Коля женился на Юлиньке Брунс, ему Куликовские в этом помогли. Сделано это было против воли отца. Курс окончил Коля и устроился в Туле, какую должность занимал, не знаю. Так что отец имел такие неожиданности в такое непродолжительное время! Он не мог смириться со своей одинокой жизнью! Со мной сделался еще ласковее, точно свою любовь к Мама перенес на меня.

Часть II

В Институте я проучилась четыре года, одно- первое лето, не уезжала домой, а два – пробыла в Кирицах. В продолжении моей жизни в Ин-

ституте я не была в курсе домашней жизни. Отец писал мне каждую неделю, но совершенно отвлеченные письма, больше всё задавал вопросы мне, на которые я не всегда должна была отвечать. Братья маленькие, Боря и Сережа, редко писали, их письма конечно были детского содержания. Володя учился в Николаевском кавалерийском училище, навещал меня, рассказывал про свою жизнь, а я ему про свою. Навещал меня еще дядя Федя, брат Мама, он жил в Петербурге, при магазине зеркальном отца. Всегда давал мне денег из кассы по приказанию отца, был очень внимателен ко мне, но тоже не говорил, что дома делается. Знала только, что отец с Мама жили врозь, будучи оба в Москве. Первое лето, которое я провела в Смольном, считая с апреля по 1-е сентября, когда опять стали съезжаться институтки, мне показалось за целый год! Все лето я проучилась и страшно плакала и скучала по семье. Мама вовсе не писала мне. Я чувствовала, что в нашей семье горе, и горе большое! Без слез никогда не ложилась и не просыпалась! Жаль мне было отца и также Мама! Усердно молилась, чтобы Господь их примирил. Спросила Федю раз, почему мне Мама не пишет? Он мне ответил, что отец, отдавая меня в Институт, рассказал Начальнице причину, почему так поздно, без всякого приема, меня поместили, и при этом, просил Начальницу иметь особый надзор надо мною, чтобы Мама не могла, как-нибудь меня найти и похитить из стен Смольного, и её письма непременно прочитывать, и в случае, если она напишет что-нибудь про отца, чтобы мне их не давали. Вероятно оно так и было, потому что я ничего не получала от Мама, до первого свидания с ней. Вскоре после моего поступления в Смольный, первые дни я ходила еще в собственном платье, форма была не готова. Приехал Государь Александр II, увидел меня в столовой, заметил, что я выделяюсь от других, которые были в институтских платьях, подошел ко мне, спросил фамилию, я представилась. Рассказала про отца, чем занимается, тогда он сказал: «припоминаю, что ваш отец, приподнес чудесное зеркало Наследнику!» Спросил, говорю ли по-французски, я ему отвечала по-французски, на что он опять сказал, уже по-французски, чтобы я училась примерно и не скучала. Заметила, что после этого, Начальница ему что-то говорила, думаю про меня и моё горестное положение. Начальницей была, уважаемая Мария Павловна Леонтьева, очень преклонных лет. Государь её любил, и с большим уважением относился. Если ей нездоровиться, что случалось в виду её лет, он немедленно приезжал её навещать! Она была фрейлиной, или статс-дамой двух Императриц, Александры Федоровной, жены Николая I и Марии Александровны, супруги Александра II. Ко мне она относилась прямо-таки родственно, если у неё гости, или внучата приезжали к ней, за мной присылали, и я играла с ними. В старших классах, при её гостях, я пела, играла на фортепьяно, и она отпускала меня в класс с полным фартуком разных гостинцев. Я плохо училась, была большая шалуныя, она это знала, бывало, погрозит мне пальчиком с улыбкой говоря: «Дорогая Смольянинова, эти подарки за

твои шалости!» Этим только ты ограничивалась Леонтьева была недоступной Начальницей, это не то что теперь, когда начальница целыми днями почти со всеми в институте разговаривает. Тогда за честь считали, с кем Марья Павловна заговорит, или от страха, потому что пробирала здорово, если пожалуется на кого-нибудь инспектриса, а классная дама лично не жаловаться сама не смела, только через инспектрису. Стояла совершенно военная, настоящая дисциплина, мы институтки, были прямо солдаты рядовые, а классные дамы – наши офицеры дежурные, инспектрисы – ротные командиры, а Начальница – корпусной командир, Государь Александр II нашего полка Шеф!

Были мы летом в саду и закричали: «Государь приехал!». Когда этот возглас мы, бывало, услышим, вся дисциплина нарушалась, и все бегут точно на пожар, каждый хотел быть ближе к Царю, чтобы хотя бы дотронуться до его мундира, сабли и т.п. На сей раз, особое такое счастье выпало на мою долю. Я ухватила за его саблю и поддерживала её. Очевидно почувствовав это, нами обожаемый Монарх, повернулся ко мне, взглянул в упор и молвил: «Опять Смольянинова, вижу я тебя! Как на этот раз ты себя вела! Отвечаю что-то невпопад. Он засмеялся, и меня здесь оттерли другие воспитанницы, и более уже не пришлось мне никогда с Государем поговорить! Решили институтки, что когда я буду в 1-м или во 2-м классе, Государь будет за мной ухаживать! Мне это как-то диким показалось и обидно стало за Государя, но ничего не сказала. А ведь верно, когда дольше прожила и видела, что действительно Александр II ухаживал за хорошенькими институтками, первоклассницами! Одна была, очень хорошенькая Луиза Озерская, она была первая ученица, первая по голосу и музыки, кончила Институт с шифром. В другое время, когда вышла Озерская, была Лиза Семенова, тоже очень красивая. Ухаживание в том заключалось, большей частью, когда Государь приезжал перед обедом, около 5 часов, шел в столовую и садился за стол с первоклассницами и Озерскую, а потом Семенову сажал около себя и с ними разговаривал. Провожали его только первоклассницы и второго класса, нам малышам не позволялось. Шинель ему подавали чуть ли не в драку. На балы приезжал Государь не всегда, а Великие Князья, Владимир и Алексей Александровичи постоянно, и отплясывали как простые смертные. Владимир раз упал, институтки решили, что он упал от того, что новые сапоги одел для смолянок и забыл подошвы мелом намазать. Поскользнулся на паркете и упал, как сейчас помню, с институткой Матвеевой. Балы бывали, конечно, и без кавалеров, только Великие князья и приглашенные самой Начальницей. Кавалеров мало, ток что больше кружились машерки с татарками. Танцевать имели право пепиньерки, первоклассницы и второго класса, все остальные классы сидели за колоннами и завидовали танцующим. В 12 часов все кончалось, и зал уж был темный и пустой. На Рождество не пускали домой, а также и на Пасху, только на лето, с середины мая до 1-го сентября. Я всегда приезжала в

конце сентября, а раз даже в начале октября. В то время за это не наказывали, говорили, что забыли и нам верили этому. В Институте мне счастливо жилось, все меня любили, кроме одной злощей классной дамы Пушкиной и инспектрисы Вейс, несмотря на то, что была проказница первая и не только по классу, а кажется по всему институту. Моя классная дама Бурнашова прямо меня обожала и каждый день кофе меня поила, а другая, Кронгельм, полька, очень добрая, она всех любила и мы также. Денег на руках иметь строго воспрещалось, но я никогда мои деньги Бурнашовой не давала, когда Федя мне приносил. Венда их было у меня достаточно, чтобы потихоньку солдату дать пять копеек на чай и послать его в лавочку купить запрещенного плода, а в чем это все состояло, теперь и в рот не возьмешь: сырую репу, толокно, которое сбивали в коробки с липким сахаром, мороженую клюкву, яйца, сбитые в гоголь-моголь и тому подобные яства.

Раз я на Рождество послала громадный запрос Феди, чего купить для елки. Не зная цену деньгам, а тем паче, стоимости того что требовалось мне, как оказалось потом, что мое требование стоило более 400 рублей серебром. Два солдата вносили в дортуар в тори приема громадные корзины со всякой всячиной. Весь класс разбирали и украшали елку. Как все были рады и целовали меня за такое удовольствие и решили, что наверное я миллионерша! Отец сказал Феди, чтобы мне отказа не было ни в чем. За эту растрату, папа мне написал, что напрасно я трачу такие деньги на пустяки и больше ни слова! Мне совестно стало, и больше я таких затей не делала. Около меня и Маши Воейковой, всегда подругам была лафа, ей тоже много всего присылали. Она тоже была московская, и я с ней была хороша, но дружнее всех была с дивной Ребиндер. Обе они вышли замуж и вскоре умерли. С Мама я все еще не виделась, 8 месяцев прошло с того дня, как она покинула дом. В декабре приехала в Петербург и прожила более месяца. Страшно обрадовалась, и долго плакала, когда в первый раз её увидела, она тоже плакала и очень ласковая была со мною. Я по наивности все упрашивала её помириться с отцом, на что она говорила мне, что отец настолько деспотичен, что с ним жить нельзя. Очень была недовольна, что поместили меня в Смольный, все только плохое говорила, и что отец всех подкупил в Институте, чтобы меня восстанавливали против неё. Все начальство ругала и всячески меня склоняла, чтобы я упростила отца меня взять из Института и жить с ней. Отцу я боялась про это написать, а Володе и Феди говорила, не знаю, передавали ли они отцу это, или нет, думаю, что нет. Свидание с Мама страшно всегда меня расстраивало на целый день, мне было её так жаль, хотелось и ней ехать, и отца было жаль! Много, много я плакала, всего не опишешь, как было тяжело это переживать, а в особенности в Институте!

Мама бросила всех родственников и знакомых, говорила, что все её бросили, потому что она не богата, и может только располагать 300 рублями, которые ей давал отец ежемесячно. Более всего доставалось Коле, Са-

ше и Диди, как только Мама их не бранила и всегда говорила: «Я трех змеёнышей выкормила у своей груди!» Мне это слушать было неприятно и жалко. После её отъезда, всегда задавала себе вопрос: «Почему папа с мамой так быстро поссорились?» Далека была от причины и истины. Бабушка Амалия Ивановна два очень ласковых письма мне написала, в которых она просила молиться за папу и маму, и чтобы Господь их свел вместе жить! В другом письме мне писала, что она видит часто моего отца, а с мамой не желает видеться, потому что она упрямая и не хочет повидаться с отцом. Все эти вести способствовали на разные размышления, о которых я не могла дать никакого представления, что за причина всей этой истории! Экзамены прошли и я перешла в 4 класс, была так обрадована увидев Анну Карловну, когда она приехала за мной. Повезла меня на все лето в Кирицы, где я всех увижу и опять буду дома, какое это было великое счастье для меня! Анну Карловну, живя в доме, я не очень любила, даже и вовсе не любила, а теперь, увидев её, так была рада, что зацеловала её совсем, причем она конечно не замедлила слезу пустить. Надевая свое платье и белье, я каждую вещичку целовала, так что некоторые подружки смеялись надо мной, одна Ольга Ребиндер сочувствовала мне и завидовала, она была сирота и на лето оставалась в Смольном. Я сама себе не верила, когда вышла на улицу, мне показалось, что это другой мир, другой воздух! Поехали в Гостиный Двор покупать платья, я выбрала по своему вкусу и отправились на вокзал, где скоро и устроились в спальном вагоне 1 класса. Сколько вопросов я задавала бедной старушке Анне Карловне, о ком только не спрашивала, обо всех собачонок вспомнила! В Москве мы не заезжали домой, а прямо с вокзала на вокзал. Ни одной ночи я не спала, не могла, сердце колотало как маятник у карманных часов, от радости места себе не находила и Анна Карловна прямо устала от моих поцелуев. Приехали в Старожилово утром, я чуть не бросилась целовать лошадей, кучера Алексея я закидала разными вопросами. Вероятно, глупо говорила, Алексей смеялся и невпопад отвечал. Не менее меня был рад и папа. Долго меня целовал, и я заметила, что его глаза влажные и он в волнении. Спросила «Мама вернулась? С кем буду?» Отец мне сказал, «что пора хозяйкой быть, мне 14 лет, гувернантки нет, надеюсь, что ты умеешь себя держать, будешь заказывать повару и кататься на каких пожелаешь лошадях, даже на московских! Но только меня всегда предупреждай, чтобы я знал о твоих намерениях». В действительности, я свято все так исполняла. Мне так льстило, что я уже большая, даже менторский тон взяла на себя с младшими братьями. Меня занимало, когда повар Тимофей стоит передо мной, руки назад и выслушивает мои приказания. Все шло хорошо, я скоро ко всему привыкла и была счастлива, что никакой гувернантки нет в доме, кроме старой Анны Карловны. Гостили все лето Сазоновы, и я очень любила Лидию Павловну, и с Лёлей была дружна. Слово «нет» для меня у отца не существовало. Часто ко мне приходил наверх, в мраморную гостиную, где я заигрывалась

на фортепьяно часами, поцелует меня и спросит бывало «люблю ли я его сильно, как он меня?» Про мама никогда не вспоминал. Раз только, когда подает мне эту злосчастную записку от неё, про которую я описывала в своих воспоминаниях стихами. Мне ответил отец строго и решительно, что я не буду у Мама, пока он жив! Более я не смела с ним заговаривать об этом. В это лето был Пуцилло. Наше увлечение известно уже в стихах. С Дидей моя дружба была за роялем, у него был чудный слух и обожание к музыке, с ним я пела и много играла. Только и был наш задушевный разговор о музыке и трунил над ухаживанием Пала Павловича Пуцилло, своим товарище по Университту. Коля жил с женой в Туле, Саша по здоровью на Кавказе, Володя к концу лета приехал, он был в лагерях. Когда Володя приехал в Кирицы, то начал ухаживать за Сашей Куликовской. Я часто ездила к ним в Перевлес к Еганчевым, где время привесело проводили. В конце августа состоялась моё первое знакомство с Сергеем Дмитриевичем Головинным, он приехал с Константином Ивановичем Порозовым, который только что женился на его сестре и сделал на фабрике заказ зеркал для себя. Когда Головин приехал во второй раз, я совсем ополоумела, всю ночь просидела у Анны Карловны, только про него и говорила, и им восторгалась. Когда он уехал, Лидия Павловна заметила моё увлечение и поддразнивала меня розовеньким бантиком на голове и трунила надо мной, что еще более меня подвинчивало! Я влюбилась в первый раз, сама не знаю, что во мне происходило! Готова была за ним ехать день и ночь, и только о нем и говорить. Отец этого не знал, и я ничего ему не говорила. Мне было неловко, что я влюблена, отчету в этом не могла себе дать, и вместе с тем и о замужестве с ним не думала. Пришло время опять всем разъезжаться, мальчиков отвезли в Москву, к Каткову учиться. Володя тоже уехал в Питер. Меня с большим опозданием отвезли опять в Смольный. Конечно о них скучала опять, и еще более обленилась, настолько, что осталась в классе на второй год! Это было для меня очень тяжело, грустно было расставаться со всеми в классе. Навещали меня все реже, а еще один господин Тенгин, Мама знакомый, препротивный, я его ненавидела, привозил мне всегда леденцов, которые я никогда не ела, а раздавала подругам, настолько он был мне гадов! Я писала отцу, что приезжал этот антипатичный господин, на что, папа мне отвечал, чтобы я ничего не слушала и если он мне что-либо передавать от Мама, то не верить её обещаниям. Зачем ездил, не знаю и сейчас, он немолодой был, лет за сорок по виду. Володя его знал и тоже ненавидел. Эту зиму Мама тоже приезжала на некоторое время. До своего приезда в Петербург, я через Володю получала от неё очень холодные письма, наполненные упреками. Вот это она постоянно мне писала, очень резко и холодом веяло от её писем: «У меня каменное сердце, я никого не люблю, только себя. Отца своего как будто люблю, только от того, что он меня балует, и чтобы я никогда не мыслила от него уйти к ней, и что еще, не желаю приехать в ней от того, что она бедная, а

отец богат, мальчишки больше любят отца, чем её, она умнее меня и видит кто более несчастлив и кто прав». На каждое письмо я отписывалась, то через Федю, то через Володю. Уверяла, что ничего подобного нет, что я самостоятельна, ничего не могу сделать, раз папа меня не отпускает к ней, но что я бы очень желала бы побывать у неё часть лета, состояние меня не прельщает, потому что я в нем толку не знаю, и даже наивно писала в свое оправдание, что состояние не моё, а папа. С Дидей мы не влюблены, а про свои кокетства с Пуцилло и Головниным я конечно умалчивала, да про это Мама ни разу и не писала, и не говорила мне, вероятно еще не знала. Письма её страшно меня огорчали, и я всегда плакала, читая её письма вдвоем с Ребиндер. Советовалась с нею, как мне быть! Когда Мама приехала ко мне в Смольянский, вначале она была холодная со мною, но перед уходом орогрелась. Я радовалась, что она больше не сердиться и опять меня приласкала. Перед своим отъездом в Соскву, взяла с меня слово, что я категорично напишу отцу, чтобы на лето он отпустил меня к ней, а в обратном случае, что я предпочитаю остаться на лето в Институте. Я так и отмахнула, и в довольно резкой форме отцу написала вышеизложенное. Вот тогда то я получила от него длинное письмо через Федю, в этом письме отец мне изложил причину их раздора. Мне стало так его жаль, что Мама слушается больше Михайлова, чем его, и я поспешила ему написать извинительное письмо, где обещала, что буду слушаться только его и от него «Никогда не подумаю уйти!» Подробности написаны в стихах. В Институте между собой, девочки ставили друг другу баллы за красоту, за грацию, за то и другое, и не упомнишь уже за что. У меня было за красоту 11+, за музыку и пение 12, за шалости 0, за учение 2, только за французский язык 12. Еще за что-то и сколько, не помню. Несмотря на 0 и 2, подружками была очень любима, без меня они скучали, когда попадали в лазарет. Все хотели дружить со мною, но я была разборчива на дружбу. Ненавидела фальши, подлизывания к классным дамам, а в особенности жадных и сплетниц. Я всегда сходилась с теми, у которых было домашнее воспитание и подходило к моему, и с искренними девочками. Мои приятельницы были: Оля Ребиндер, Маша Воейкова, Вера Волконская, Оля Камовская. Когда я осталась в классе на второй год с Ребиндер, подружилась с Машей Манакиной, Олей Остафьевой, а с остальными была в хороших отношениях. Из всех помянутых, только в живых остались: Камовская и Манакина, которая кончила с шифром, и на всю жизнь закабалила себя в Смольном. Преподает русский язык и по сие время, мои дети учатся у неё, говорят, хотя и строга, но прекрасно к ним относится и балует их вниманием. Девушка была без средств, а теперь много зарабатывает своим трудом. Не видит нужды настолько, что каждое лето уезжает на отдых, если не на дачу, то на море, или за границу. Она всегда была серьезной, мне хотела передать свое прилежание и серьезность, но к несчастью, ей этого никогда не удалось!

Май месяц, чудная, ароматная зелень, Кирицы утопают в лесах и сад

с благоуханьем, множество цветов. Божественная природа! Соловьи заливаются со всех сторон! Как же должно мне все это, еще вдвойне краше казаться после нашего истоптанного казенного сада, который я покинула еще совсем без листьев, а здесь, красота неопишуемая и воздухом не надышишься, не то от радости, не то от легкости и аромата его! Опять я полная хозяйка, все к моим услугам! Мне 15 лет, воображаю себя совсем большой, платье ношу по щиколотку, хотела совсем длинное надеть, но отец не позволил, находя, что рано еще и смешно с моей живостью в длинном платье. Я живо смирилась, длинное платье меня бы стесняло в моей беготне, на гигантских ногах ит.п. Отец находил, что я похорошела и походить лицом стала на мать, мне это льстило. От всех знакомых и родных слышала тоже самое, с прибавлением, что я даже более пикантна, только Боря говорил: «все ты такая же рыжая, как и была!», ведь от братьев никогда лестное ничего не услышишь. Двоюродных не было в это лето. Саша, кажется был за границей, Дидя всегда болезненный и был на Кавказе. Саша уже кончал курс Университета, а Диде оставался еще год. Лето я провела прекрасно, была на положении скорее барышни, чем девочки. Ухаживал за мною Глебов Василий Николаевич, который меня вовсе не интересовал. Я его все уговаривала чаще навещать наших соседок Куликовских и уверяла его, что ему там веселее будет, потому что их две брюнетки, а у нас только одна. Всегда был ответ от него такой, что он бывает, где ему приятнее, и это меня сердило! Осенью, к концу августа, опять приехал Головнин и вскоре второй раз, когда поехали на охоту. Он мне сделал предложение, на которое я ответила, что я еще не кончила курс, даже, в общем далека была о мысли о замужестве. Я никогда не думала, чтобы расстаться с Кирицами и вообразила, что жизнь моя всегда будет такая беззаботная и у отца. В начале октября, отец сам повез меня в Институт. Трогательное прощание в нем на веки, вам уже знакомо. Мама опять на меня сердилась за мой отказ провести у неё лето, и не писала мне почти. Изредка получала от неё письма в Институт самого обыкновенного содержания, не говорящие ничего плохого, ни хорошего. Отец председательствовал на съездах мировых судей и каждый месяц ездил в Спасск. Живя зимой в Москве, однако, все время ездил, не пропуская должного числа. В ноябре он простудился во время такой поездки, как сам мне писал, пробыл в Кирицах пока не поправился и возвратился в Москву. Вскоре он опять почувствовал недомогание и слег в постель. Лечили его московские доктора, конечно шарлатаны, затянули болезнь богатого человека, а он и вовсе не поправился. Пока он сам мне писал, я не волновалась, а когда получила первое письмо карандашом писанное, я заплакала горькими слезами. После уже он не писал сам, большей частью Саша, под его диктовку, а свою подпись отец сам ставил. Я стала уже совсем грустить, несмотря на то, что меня не пугали, а напротив, обнадеживали выздоровлением отца. Какая болезнь, доктора по разному находили, и каждый свое определял. У меня начинались экзамены, я

просилась домой, согласна была перейти в другой класс, на что отец не давал согласия, пока сам даже не мог подписываться. Писал Саша коротенькие письма, вроде бюллетеня. Меня уже никто не мог утешить, что отец выздоровеет. Володя говорит, что он столько же знает, сколько и я, а может быть и скрывали от него. Он Кончал Николаевское училище, держал экзамены, на выходе в офицеры. Экзамены я выдержала, переходила из третьего во второй класс, говорили, что еще немного, всего две переэкзаменовки. Мне было решительно все равно, так я стремилась домой. В конце мая уехала с Федей в Москву и застала такую картину, которую уже много раз описывала. В Москву, в последние дни отца, приехала проститься тетя Рада (она всегда жила в Италии), также и Дмитрий Григорьевич Сазонов, еще некоторые знакомые постоянно навещались. Не успел отец наш, всему нами любимый, последний вздох испустить, как Мама вошла в свои права и со скандалом всех чуть не выгнала из дома, называя их всех прихлебателями и фальшивыми душонками! На панихиду никто не имел права придти. Сашу и Дидю тоже выгнала из дома, подозревая их во всем дурном и нечестном. Предчувствуя свою смерть за месяц, отец пожелал увидеть Колю, который приехал из Тулы. Отец ласково его принял, просил его братьев, чтобы они не обделили его. Я слышала позже, что ему страшно хотелось изменить своё духовное завещание, включить Колю в наследники и мне прибавить еще 100 тысяч рублей, но кажется, он был уже настолько слаб, что не мог уже переделать духовную, а там Бог знает по какой причине. Володя и я застали его уже совсем слабым, умирающим. Двоюродные братья были во время болезни все время при нем. Тихо покойника отпевали в своем приходе у Иоанна Предтечи. Экстренным поездом, в запаянном гробу, в отдельном вагоне тело привезли в Старожилово. Мы все ехали в вагоне отдельно, а прислуга в другом. От Старожилово все фабричные несли гроб до Никольского, где и похоронили. Съехались помещики, Мама ни с кем не здоровалась и никого не пригласила в дом, объявив нам, что все поголовная сволочь, которые её знать не хотели после её разлуки с отцом, а теперь лезут к ней опять зная, что она водворилась в семью. Сказала, что никого решительно не принимать! Единственного человека допустили, Василия Ивановича Васильева, всеми любимого в уезде и старожила Спасска. Во время своей болезни, отец распорядился наскоро отремонтировать и привести в порядок дом в Никольском, велел сделать просеку до лугов через лес против дома для большего воздуха. Ему доктора советовали не жить это лето в Кирицах, а в Никольском для большего спокойствия и воздух лучше, потому что с фабрики все-таки по ветру дым доходил до дому. В виду всего этого, и в надежде своего выздоровления, так и решено было лето провести в Никольском. Ему не пришлось, а мы: Мама, я, трое братьев, остались в Никольском. Приехал также и Александр Федорович Михайлов, и поселился у нас. Двоюродные братья жили в Кирицах. Конечно, не виделись, никто из нас. Мама Володю, меня и малень-

ких братьев так восстановила против них, говорила только одно плохое, мы даже не поверили. У меня бывали минуты желания поехать в Кирицы и повидать их, но заикнуться об этом, не смела и думать! Духовное завещание, по видимому очень интересовало Мама, она часто говорила: «ваш отец подлый человек, так неблагодарно со мною поступил, всегда отказывал мне во всем, через меня богатым сделался и меня притеснял, выдавая только 300 рублей в месяц и кроме того, я слышала будто бы, он мне завещал только 25 тысяч рублей. Как было больно всегда слушать эти разговоры! Но не забуду её выражения и удивления, когда вечером, сидя все в зале за столом, нас всех собрали, когда приехал В.И. Васильев с духовным завещанием, прочитал его нам отчетливо, громко и в особенности эту фразу помню: «жену свою Елену Николаевну лишаю наследства в движимом и недвижимом имуществе!» Она побледнела и сказала, что от подлеца другого и не ожидала! Дальше узнав, что мне было завещано 1000 тысяч рублей, то обратилась ко мне: «Поздравляю тебя, ты богатая невеста! Конечно отбою не будет от женихов!» Все это коробило и оскорбляло ужасно! Осенью, по воле завещания отца, его тело перенесли в Сушкинский монастырь и через год, на его могиле стояла большая часовня, в которой и сейчас теплится лампада. В Никольское никто решительно не заезжает, все колокольчики мимо нас и все мимо! Ни одна душа не заглянет, так Мама всех напугала и отвратила от себя!

Часть III

Отец скончался 8 июля 1872 года. Почти 2 месяца мы живем в Никольском. Как нам живется? Кажется мне, что хуже всех! Мама всегда с Михайловым. Боря и Сережа нашалившись и набегавшись досыта, придут к Мама, она с ними говорит, шутит, в особенности с Борей. Володя усердно, как умеет, ведет хозяйство в Никольском, до фабрики и других имений не касается, там Саша, Коля и Диди занимаются. Ездил иногда в Кирицы для переговоров по их общему делу. Я постоянно одна, со мною неделю Мама говорить только: «что и как», со шпильками. Две недели вовсе не разговаривает и даже видно, что ей неприятно, когда в её присутствии, братья ко мне обращаются. Поговоришь с Володей пока он дома, да и то не о чем, когда он лежит на диване. С братьями меньшими повозишься, уедешь ненадолго в сад, и то живо вернут домой. Боже! Вспомнишь, такая тоска! Сидишь и плачешь целый день! Мне думается, что Мама ревновала меня к Михайлову, без малейшего повода с той или другой стороны. Судя по двум фактам, оно так и было! Раз прихожу завтракать, вижу на моем приборе плитку шоколада. Когда Мама была милостива ко мне, то разговаривала, но узнав, что шоколад мне положил Михайлов, этого для неё было достаточно, чтобы со мной долго не разговаривать и говорила: «Какково! Раненько!» Я ничего не поняла, Михайлова я не любила, мне было наслаждением, когда братья ругнут его подчас, и они мне тоже сочувство-

вали. Я всячески избегала с ним разговаривать, противен мне был. В другой раз, что-то ей показалось, тоже за обедом. Мама зовет меня к себе, очень рассерженно мне объявляет, что я кокетничаю с Михайловым, что я собираюсь его завлечь и думаю, что он жениться на мне! Этого я не выдержала и объявила: «Я Михайлова твоего ненавижу всей душой, и в жизни за него замуж не пойду, потому что он разрушил наше семейное счастье!» Мама так была поражена, что только в ответ мне весьма твердо велела выйти из комнаты, и заявила, что я дерзкая девчонка! Но не долго она сердилась, вероятно моё очень решительное откровение её успокоило по отношению моих чувств к Михайлову. После этой сцены, я как то сама стала лучше относиться к Михайлову, он уже не был мне так постылым как прежде, может быть от того, что высказала все что накопело во мне! Скоро поехали в Петербург, все-таки втроем: Мама, Михайлов и я. В Петербурге он всюду по хлопотам ездил с Мама, к завтраку приходил и целый день просиживал с нами, если Мама не выезжала с ним. Говорили иногда еще в деревне о кирасире Рибас. Мама его поджидала, Михайлов ездил к нему, объявив, что он и Мама приехали, больше ничего не знаю, говорили ли обо мне, я не знаю, а спросить у Мама об этом не хватало духу! Раньше я не смела, задавать такой вопрос, а потом, за мужем забыла, и уже не интересно мне было. Меня только удивляло одно, почему от первого визита Рибаса к нам, я ему сразу понравилась? Не может быть, чтобы я его сразу очаровала? Не такой уже и красавицей я была, одета в трауре, очень скромно, еще девочка институтка! Мама мне объявила после смерти отца, что она рада, что может меня более не возвращать в Институт. Так я и осталась неучем, пройдя только три класса и не закончив еще два, а то, что учила, позабыла, кроме того, что могу читать и говорить по-французски, да и то, Слава Богу!

Головнина я помнила, но была уверена, что никогда более его не увижу, потому что Мама решительно никого не принимала и я знала, что её решение твердо! Рибасом я очень заинтересовалась, и с каждым днем, более и более он мне нравился. Действительно джентльмен, я верила в его увлечение, он был прост со мной, фатовство его исчезало, когда мы оставались одни. Он веселый и добрый, и так любяще - покровительственно относился ко мне. Я решила, что непременно соглашусь на его предложение, если он его сделает. Я чувствовала, что моя жизнь с ним будет удачной, правда он не совсем молодой в 32 года, главное, я радовалась, что уйду из дома, где мне так тяжело жить! Мама и Михайлов замечали, что Рибас за мною ухаживает, поддразнивали им иногда, и для меня заметно было, что Мама этому сочувствовала, что предавало мне смелости в разговоре с Петром Петровичем. С трепетом ждала всегда его появления к нам, и считала для себя днем пропавшим, когда он не приходил. Как я гордо себя чувствовала, когда мы поехали в коляске на Стрелку! Ехали в коляске с Мама и Александром Федоровичем, а Рибас верхом, таким молодцом мне

казался, рядом с нами! Мне казалось, что все на нас смотрят и догадываются, что мы оба влюблены! Предложение было сделано накануне отъезда из Петербурга, и с большой грустью мы с ним расстались, я даже плакала в вагоне, когда он с нами прощался. Я радовалась, что появилась у меня цель в жизни, увидела, что я не одна, а еще есть человек, которому я мила! Вернувшись, домой, я легче переносила все резкие замечания Мама, и не принимала их близко к сердцу, когда она со мной не говорила. Как я обрадовалась, когда получила от него первое письмо, но не смела, его прочесть ранее Мама. В восторге бегу к ней, и криком объявляю, что получила письмо. Досталось мне очень: «Ты опомнись, что ты невеста, а как дурра летишь, прыгаешь козлом о орёшь как мужик!» Ответ жениху писала по-французски, под диктовку Мама. Первый приезд Головнина, под предлогом попроситься поохотиться в наших лесах, всё взбудоражило во мне! Я настолько оказалась легкомысленной, как читателю уже известно. Может быть, по молодости лет, или мало видела молодых людей, а также может быть, что действительно Головнин взял перевес в моем чувстве к Рибасу. Отчета верного не могу себе отдать! Мне они оба очень нравились, одна разница, что с Головниным я гораздо смелее говорила, а к Рибасу не могла доверчиво относиться вследствие его товарищества с Михайловым. В отсутствии Головнина, Рибас был неотъемлемым моим женихом, в присутствии Головнина он был мне противен. Моя ветреность не так мучила меня, как то, что мне не с кем было посоветоваться, и откровенно все рассказать. Володя только отрекся от меня, а мальчишки что, дети! Вот было мне вольно и весело, когда Мама с Михайловым уехала в Москву определять братьев. Здесь я вдоволь накокетничалась! Не могу понять, где я могла кокетства набраться, в свете не была, и ни одной барышни взрослой еще не видела. Вероятно, уже природа меня наградила талантом, который присущ каждой женщине! Я уговорила бросить заниматься для поступления в Академию Рибаса, сказала ему, что и так проживем, средств, хватит! Он мне откровенно признался, что кроме его службы в чине штабс-ротмистра, у него ничего нет. Ответ его был таков: «Моя дорогая! Я согласен с тобой, и сделаю все, что ты пожелаешь!» Я была польщена, что он сразу меня послушался, без оговорок! Все это так давно прошло! Рибас умер в нынешнем году, 22 декабря 1907 года. Царство ему Небесное! Ничего, кроме тактичного и корректного по отношению ко мне, не смею писать. С ним, может быть, так же была бы счастлива, как и теперь! Человек с большой душой! Я радовалась за него, что по службе ему очень повезло, и под старость имеет пенсию приличную, и сбережения были. Женильба его не удовлетворяла, он женился через три месяца после нашего разрыва с ним, он женился на прежней своей привязанности, которая по характеру и вкусу ему не подходила. Детей он страшно любил, в этом ему не повезло, был один сын, да и то умер! Это все я знаю с его слов, когда он был у нас в Красильниках, спустя лет 15-ть после моей свадьбы. Мы откровенно много

говорили, прожил у нас дня три. После этого нигде не встречались, но бывая в Москве у Мама, всегда интересовался и расспрашивал про меня. Мама скоро свыклась с мыслью, что я не буду мадам де - Рибас, а мадам Головнина. За последнее время она остыла к Рибасу, потому что он как то спросил её, какая часть моя в Никольском, если перевести на капитал (я получила 2800 рублей)? Этого было достаточно, чтобы появилось к нему охлаждение. Мама сама рассчитывала получить эту часть, но я не согласилась, и по выходе замуж, получила эти деньги. Головнина Мама любила, но ему на меня много чего стала наговаривать нехорошего, даже гадости, которые и упоминать не хочу! Какая цель, не знаю! На приданное нужны были деньги, и меня заставили под диктовку написать двоюродным братьям и просить у них 5000 рублей. Все деньги на приданное пошли, считая жизнь в Москве из-за приданого, свадьбу и на другие расходы. Сделано было не много всего, но хорошо. Ни одной ценной вещи мне не досталось, Мама все продавала задешево, живя в Москве после того, как я ушла из семьи.

Отец много чего делал за деньги для меня, но Мама продавала посторонним задешево, лишь бы сделать что-то неприятное отцу! Отношения её ко мне не менялось, все было, как и раньше. Я не чаяла конца всему этому, и только была одна заветная мечта, скорее бы обвенчаться и уехать! За несколько дней до свадьбы, получаю длиннейшее письмо, которое Мама мне не дала, а при всех, даже женихе моем, вслух прочитала. Письмо было от Пуцилло, в котором он признавался мне в любви, довольно сентиментальное, немного высокопарное. Просил, даже умолял, чтобы я, ни за что не выходила бы замуж за Рибаса, аттестовал его весьма не лестно, не зная его совсем. Делал мне предложение и так далее. Мама поздравила иронично меня с новой победой! Мне было очень конфузно, что такое письмо громогласно читалось, а в особенности при женихе. Обсуждали это письмо и изорвали на мелкие кусочки. Мама решила, что это писали и составляли письмо Саша и Лиля, будто бы им обоим хотелось Пуцилло, как товарищу, устроить хорошую партию. Я ничего не говорила, молча, выслушала все её приговоры и страшно неловко чувствовала в своем положении! 10 ноября 1872 года, Слава Богу, состоялась наша свадьба, наискучнейшая, с примесью всяких колкостей! Невзирая на отчаянную метель, снег выпал по колени, мы четверкой, в фаэтоне на колесах, всеми правдами и неправдами к утру добрались до милых для меня Красильников! Мама сухо со мной простилась. Через две недели мы поехали к ней, ласки никакой! Одну ночь только ночевали, поместили нас в разных комнатах. Мама находила, что в одной комнате нам неудобно помещаться, «вам должно быть неловко, также и нам всем!» Не правда, ли, уважительная причина! После этого свидания много чего Мама мне наговорила, и просила больше не ездить! Семь лет не виделись! Мой первый визит в родной дом был, как нигде нас не принимали! Уважительных причин не

было. Предполагаю, что была одна причина, вероятно по выходе моем замуж, Мама стеснялась моего присутствия.

Часть IV

Наконец-то, Бог дал, я вышла замуж! Как я рада и счастлива! Можно подумать, что опоздала с замужеством? Мне только 3 февраля исполнится 17 лет, а я уже дама! Как приятно звучит слово «лама». Избави Бог, если Паша по привычке назовет меня «барышней», а не «барыней», строжайший выговор получила, а меня это обижало и сердило! Я была нее так рада своему замужеству, как своему освобождению от родительского дома, а мой дамский гнев – я им гордилась! Точно пташку выпустили меня из клетки на волю! Но я не стремилась лететь к своему старому дому-гнездышку, а живо принялась его устраивать в совершенно новом и незнакомом месте, которое я никогда не видела, и не слышала даже до знакомства с Головниным – о Красильниках! По всему дому ходила я смело, и никто мне не сказал: «что я еще барышня!» Муж целует, ласкает, мне как то страшно, что кто-то любит меня! Настолько я смогла отвыкнуть в пять месяцев, отвыкнуть от прежней, домашней (при отце) обстановки и жизни! В Институте куда лучше жилось, я не раз жалела, что меня не отвезла Мама в Институт, в жертву принесла бы и Рибаса, и Головнина! Пока родственники мужа не убедились, какая я, много говорили про меня мужу, не в пользу мою. Меня это не трогало вовсе, я была уверена, что Сережечка мой не разлюбит меня. Право же, что характер мой по живости, несносный был подчас, я изводила частенько Сережу своими шалостями, как только он не сердится, а спать ляжем, всегда примиримся! Хорошо, что я в Красильниках! Он нас с балкона виден наш приход Никольского и я со страхом смотрела в том направлении, и с грустью. Грустила долго о Кирицах, где для меня все было так дорого для памяти моей, и как жилось раньше хорошо! Только от Мама всегда капризы! Все и всех верну к себе, жить не могу, чтобы никого из своих не видать! Так и поступила, и со всеми родственниками стала по-прежнему видаться. Не стану входить в подробности, я довольно уже подробно изложила свою замужнюю жизнь в стихах. При всем желании, что-либо прибавлять в своих воспоминаниях, ничего особенного интересного не могу найти. Для человека живущего в свете, конечно, моя жизнь до смешного покажется скучна, а ведь всю свою молодость, и до старости я прожила в Красильниках, которые для меня теперь, конечно, дороже стали моих любимых Кириц! Когда был у нас конный завод, мы каждую заму ездили в Москву, где проживали не более месяца полтора. Любимым моим удовольствием было ездить в театр, в этом всегда отказа себе не делала. Виделась с родными и знакомыми, никаких балов не посещала. Я всегда могла от души веселиться и танцевать в Рязани, в клубе, да у себя в деревне, где так были вечера часто, у помещиков и у нас. Кокеткой я все той же была как барышня, не находила греха в этом.

Мое кокетство для меня было не опасно. Я была самолюбива и горда в уходе за мной мужчин. Как говорится в сказках, что есть хрустальные дворцы, то такой дворец для меня не был страшен, нигде не вешая шторы! Мне кажется, что для женщины, миленькой, интересной в Обществе, более всего важно сохранить свою честь и верность мужу, а не наоборот! Неужели мы не видим очень не красивых женщин, имеющих любовников! Есть ли хоть одна женщина на свете, за которой бы не ухаживали! Нет! А какой женщине не лестно, чтобы ей что-то нашептывали на ухо! Не поверю, что они вовсе не желают замуж выйти, это может быть только одно кривляние. Мне сказали мнение об мне Мама спустя некоторое время после моего замужества: «Лиля конечно рога наставит своему мужу, за ней кто-то ухаживает!» Когда уже были дети у меня, Мама говорила мне в глаза: «Если ты и верна своему мужу, только от того, что живешь в деревне и дети часты у тебя, а в городе иначе бы себя показала бы!» На это я хладнокровно отвечала: «Кто чего ищет, было бы болото, черт прискачет!» Вероятно, Мама все-таки не верилось во мне все хорошее, еще будучи барышней она во мне находила, что я цинична, и не могу видеть хладнокровно красивого мужчину. Когда я переехала жить в Рязань, она мне сказала: «Теперь Миля покажет себя всюю!» Действительно я показала себя всю, только в другом смысле, меня Рязань полюбила за мой веселый характер, мое гостеприимство, даже удостоилась получить название «душа Общества», с прибавлением лестных для меня качеств.

Дети мне давались легко своим появлением на свет, это можно судить по моим стихам, как они, точно с неба, или сбоку появлялись совершенно неожиданно. Заботу свою я всю вложила в свою семью, не отказываясь никогда от Общества и развлечений. Я и сейчас люблю людей, немало пришлось на мою долю с Пашей пошить для такой семьи как моя. Когда девочки стали большими, они мне помогали, и на себя шили. В дела мужа и его хозяйства, я нос свой не совала, как и многие жены! Но просила, по возможности, также и в мое хозяйство не вмешиваться, и за это выходил у нас спор, даже до крика, но скоро проходил. Черным пятном в своей жизни, которое я всегда вспоминаю с большим неудовольствием, это было воспитательное время, когда дети так плохо учились и вели себя! Объясняю это тем, что мальчики, по живости своей натуры, не имели никогда товарищей никого кроме своих же братьев, зараженных в гимназии дурными привычками от шалунов товарищей, с которыми видимо, сошлись скорее, чем с благоразумными. Шалости их больше привлекали, чем уроки, а по характеру они все были с ленцой на учение. Может быть, и мы ошиблись, отдав их в Рязанскую гимназию, которая в то время была отвратительная, при негодном директоре Сергееве. Юлия Ивановна Добровская живет у нас 26-й год. Кто она такая? Неизвестно. Отец поляк, мать немка, была ли замужем, или нет, сколько ей лет, ничего от неё верного не узнаешь, и так видно останется по мраке неизвестности! Это дело второстепен-

ное, главное суть в том, что Юлия Ивановна чудный и редко преданный человек. Поступила она к нам от Николая Николаевича Головнина, двоюродного брата моего мужа, у них лет десять прожила. У меня было шесть детей, из коих два меньших были у няньки, а четверых я сдала Юлии Ивановне. Кокоше было 7 лет, а меньшая у Юлии Ивановны была Аша четырех лет. Первые дни она боялась не справиться с такой молодёжью, но скоро свыклась с порядками и очень привязалась ко всей семье, начиная с нас обоих, и даже всех родных и знакомых, которые к нам приезжали. В Рязани тоже на её долю выпали огорчения из-за детей, и она расстраивала свои нервы. В доказательство её привязанности к нам, приведу один факт: я ей предложила съездить в Москву развлечься и отдохнуть от детей. Согласно была если на месяц она поедет. Свой отпуск она решила только на одну неделю взять. Уехала и через два дня возвратилась: «Нет, мне скучно, я не могу жить в Москве, там еще мои нервы более раздражаются!» Дети тоже к ней привыкли и любят её, в особенности, будучи маленькими, всегда плакали, если ей приходилось уезжать в Рязань на один день для своих личных покупок. Юлия Ивановна тоже страшно любила животных, все ею прикармливались и за ней ходили следом. Когда стали у нас гувернеры и француженки при детях жить, у Юлии Ивановны более свободного времени находилось, незаметно, как для неё, так и для меня, перешло к ней хозяйство скотного двора. Настолько она любила это занятие и кормление своих птиц, что и сейчас этим занимается, и не может расстаться со своими любимыми животными: индюшками, курами и прочее. Надо честь дать ей, что никто лучше её так не выкармливал птицу и свиней, как она! Правда, много корма на все это уходило. Муж сколько с ней не спорил, убедить её было трудно, и кончалось тем, что из амбара стали ей отпускать весь провиант нужный для хозяйства. Её это не удовлетворяло, и она пустилась на хитрость с примесью некоего воровства, которое нас весьма забавляло. Иду я как-то в саду и вижу, что Коля и Петя лезут через забор гумно, и вытащив сноп овса из скирда, перелезают обратно в сад к Юлии Ивановне. Я жду, что дальше будет. Слышу, в полголоса Юлия Ивановна говорит мальчикам: «Осторожно, Мама идет сюда!» Она таскала потихоньку, и таким образом подкармливала куп и уток, боясь, что им голодно! В другой раз приехал Борис к нам, и в сенях у него сено. Смотрим из окна, как Юлия Ивановна из его сеней все сено перетаскала на скотный двор. Брунс спрашивает, что вы Юлия Ивановна мое сено отобрали? Отвечает: «сено ваше такое мелкое, как раз для моих ягнят, я его и взяла!» Много смеялись над этим, все её знали, никто на неё не обижался. Всех пастухов и скотниц задарит, чтобы только ходили лучше за телятами, другими её любимцами. Щедрая душа и доброе сердце!

Рождение моих детей в хронологическом порядке

Первым ребенком была дочь, но по случаю испуга в Москве во время пожара, родилась мертвой 23 мая 1875 года,

Константин, родился в Красильниках 9 января 1876 года, умер в 1921 году,
Серафима, родилась в Красильниках 29 марта 1877 года, умерла в 1949 го-
ду,

Борис, родился в Красильниках 8 мая 1878 года, погиб в войсках Колчака в
1920 году,

Александра, родилась в Красильниках 8 мая 1879 года, умерла в 1978 году,

Петр, родился в Красильниках 14 (27) июня 1880 года, расстрелян в 1918
году на реке Чусовая, на Урале,

Николай, родился в Красильниках 19 июня 1881 года, погиб у Врангеля в
1919 году,

Наталья, родилась в Красильниках 3 октября 1882 года, умерла в 1956 го-
ду,

Дмитрий, родился в Красильниках 18 сентября 1884 года, погиб в Цусим-
ском бою 14 мая 1905 года,

Мария, родилась в Красильниках 14 июня 1886 года, умерла в 1942 году,

Елена, родилась в Рязани 20 ноября 1888 года, умерла в 1922 году,

Сергей, родился в Рязани 20 сентября 1890 года, расстрелян в 1938 году,

Михаил, родился в Красильниках 24 октября 1892 года, расстрелян в 1938
году,

Иван, родился в Красильниках 1 октября и умер 7 ноября 1893 года,

Ксения, родилась в Красильниках 1 октября 1895 года, умерла в 1985 году,

Татьяна, родилась в Красильниках 18 ноября 1896 года, умерла шестиме-
сячной,

Вера, родилась в Красильниках 24 сентября 1899 года, умерла в 1956 году.

Итого я родила 17 детей, в живых осталось 14!

В 1905 году Дмитрий погиб в Цусимском бою в эскадре адмирала Рожественского, на флагманском корабле «Князь Суворов», который, перевернувшись килем кверху, пошел ко дну, 15 мая в половине пятого вечера. Царство Небесное сыну и всем товарищам, погибших вместе с ним! Володя, мой брат, был женат на дочери сенатора, Нине Михайловне Жеребцовой. Было у них трое детей: Нина, Аша и сын Всеволод, который маленьким умер. Через 6 лет он разошелся с женой и стал жить и кутить настолько успешно, что в 15 лет все состояние потерял, имея более 3000 десятин земли, которые были нигде не заложены. Дочери его по окончании своего образования, живя с матерью, не сошлись и не удились с ней, и в нужде были большой. Им покровительствует и по сие время Коля, двоюродный брат и жена покойного Саши – Варвара Ивановна. Боря уже сбился с пути истинного, вино его погубило. В пьяном виде женился он на горничной Мама. У него два сына Павел и Иван, которые прекрасно окончили курс в военно-инженерном училище. Павел, будучи вольноопределяющимся, попал на войну с Японией в 1904 году и был убит в Порт-Артуре вместе с генералом Кондратенко в крепости в каземате, куда влетел снаряд и взорвала каземат со всеми находящимися в нем! Он был награжден тре-

мя орденами «Св.Георгия». Смерть героическая, Царство ему Небесное! Сережа в большой нужде, очень большая семья, десять человек детей! Женат на Софья Петровне Нарышкиной. Коля и Бороных детей, а также и Сережину семью не забывает, и с помощью Варвары Ивановны оделяет их заботами и зачастую и деньгами выручает. У Николая Владимировича Смольянинова четверо детей: Владимир, который был женат на Савельевой. У них было трое детей. Уже прошло 7 лет, как Владимир скончался в 28 лет, а в нынешнем году, и его жена скончалась, оставив сирот на попечение своему брату Савельеву. Вторая дочь Мария вышла замуж за очень дальнего родственника Евгения Николаевича Смольянинова, дворянина Костромского по другой линии. У них две дочери. Алексей, сын, женат на Марии Геннадиевне Карповой, живут в Никольском, имеют двух сыновей и надеются еще более распространить свой род. Юрий, сын, в Университете, на юридическом факультете, ему сейчас 20 лет. Александр Владимирович Смольянинов счастливо прожил 10 лет в супружестве с Варварой Ивановной Даниловой и скончался, не имея детей. Дмитрий Владимирович Смольянинов, не будучи женатым, скончался в 1874 году. Царство Небесное обоим братьям! Оба похоронены в Кирицах у церкви. Сын наш Константин женился в 1902 году 18 октября на дочери инженера Богдановна, Марии Борисовне. Познакомился с нею в Луганске, свадьба была пышная в Красильниках. Серафима вышла замуж 10 ноября 1898 года за Дмитрия Петровича Рагозина, из дворян, сына председателя Окружного Суда в Рязани. Познакомились в Красильниках, свадьба была пышная в Красильниках с музыкой, у них два сына и три дочери. Александра вышла замуж за присяжного поверенного Ивана Андреевича Черкасова 9 февраля 1903 года. Свадьба состоялась в Красильниках, у них сын и дочь. Овдовела 26 октября 1907 года. Борис женился 18 февраля 1905 года на Клавдии Геннадиевне Карповой, познакомились они в Никольском у Алеши Смольянинова, который женат на её родной сестре Марии. Свадьба была в Москве богатейшая, музыка гремела, в доме Карповых. У них сын и дочь. Петр женился 31 января 1907 года в Олекминской области на заводе, в местечке Спасском. Его жена бедная девушка, фельдшерица этого же завода – Любовь Платоновна Некрасова, у них сын Сергей. Николая женился 22 января 1906 года на Елизавете Васильевне Филипповой, бессарабской помещицы. Познакомились они в Измаиле, свадьба была элегантная в Одессе, у них сын Всеволод. Наталья вышла замуж 10 октября 1904 года за Алексея Николаевича Вульфа, офицера 1-го Московского лейб-драгунского, его Величества Александра III полка. Познакомились в Твери, свадьба была очень веселая в Красильниках, у них сын Алексей.

Мария вышла замуж 12 сентября 1907 года за Ивана Георгиевича Супруненко, помещика Херсонской губернии, он хохол, дворянин. Свадьба была в Красильниках, веселее всех свадеб, была музыка и всего вволю. Остальные наши дети, начиная с Эли, которая окончила курс в Смольном

институте 26 мая 1907 года при нас, и еще Вера, которой 8 лет, не назначено еще учение в учебном заведении. Сергей в Морском Корпусе в Петербурге, Михаил в Москве во 2-м кадетском корпусе. Ксения учится в Смольном институте. Не берусь описывать характеристики своих детей, хотя знаю их отлично, но боюсь письменного изложения, могут найти некоторые пристрастия, а главная причина моего пожелания, что нет человека без недостатков! Правда, в глаза колит!

Эту тетрадь я предназначаю детям. Я со всеми в дружеских отношениях и не хочу, чтобы они знали, насколько я их знаю и понимаю, оставляю это про себя, а они каждый и себя знают отлично! Лучше написать и подтрунить над кокетством женского персонала.

Опишу их в рифме, они сами этого желают.

Взявшись за гуж, не говори, что не дюж!

Опишу я всех вас, по порядку в тот же час.

Мать Серафима не унывает, прекрасно семьёю управляет.

Ей не до кокетства, «кривлякушкой» звали её с детства.

В грязь не ударит лицом, умеет себя показать молодцом.

Спляшет русскую толкучку, и споет про небесную тучку.

Голос приятно звучит, а от пляса пол трещит.

Верная супругу жена, и не соблазнит её сатана!

Детях души не чаёт, и Микочку своего обожает.

Где надо, гранд - даму разыграет. А в доме все сама прибирает.

Обед вам сварит, что угодно может и пошить.

Милый, добрый человек, в обществе имеет успех!

Слезу легко она пускает, но скоро смехом её сморкает.

Авторитетно говорит, фантазерством своим смешит.

При скудных средствах не унывала, всегда сама себя утешала.

А теперь, мадам Симу, не узнаешь, правда, ты на сцену поступаешь?

Круглый глаз, Аша кис-кис, мыши здесь, притаись!

Не в силах, не выдержит никогда, он здесь? Кокетничать начала!

Засмеет, лапкой тряхнет, и в ловушку сама попадет.

Как быть? Беда! Испугается навсегда!

Кокетство её не плохое, завлечет только, вот дело какое!

Разобраться то не умеет, от испуга заледенеет.

Но дельная и она, за хорошую хозяйшку слыла.

Детей своих так любит, и мужа не скоро она забудет!

Застенчива, начнет, точно собирается, как кошечка, лапочкой утирается.

Утаить, не в силах ничего, её улыбка, разоблачает все!

А вот Натали! Горды! Такие у вас, уже мечты!

Осанка ваша, величественная, на отлет, мороз по коже, нас всех дерет!

Кого удостоили вы взглядом своим? Словечко молвили? Кто из счастливых мужчин!

От взгляда вашего, столь напускного, умрешь! Пощады не найдешь!

Вы примерная также жена, наружность ваша, ох строга!

Разденьтесь, накиньте халатик, Леличка около вас, здесь и Вульфячик!

Вот диванчик ваш любимый, 8 часов, ваш час сонливый.

Ложитесь теперь на диван, Леличка почитает газету вам.

Куда вся гордость ваша девалась, совсем сударыня раздевалась.

Когда с мужем в разлуке, пропадает она от скуки.
За Алешечку трясется, с яблоком во рту несется!
Есть: Натали и Татуша, последняя, добрейшая клуша!
Первая надменная кокетка и красивая брюнетка.
Тссс! Затрещала Маша, душа общества нага!
Все в лицах представляет и вопросами закидает.
Кокетство? Абсолютно никакого, хоть, чуть - чуть, ради Бога!
Стройна и ростом как пальма, пока еще, не надевала тальма!
Изгибается как змейка, к сожалению, только черненькая шейка.
Разворчит она подчас, но проходит тот час.
Детей не желает, ни одного, в Одессе, такое положение? Никто!
Вдруг материнская любовь является, Матишен живо разгоняется.
Ванчика своего ласкает при всех, целует в лысину, губы – с ними один смех!
Эля с юга женихов поджидает, индифферентность её не утомляет!
Отлично знает где целуют руки, тоже восторженная девица, как Маша, её сестрица.
Ну и такая бестия она, такую еще ни одна дочка не была.
В танцах грации она полна, хоть кокетлива, но строга.
Хорошо играет и голос есть, в этом ей – честь!
Строптивая, это пройдет, когда заботушку себе найдет.
Ксенюша и Веруша, этим еще игрушка.
Про них нечего и писать, надо еще долго ждать.
Вот идет, сожительница моя дорогая Кавочка, не сердится ей у себя.
Что с тобой, куда летишь! Я думала, что ты уже спишь!
Нет мамочка, Бобочку жду, без него я и не засну.
Кроткая, миловидная, такая чистюля, а на вид – тоненькая фитюля!
А детки, ух! Крепыши, славные клопыши!
С Бобочки глаз не спускает, так глазами и съедает.
Не в смысле этого слова, не думайте, что была у неё злоба.
Куда ей, она любитесь им, Бобочка для неё, лучше всех картин!
Она совсем реальный человек, кокетство – абсолютно у неё нет!
Слово «ухаживать» её страшит, этой мысли не может допустить.
Безнравственностью называет, и других в этом осуждает.
Ей только муж и дети, прозаичны женщины эти!
По натуре живчик она, и скачет как блоха.
Волнуется из-за пустяков, нрав у неё уже таков!

1908 год

Настоящий мой дневник

С Новым Годом, с Новым Счастьем, с Новым здоровьем, Вас поздравляем!
Так, выходя из спальни я, люди поздравляли меня.
Новое здоровье не бывает, эта фраза меня возмущает.
Истари сложилась эта поговорка, и каждый повторяет её как попка!
Прошлый год, нас Бог хранил, радостями нас наградил.
Но с сентября семье нашей были испытанья, за грехи наши, видно наказанья!
В счастье Его забываем, в горе к себе призываем!
Лютая стоит зима, таких морозов, метелей нам дала!
Много замерзших бедняков, разгневался Господь Бог!
Когда Россия именинник, то всем дает подзатыльник!

Несмотря на сильный мороз, подкатил Алеше Смольянинов к обеду.
Страшно ему обрадовались, потому что наша любимая компания без него
не была полна. Боря не в духе был в отсутствии его, так что его приезд

внес оживление. Теперь все довольны, настроение изменилось, дурачились, плясали, граммофон усердно пускали, время весело прошло, без всякой натяжки.

4 января

Всегда грустный день! Дети начинают разъезжаться, всегда начинают Питерские, как грустно нам и на них глядеть. Стараются мальчишки напустить мужество и не заплакать, но, несмотря на их сдержанность, заметны слезы в их глазах. Всего им наготовила, и с каким удовольствием они кушают в дороге, все кажется вдвое вкуснее, потому что каждый кусочек из дому. На Крещение уезжает последним Миша в Москву, и настает полная тишина!

11 января

Странная девушка Эля! Раздумала остаться в пепиньерках, я радовалась её решению, что не буду одна, а опять с взрослой дочерью, с которой смогу поделиться радостями и невзгодами, так же как и со старшими дочерьми. Но сильно ошиблась в этом! Её письма из Института всегда сердечные и заботливые, по которым можно было большего ожидать, чем на деле. Эля всегда не в духе, то чем то недовольна. «Мудрит» - самое подходящее слово для неё. С братьями, сестрами говорит, шутит, весела, а с отцом и со мною, ни слова, даже резка и еле отвечает. Точно ненависть её, против нас какая то, но что же за причина? Положительно не могу понять её и докопаться до какой-либо причине! Положительно не могу понять и докопаться до какой-то причины! Мне еще никогда не приходилось ей делать замечания или побранить её за что-нибудь, всегда к ней заботлива и внимательна, как и к другим дочерям. Такое отношение огорчает меня до глубины души! В Рязани Дворянские выборы, мы решили непременно быть, еще предполагался бал на завтра, на котором мы тоже должны быть в готовом туалете. Долго говорилось об этом бале и с радостью мы собирались. Человек предполагает, а Бог располагает! Боря не получил денег от кого ожидал, у нас с ним счета и поэтому он не дал нам денег, без которых ехать было не мыслимо. Было действительно очень досадно, а мне еще вдвойне, что Эле не пришлось повеселиться и затраты на туалеты напрасные. Эта неудача окончательно Элю озлобила против нас, вовсе не стала разговаривать, и даже старалась не замечать наше присутствие. Моё огорчение изменилось на возмущение, которое я преодолела полным безразличием. Как говорить, ноль внимания, ноль презрения!

14 января

Маша все еще у нас, не совсем выздоровела. Она ворчлива и вспыльчива, нетерпелива в своей болезни, и с трудом приходится её убеждать, ради её же пользы. Скоро смиряется, и покорно исполняет все требования доктора. Две родные сестры, а разница большая в характерах!

18 января

Сегодня Боря пришел с предложением, ехать на бал Эле в Москву, в Дво-

рянское Собрание. Поедет одна, к Карповым, а от них с дочерью и Анной Тимофеевны на бал. У Эли такого платья нет, и пришлось отказаться. Элю этот отказ еще более раздражил, и продлилось её дутье до неизвестного времени. Маша всегда говорит про Элю, что она «арбузится». Совершенно подходящее слово к её круглому лицу. Тяжело жить с такой дочерью, но не теряю надежды, что все это пройдет. В ней масса институтства и неуместной какой-то обидчивости. С годами думаю сгладится институтство, и живя с нами убедится, что я ей не враг. Ждем Ашу, постараюсь через неё на Элю повлиять. Она воображает, что её неудовольствие никто не замечает, все наоборот, всем бросается в глаза её странное отношение к нам. После отъезда Маши мне будет еще тяжелее, а Элю тоже будет скучать без неё. Ужасно неприятно всегда видеть перед собой надутую физиономию!

25 января

Приехали Ашины дети с нянькой, она сама приедет 30-го, еще не управилась с делами. Дети без неё кажутся сиротами. Аша была любима мужем, и жилось ей беспечно при нем, но все-таки разница в воспитании вносила некоторый диссонанс в их души, и даже случались ссоры из-за этого. Потеря мужа, бесспорно, ей тяжела. Материальное положение и вовсе ухудшилось. Свекр её, грубо с ней обошелся, и не обеспечил её. Все это вместе взятое расстраивает её нервы, и слезы у неё постоянно на глазах. Мое сильное желание ей выйти замуж за человека, который мог бы оценить её по заслугам!

30 января

День моего рождения. Минуло 52 года! Как уже много лет прошло! Так свежо все в памяти, что я описала в этой толстой тетради. Старости я, Слава Богу, еще не ощущаю, характер мой тоже не изменился, веселость и энергию сохранила! Читаю, пишу, работаю без очков. Спать ложусь все также поздно, и усталости не чувствую к вечеру. Я чувствую усталость и полную апатию, когда нет дела, но к счастью, это весьма редко случается. Я обленилась для выездов, может быть это признаки старости? Есть еще одна причина, что я несколько лет не принуждена была выезжать, это из-за дочерей, с самого замужества Татуши. Маша прожила зиму в Петербурге, и много веселилась, выезжая с подругой Соней и её матерью, а затем вышла замуж. Для меня выезжать лично удовольствия не доставляет, в том обществе, которое существует теперь. Много знакомых похоронила и потеряла, новое знакомство далеко не то, как все изменилось и требования стали гораздо больше, чем прежде. Ехать, жаться и рассчитывать каждый грош я не могу, и не привыкла, и удовольствие этим весьма сокращается. Лучше сидеть дома, в комфорте, всегда дело интересное нахожу, а лишняя копейка лучше пойдет детям, на себя уже не вправе тратить, раз средства значительно сократились! Дети мне прислали свои поздравления, чужих - никого не приглашала. Случайно Софья Константиновна здесь, своим присутствием нас оживляла. Обедали наши из темного дома: Аша, Маша с

мужем, кампания не маленькая.

8 февраля

Софья Константиновна уехала 4-го числа, с ней до Москвы и Сережа поехал по денежным делам. Все время вязали, изо дня в день, сегодня ни одного поезда не прошло, как скучно без почты, что-то напомнило революцию с её всевозможными забастовками! Боря поехал в Рязань на свидание с папой, где уговорились встретиться для дела, теперь тоже застрял. Узнавали по телефону, никто ничего не знает когда поезд пойдет, так что, пожалуй, на несколько дней такое удовольствие.

10 февраля

Вчера Боря прикатил на ямщике, папа не рискнул ехать, потому что метель. Вечером приехал фуксом мой старик, один поезд пустили до Ясаково, дальше не пошел, путь забит. Говорят, что много народа очищает снег, но все-таки поезда стоят в Рязани и на пути где попало. Более всего досадно, что мы сидим без почты!

14 февраля

Сказали, что поезда пошли! Иду с Элей на станцию. Мы должны быть завтра на свадьбе Оли Галаховой. Подъезжаем, говорят, что нет поездов и неизвестно о времени их движения. Не досадно ли! Положительно Эли не везет, только стоит ей собраться куда-нибудь, как неудача тут как тут! 12-го все ездили к Смольяниновым на именины Машеньки. Морозно было и метель, я не поехала, глаза болели, и прославляла судьбу, что дома осталась, метель разгулялась!

15 февраля

Рассчитывали сегодня утром ехать, вещи оставили на станции, но не пришлось, путь еще не очищен. Коля замутил Элю, вздумал ехать с ними на лошадях в Рязань. Мы стали его уговаривать не делать этого в виду страшно тяжелой дороги. Мои дочки были вне себя от досады. Глядят на часы и вспоминают, что делается теперь на свадьбе! Роковой час прошел, и они успокоились. Инна уже обвенчана, телеграмму нашу получила. Эля ни в коем случае теперь не могла поспеть, хотя бы и поезда пошли! Положение безвыходное, приходится смириться. Утешают себя удовольствием, которое ожидается 21 числа. Гости у нас, блины и двое, трое молодых людей, которых привезет Супруненко с собой из Рязани. Услыхали свисток, все как-то обрадовались, уже час ночи, а только первый поезд пошел в Рязань, он стоял на путях несколько дней.

18 февраля

Сегодня Машу Казанский осмотрел, беречь себя и танцевать ей не велел. Иначе болезнь не пройдет, а муж – мамку себе заведет! Надо ведь Машу напугать, сколько ей уже хворать! Резанов не принимает, чепуху только болтает. Чего только не городила, даже доктора рассердила.

Он бьет себя по ляжкам, а Машу тянет всё к пляскам.
Убеждать стали её все, о боли не думала бы и во сне.
Вспотела, покраснела, совсем ошалела.
Казанский уж махнул рукой, от роду не видал экземпляр такой!
Пусть бесится она, увидит последствия сама.
Маленько стала отходить, и Аша взялась её уговорить.
Стихла! Уселась на диван, подсел к ней её Иван.
Настроение переменялось, о путешествиях разговорилась.
Супрун повел речь свою, опять расстраивает Элю мою!
Едут в Швейцарию, Ниццу, вспоминают свою любимую кобылицу.
Папа его денег ему шлет, Градоначальник место ему дает!
Новицкого сватает Аше, не разберешься в этой каше.
Решили! Едут в Крым, и Володя Жеребко с ним!
Эля выходит замуж за него, Маше Ширбинской подает пальто.
В Одессе Элеонора встречает, в квартире своей их размещает.
Эля еще не решила замуж за кого – все ведь, в кабинет, и того? Никуда не ездили, никто!

22 февраля

Получила письмо от Антонины, она сообщает, что свадьба Инны не состоялась 15 числа, какие-то бумаги запоздали к этому дню, и было отложено до Красной Горки. Видно судьбе было не угодно нас заставлять даром приезжать и затратиться, метели помешали! Все разъехались сегодня. Вчера у нас были блины в шумной кампании, Супруненко всех потешал своими рассказами. Сегодня и его проводили в Рязань с Машей. Будут там жить пока не получит места на юге. Грустно было мне с Машей расставаться, более двух месяцев у нас прожила, точно не замужем, опять с ней сжилась и отъезд её для меня чувствителен. Боря с Кавочкой в Москве, туда Сережа приехал из Морского Корпуса, Боря хочет показать ему достопримечательности Москвы, так как он бывал только проездом в Москве. Миша тоже остается в Москве из-за приезда Сережи. Коля у нас, он очень грустный в разлуке с женой, которая все еще у своих в Измаиле. То нездоровье ей мешает, то ребенка на холод боится перевести, я нахожу, что больше фокусов, чем эти опасения, и пользуются Колиной деликатностью. Удивляюсь её родителям, которые задерживают у себя и сочувствуют столь долгой разлуке молодых супругов! Я сильно сомневаюсь в её любви и привязанности к Коле. Не думаю, чтобы такое отношение её к Коле обошлось бы без каких-либо неприятностей. Завтра папа с Элей едут в Рязань, Эля очень рада, наконец-то выезжает и имеет возможность повидать новых людей.

1 жена – Мария Борисовна,

2 жена – Екатерина Васильевна Весницкая (1896-1979), от неё дети: Константин (1918-1921), Борис (1914-1942), жена Вера Павловна Лизунова

(1913-2002), похоронена на кладбище Щербинки в Москве, дочь Людмила (1936-), 1м- Вячеслав Александрович Швыряев (1935-1979), 2м- Владимир Иванович Дмитриев (1932-2009). От первого брака дочь Екатерина (1962-), муж – Александр Анатольевич Васильев (1949-), дочь Елена (1986-).

Борис Константинович Головнин (1914-1942), командир взвода морской пехоты под Ленинградом, служил на подводных лодках на Дальнем Востоке. В начале войны был контужен в Калинин, потом послали на повышение квалификации в Ленинград, погиб в боях под Невской Дубровкой.

Константин Константинович (1918-1921), умер в 3 года в Починках на Волге между городами Касимов и Елатьма.

Людмила Борисовна Головнина (1936), окончила строительный институт имени Моссовета и работала на железобетонном заводе, 25 лет проектировщик Гипронииздрав по лечебным заведениям, муж – В.А. Швыряев, вместе учились, работал в Ниш, к.т.н. Дочь - Екатерина Вячеславовна Швыряева (1962), окончила Московский архитектурный институт, проектировщик фермерского хозяйства. Муж – Васильев Александр Анатольевич (1948), архитектор, дочь Елена Александровна Васильева (1986).

В РГИА (ф.1412, оп.215, №56) находится дело: «Прошение жены дворянина Марии Борисовне Головниной (1913-1914). 12 апреля 1913 года Мария Борисовна подает прошение Его Императорскому Величеству Николаю II Александровичу. Всемилостивейшее прошение. Ваше Императорское Величество 25 октября 1900 года я вышла замуж за потомственного дворянина Константина Сергеевича Головнина, и до 1906 года мы жили вместе, как супруги. В 1906 году муж мой покинул меня, и оставил без всяких средств к существованию, увлекся другой женщиной, некоей Соколовой, с которой открыто живет, и в настоящее время, как с женой, в одной квартире в Москве, Мясницкой части 1-го участка по Фуркасовскому переулку в доме Коноваловой. Оставшись без всяких средств к существованию, я вынуждена была бросить квартиру и поселиться в меблированных комнатах, и предъявить в Московский Окружной Суд иск к моему мужу о взыскании с него к содержанию, и дело это находится в настоящее время в производстве Суда по 6-му отделению 4 столу (№184 за 1912 год), при чем по делу уже опрошены под присягой свидетели. До сего времени муж мой выдавал мне вид на отдельное от него жительство, срок коему уже истек 5 апреля 1913 года, и в настоящее время категорически отказался дать мне таковой на будущее время, очевидно за то, что я обратилась в суд с ходатайством обязать его давать мне на содержание. Я всеподданнейше ходатайствую перед Вашим Императорским Величеством о том, чтобы Высочайше позволено было выдавать мне вид на отдельное от мужа моего жительство. Протокол от 18 марта 1913 года в Московском Окружном Суде: «допрашивая свидетелей по делу по иску М.Б. Головниной к потомственному дворянину Константину Сергеевичу Головнину о 200 рублях ежемесячного содержания». «Свидетель Валицкий

Л.Э.: «супругов Головниных я знаю, передал ему свою квартиру, он жил там с Любовью Тимофеевной Соколовой». Швейцар Демидов Г.Е.: «Головнин живет в доме Кононовой, с ним Соколова». Швейцар Михайлович А.И.: «Головнина я знаю, когда они жили на Пречистенскому бульвару, он оставил Марию Борисовну, сперва он ничего не взял из обстановки, а потом брал по частям». 26 октября 1913 года было вынесено судебное постановление: «По Указу Его Императорского Величества, Московский Окружной Суд по 6 отделению слушал дело по иску М.Б. Головниной к потомственному дворянину К.С. Головнину о 200 рублях ежемесячного содержания: «Рассмотрев части дела, и выслушав объяснения поверенных сторон, Суд находит, что М.Б. Головнина ходатайствует о присуждении ей от мужа К.С. Головнина 10000 рублей на содержание ей с 14 марта 1906 года по 28 апреля 1912 год, и с этого числа по 200 рублей в месяц, за каждый месяц вперед, с процентами со дня предъявления иска по делу платежа, а также судебные, и за ведение дела издержек, и об обращении решения к предварительному исполнению. Поверенный ответчика, возражая против иска, указывает на то, что представленная истицей расписка ответчика, представляется противозаконной как акт, склоняющий к разлучению супругов, и что супруги разошлись по взаимному согласию. На основании изложенного и руководствуясь: 366, 711, 844, 848, 863, 880, 887 статьями Устава Гражданского суда, Московский Окружной Суд определяет взыскать с потомственного дворянина К.С. Головнина в пользу потомственной дворянки М.Б. Головниной 10000 рублей и обязать его, Головнина, уплачивать Головниной по 200 рублей в месяц, начиная с 28 апреля 1912 года, за каждый месяц вперед, с указанными % за накопившееся к платежу суммы с 28 апреля 1912 года по день платежа, судебные и за ведение дела издержки возложить на ответчика Головнина, и взыскать с него в доход казны, судебные пошлины 340 рублей, гербового сбора 4 рубля и возвратные расходы по вознаграждению священника 2 рубля, в пользу судебных рассыльных 946 рублей 67 копеек, выдать священнику Цветкову вознаграждение за приведение свидетелей к присяге 2 рубля из средств казны. Прошение обратить к предварительному исполнению с тем, чтобы взысканные деньги были внесены в депозит Суда до вступления в законную силу.

Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений завела свое дело от 31 января 1914 года: «К.С. Головнин в браке с 28 октября 1900 года, мужу 36 лет, жене 30 лет, детей нет. Муж состоит Управляющим банкирской конторы в Москве. Произведенное по сему делу дознанием установлено, что К.С. Головнин, вступив в связь с дочерью архитектора Любовью Соколовой, покинул жену в 1906 году на произвол судьбы и ныне продолжает находиться в незаконном сожителстве с Соколовой. Три года назад просительница также вступила в связь с дворянином Мдзинаровым. В 1909 году М.Б. Головнина в Московской Духовной Конси-

стории возбудила дело о расторжении брака с мужем, но дело было приостановлено вследствие её просьбы 10 октября 1912 года. По решению Московского Окружного Суда от 26 октября 1913 года усматривается, что Головниной присуждена сумма по 200 рублей в месяц, в виду признания его виновником раздельной жизни с женой. В виду изложенного представлялось бы возможным предоставить М.Б. Головниной на один год право отдельного от мужа жительства (стол 11)».

24 февраля

Прощеный день! В деревне на улицах пьяных и мордобития сколько угодно! Прежнего бесшабашного веселья и оживления нет. Не слышать песен протяжных, не песен залихватских, от которых ноги без удержу пляшут. Все это сменилось невозможной толкучкой под звуки «тальянки» и с припевом самых неприятных прибауток. Рубахи и поддевки сменились на неуклюжие пиджаки, красивые сарафаны с белыми закатанными рубашками на невозможно скверного фасона юбок с уродливыми басками. Жаль национальный русский наряд, совсем уничтожен! Хороводов не водят, все около трактира толкуются и подсолнушки усердно сплевывают. Особенное искусство выплевывать семечки, с уверенностью могу сказать, что на 60 человек, не более, пришлось изгрызть это добра 24 пуда за два дня! Особый талант! Папа уехал с Элей сегодня в Рязань, радуюсь за Элю! Последние блины были у меня с Колей и Ашей, Коля все-таки решил уехать домой, а Аша посадила своих детей и Верочку в розвальни, и шагом повезла их кататься. Погода чудная, снег уже раскис, чувствуется весна в воздухе. Делается отрадно на душе, птички и те весело щебечут! Днем у меня были внучата, Ашиных двое детей и Борина Варюша. Я не из нежных бабушек: ласкать и возиться с детьми не охотница. Очень уж недавно покончила свою возню с детьми, а теперь отвыкла от детского шума. Изредка люблю видеть внучат, и рада бываю, когда они уходят. Вечер с Ашей досиживали вдвоем. Завтра понедельник, мои бабы приедут опять ткать на первой неделе, в прошлом году помешалась, и вовсе не говела. Грешно, а в особенности в мои годы!

29 февраля

Мне положительно нечего писать, но пишу ради 29-го числа «Касьянин день». В таком дневнике как мой, за столько лет всего описанного, надо включить и этот день. Эту неделю я говела с Верочкой. Сегодня вечером исповедоваться! Сережа уехал в уезд по служебным делам дня на три. В нашей местности Касьян уже побывал сегодня: крушение товарного поезда в Сушках, и мы опять сидим без почты, поезд московский задержан в Рязани по случаю крушения. Сегодня опять святынь! Эля уже боится, что опять что-нибудь помешает ехать в Тверь на бал. В понедельник предполагаем выехать в Рязань, затем в Москву из-за туалета, и в Тверь.

3 марта

Сегодня Эля уехала с Ашей в Москву к портнихе Якоби мерить платье для

бала в Твери. Мне что-то нездоровится со вчерашнего дня, никак не согреться, кашель, насморк, наверное, инфлюенция. Если лучше будет, то 8-го поеду со стариком прямо в Тверь к Татуше. Морозы все еще держаться, сегодня утром -16 С было. Днем ясные, солнечные дни, и такие же чудные, светлые ночи! Как противно болеть! Да и некогда мне, все мои расписания меняются!

8 марта

Все эти дни я прохворала, сегодня чувствую себя бодрее. Я совершенно одна не считая Юлии Ивановны и Веры, которых только и вижу за столом. Сегодня вечером уехал Сережа в Тверь. Из старого дома тоже уехали, остались только Ашины и Борины дети с няньками. Аша не возвращалась еще, хотела приехать к Антонине Алексеевне Галаховой. Эти дни я все читаю. Выкопала старую книгу «Мазепа», прочла, а теперь сказки арабские читаю «Тысяча и одна ночь», довольно однообразная и скучная история. Я из-за болезни читаю ерунду, такой шум в ушах стоит от хины, что жаль читать лучшее, много не сообразишь! Бабы мои, ткачихи, радуют. Они стали очень хорошо работать и каждый день из мастерской приносят кусок красивой материи мне осматривать. Да, если бы лучше был бы сбыт, то дело мое пошло бы! За делом у меня не стоит, но сбыт туговат. Завтра «40 мучеников», 9-го марта, а жаворонки только в печи, в полях ни одного, морозы все держаться, и никаких признаков весны, грачей и то не видно, только солнышко напоминает весну.

21 марта

Давно не писала, да и нечего было писать, такую однообразную жизнь веду. До сих пор еще не выхожу на воздух, все еще не по себе. Одно дело - мое кустарное изделие, которое я довела до совершенства. Заказов много получила, что радует мое самолюбие и веселит карман. Возвращение моих из Твери, и Аши от Галаховой, внесли оживление своими рассказами. Все остались довольны своими поездками, а я их возвращению. Беспокоит меня бедная Серафима, не везет ей положительно в жизни! Опять дети больны, ветреная оспа и сколько не тормозится её муж, все не хватает денег. Аша у нас, почти вошла в норму, и настроение совершенно иное, но к несчастью едет на Пасху в Царицын, в семью Черкасовых, там опять её окончательно расстроят и нервы расшатывают. За это время я зачиталась Лермонтовым, хотя бы одну йоту его дара слова и таланта перешло бы ко мне. Не раз, читая его стихи, думала с завистью об этом. И подумать, что внуки Мартынова, живут недалеко от нас, помещики Спасские! Но симпатичны и они, тоже гордости и тщеславия хоть отбавляй! Пост проходит незаметно, дни летят быстро, скоро Пасха и Бог даст увижу своих детей учащих, и Татуша приедет с семьей уже на все лето. Маша с мужем уезжают совсем в Одессу, там и поселятся. Сегодня от них телеграмма, приезжают прощаться и пробудут несколько дней с нами. Теперь четвертая неделя Великого Поста, мы постное едим, во рту точно не разберешь, что-то

гадкое!

31 марта

Чем ближе праздник, тем быстрее кажется, время проходит, так бы и удержала, чуть-чуть, но не за что ухватиться! Недавно был у нас молодой человек Н.Д. Вердеревский, совсем еще юнец лет двадцати. В один день ухитрился покататься на пяти верховых лошадях по двору, в течении каких-нибудь двух часов. Чего он только не выделывал, но и Боря показал себя юнцом, папаша двух детей, джигитовал на «Киргизе» как башибузук! Всегда его зову «искатель приключений». Гостили Супруны неделю у нас, и я с ними вместе уехала в Рязань, чтобы еще лишний денек провести с ними. 3-го апреля совсем переезжают в Одессу. Грустно мне расставаться на долго с Машей, она, кажется, сделалась в интересном положении и очень недовольна этим! В Рязани повидала всех знакомых. Элю оставила у Маши, она вместе с ней доедет до Москвы и поедет к Карповым дня на три. У Сережи экзамены, 10 экзаменов прошли благополучно, самые страшные, по его выражению, меня это очень радует. У Бори был прощальный обед для Супрунят, были Алеша Смольянинов и наш Коля. Время довольно хорошо провели, оживления было мало, уж очень не гостеприимна и не любезна Кавочка, совершенно какая-то беспомощная женщина, ничего не может сделать и распорядиться без своего Бобочки, которому это весьма не нравится. Да, плохая помощница для мужа, зато есть редкое достоинство в ней, по нынешним временам, она очень строгой нравственности, заботливая жена и мать! Она не виновата, что Бог не наградил её умом и распорядительностью, и может быть, воспитание имеет значение – отстраняли её от всего домашнего. Чем дольше живешь с людьми, тем лучше узнаешь их достоинства и недостатки, многое проявляется, чего раньше и вовсе не замечалось. Она бедная, уже опять в ожидании третьего ребенка, который будет раньше года, рождения её Мити, спешат! Этого случая у меня и то не бывало! Таков уж старый дом, все мы в нем усиленно плодились! На другой день наша Эля полный фурор произвела. Была в русском костюме, даже наших рязанских баб из соседнего села Троицы перещеголяла. Костюм был куплен там, на базаре и она в нем пробыла целый день. Толпа за ней ходила и любовалась ею. Действительно ей очень идет этот наряд, она такая упитанная и красивая бабенка! Массу комплиментов наслышалась, и общее было внимание на неё. Благодаря этому, было и очень много продано моих изделий. На третий день она была в белом платье и шляпке с розами, многие чужие её и не узнали, находили очень интересной барышней, но сожалели, что она не в костюме. Все это Элю так подвинуло, что она в восторге вернулась домой, и с воодушевлением обо всем нам рассказала, но бедная так устала за эти дни, что еле-еле доходила до чая и рано ушла спать. Я очень рада за неё! Жду приезда Сережи, Миши и Вульфят. Счастлива, что опять съезжаются к нам, но жаль, что все не могут теперь собираться! Обзавелись семьями, у каждого

свои заботы, а кто и далеко, как Петя, он уже скоро как три года живет в Алекминской области, и ни разу еще оттуда не приезжал. Может быть этим летом приедет, познакомимся с его женой и внуком «парнишкой Сережей», как всегда он его величает! Слава Богу, всех своих увижу, которые могут порадовать нас своим приездом!

9 апреля

Сегодня утром по земле на санях подъехал наш морячок Сергей! Как он мне напоминает моего бедненького Митеньку! Ростом его догоняет, форма та же, манеры и разговор, очень схоже все! Умный мальчик, интересуется своей специальностью и наукой, но ленив, мог бы гораздо лучше учиться при своих хороших способностях, но на них только и надеется. Отметки у него средние 9 баллов с дробями в общем выводе. В Корпусе его считают дельным и хорошим мальчиком и любят. Все его рассказы меня занимают, но и грусть наводят, припоминая как слушала бывало и Митю с таким же интересом. Мне кажется, что я любовь к Мити незаметно перенесла на Сережу. Разница в наших отношениях все-таки была. С Митей я была дружна, он любил оставаться со мной часто, когда уж все разойдутся спать, говорили с ним и поздно засиживались. Всегда был послушен в моих советах и откровенен. Может быть и с Сережей будет такое же отношение, он еще мальчик, всего 17 лет. Дай Бог ему походить на брата и быть так всеми любимым как покойник! Сколько он книг приобрел и подробным описанием Цусимского боя и других морских боев во время нашей несчастной войны с Японией. Понемногу составляет себе библиотеку морских сочинений. Так все аккуратно у него, и с большим интересом проглядывает свои шкафы, когда приезжает домой. Прекрасное влияние на него оказывает Петр Николаевич Головнин. Коргуев тоже очень любит их обоих, как Митю, так и Сергея. Завтра жду Мишу и Вульфят с Алешкой. Миша страшно ленив, учится весьма слабо, боюсь, что в этот год не перейдет. Остается ему еще два года в Корпусе заниматься, если за ум не возьмется, то в перспективе ему не улыбнется! Рада я видеть своих Вульфят и Алешечку милого! Удивительное чувство у меня перед приездом детей. За две недели до их приезда, строго слежу за календарем, чтобы не спутать число, за неделю у меня как-то сердце ёкает, странное выражение, не подходящее для этого необъяснимого чувства, я волнуюсь, словно чего то словно боюсь, думаю, что забыла что-нибудь приготовить, или в чем-либо распорядиться и только тогда успокоюсь, когда все до последнего съедутся, кого ждала. Сейчас я уже волнуюсь за Татушу, как она поедет в Царицын теперь, останется на Пасху с нами, и я за себя и за неё очень рада. Там бы она окончательно расстроилась бы на очень долгое время. Лёличку Вульфя тоже люблю, он с большой радостью приезжает к нам, точно в свой родной дом, и очень любит всю нашу семью. Мой старик, Сережа и Боря, говеют. Иду спать, скоро два часа, я не люблю рано ложиться спать, но перед приездом детей вовсе и не спиться! Знаю, что не засну еще долго, и встану

ранее 8-ми часов. Я помню, такое чувство у меня бывало в Петербурге перед приходом Рибаса к нам, а в Никольском, когда заслышу колокольчики Головнина, как это странно, а, пожалуй, даже и смешно!

11 апреля

Вот и съехались все кого ждала! Обоюдные радости! Алешечка такой говорун и симпатичный ребенок ласковый. Удивительно как хорошо говорит, ему полтора года, а болтает все не без смысла и что смешно, каждому слову дает интонацию. Татуша преподнесла нам сюрприз своей беременностью, а августа ожидает, и вероятно все это произойдет у нас, в нашем доме. Очень желает дочку Наташу. Лёличка без перемен, все такой же покойный и милый. С каждым днем становиться у нас шумнее и оживленнее не смотря на то, что мужчины все говеют. Делали пасхи и красили яйца, не без того, что требовала молодежь, а разбитые яйца из сожаления подъедали. Все ждут с нетерпением разговения!

12 апреля

У меня палец болит, забинтован с компрессом, и поэтому очень неловко писать все эти дни, но я не хочу запускать свой дневник. Какая громадная полая вода, сколько изб разрушено и несчастий низким семьям. По газетам такой воды не было с 1856 года, как раз в год моего рождения. В Москве электрическая станция залита, город без освещения, фабрики некоторые не работают, более 200 домов залито. Местами прерван железнодорожный путь. Более всего набушевала Ока, прибрежное население сильно пострадало. Сегодня вечер так незаметно прошел в уборках пасхи и приготовления к заутрени.

13 апреля

Христос Воскресе! На рассвете возвращаемся с заутрени, все христосовались и поздравляли со Святым Праздником. Рабочие, прислуга подходили христосоваться, водка подносилась мужикам и на чай вместе с яйцами раздавались. Эти поздравления не люблю, они конечно не ради праздника, а больше из-за стакана водки и серебряной монеты, надо больше думать, кому, сколько в руку положить, чем поздравить человека искренне. Во всем и везде перевес деньгам, противно и нельзя привыкнуть к этому обычаю! День тянулся долго, как всегда первый день Пасхи! Разговаривались целый день, провели с нами Боря и Кавочка, был также и Коля, он приехал вчера. В 4 часа были у нас образа, после чего я разрешила на фортепьяно играть желающим и пускать граммофон, который Коля привез с собой.

16 апреля

Около с нами, на Оке, зимовали буксирные пароходы. Боря подрядил пароход «Саша» привести из Спасска барку, которую там купил. Собрались ехать на пикник, я, конечно, не поехала, и Татуша с мужем остались тоже. К 8-ми часам все переполошились идти к пароходу, взяли с собой закусок и отправились. Мы следили из окон в бинокль за скоростью парохода и ожидали из возвращения к 4 –м часам обратно. Пошли опять к тому месту,

откуда они садились и увидели, что «Саша» идет. На буксире ничего нет, но при приближении парохода услышали граммофон и догадались, что вместо барки везут к нам наших дорогих гостей Смольяниновых. Видим, ссаживаются две пары Смольяниновых, а именно Алеша с женой и Евгений Николаевич с Марусей. Очень были обрадованы и направились все домой к нам обедать. Боре влетела эта поездка, с него взял капитан парохода 90 рублей, удовольствие дорогое, но и большое для молодежи. В восторге остались мальчишки, Сережа с Мишей, да и все взрослые не менее их. Вечер приятно провели и оба граммофона усердно запускали. Коля с вечерним поездом уехал на юг, привезет свою жену и сына из Измаила наконец. Как не уговаривали его остаться еще дня на два, не согласился, все-таки поехал. На другой день Боря захворал желудком, сильные боли ощущал, так что пролежал целый день в постели с повышенной температурой. Весь день вся кампания у нас проводила, было конечно оживленно. Вечером засиделись допоздна, до трех часов, так что затребовали закусок, с этим еще сидели и разговаривали. В общем, эти два дня были проведены весело и приятно, если бы не хвороба Бориса. Сегодня он встал, ему значительно лучше. Смольяниновы все уехали на утреннем поезде к себе домой. Погода не пасхальная, с утра пасмурно, и идет дождь, а вода все прибывает. Сережа с Евгением Николаевичем вчера ездили в деревню Бардакова, которая вся залита водой. Деревня обратилась в Венецию, жители её на лодках сообщаются, живут на чердаках. Евгений Николаевич (председатель Управы) с Сережей сделали должные распоряжения, и жители были тронуты их посещением. Сегодня приехал Вердеревский. Сейчас каждый занимается своим делом: Сережа ходит по двору и осматривает то, что не достроено пьяными, Сережа (сын) занимается к предстоящим экзаменам, Эля играет на рояле, Миша носом дергает и с балалайкой, я в ожидании почты, пишу, еще не поучила письмо от Ксенички, что заставляет меня задумываться и даже беспокоиться.

18 апреля

Около станции Шилово размыто железнодорожное полотно на три версты, только один поезд ходит от Москвы до Шилово и обратно. Третий день нет почты, это более всего удручает проживающих в деревне. От Ксенички я все-таки успела получить поздравительную открытку. Мальчикам надо уезжать, опоздают, боюсь, что Сережа не попадет в понедельник на экзамен, и велят ему осенью держать. Сегодня чудный, летний день и тихо. Вода громадная как зеркало стоит. Завтра Аша едет в Царицын к родственникам мужа почтить его память.

19 апреля

Только что проснулись, взглянули в окно и какой контраст со вчерашним днем! Серо-желтая вода и буря! Неприятное зрелище и страшное для меня. Сережа увидел на письменном столе телеграмму, прочел весьма печальное содержание: свекор Маши – Георгий Иванович Супруненко скончался!

Ивану Георгиевичу трудно перенести эту потерю со своими нервами, он обожал отца, которые несмотря на то, что его сыну было уже 35 лет, был его руководителем и заботлив как нянька. Дай Бог благополучно пережить такое неутешительное для него горе! Сейчас проводили Ашу на станцию в Царицын и Сережу в Питер. Неохотно уезжал в виде предстоящего вскоре трехмесячного плавания, которое не представляет ему интереса. Так как нового в этом плавании ничего не предстоит, и неизвестно, придется ли ему еще побывать дома, до плавания, как бывало всегда. Приехал Вердеревский утром, и к нашей большой радости почту большую привезли, вероятно, теперь опять установится доставка почты. С каким нетерпением ждем письма от Маши, что и как произошло, и как чувствуют они себя оба после смерти любимого отца! Близкие люди нашей многочисленной семьи подвигаются к расчету с земной жизнью, так что молодежи нашей не раз придется утирать горькие слезы! Татуша эти дни нервничает, потому что нянька её уходит, так трудно заменить новой, а ребенок долго не привыкает, да еще какая она окажется.

24 апреля

В воскресенье, 20-го числа, нас уехало из дома 6 человек. Сергей Дмитриевич в Москву по денежным делам, Миша в Корпус, Лёличка Вульф опять в Тверь, Вердеревский и я с Элей в Рязань. Поехала из-за концерта Михайлович, Петербургской примадонны. Пела хорошо, но очень вяло шел концерт, были скрипачка и пианистка, но они играли без души. Освещение в зале Дворянского Собрании не полное было, и публика ужаснейшая, весь зал наполнен семинаристами, гимназистками, общество все незнакомое для подходящего общества, все это вместе взятое, приняло какой-то странный вид. Когда я в Рязани, у меня такое чувство, что точно я в первый раз в этом городе, так все для меня стало чуждо и переменялось! Боря затевает многое, еще крахмальный завод хочет строить, и мы теперь ему все свои деньги передали под вексель. Я не сомневаюсь в его уплате нам выделенных ему денег, но опасаюсь, что он зарвется в своих делах! Какая ужасная погода стоит! Холод, снег хлопьями валит эти дни, вечером точно ноябрь месяц стоит, никаких признаков весенних дней. Сегодня большая пертурбация в моем торговом деле, рассталась со своей Марией Сколянкой, передала в аренду лавку сыну Паши, Ивану Федоровичу, буду получать без хлопот и порчи крови 30 рублей в месяц. Какая дрянная баба эта Мария, она всякие гадости устраивает теперь, и конечно, прослышав заранее мое намерение её удалить, воровала сколько хотела. Жалея себя, и не желая выслушивать её оправдания и тяжбу ужасную, которую она так легко произносит, я спустя рукава смотрела на все её нахальства и даже разочла её раньше, чем приняла от неё все дала, за что она, вместо благодарности, вытащила товара из лавки в эту ночь столько, сколько смогла унести! Несмотря на эти убытки, я рада, что навеки с ней рассталась. На днях начнется у меня усердное занятие цветником и ягодником, которые я уст-

раиваю около нашего нового дома. У Бори ничего нет заветного! В саду коло самого балкона, срубили всю акацию, они составляли две тенистые аллеи, одна из них была как тоннель. Росло это более 100 лет, и в два часа этого не стало, и унесло с собой массу воспоминаний наших детей. Они очень возмущаются этому скоропалительному уничтожению, а Кокоша узнав намерение Бори от Сережи, прислал длинную телеграмму Боре, прося не рубить аллеи в виду их древности, но было уже поздно, аллеи этих уже не существует! Я нахожу, что это даже слегка не деликатно по отношению у нам старикам! Мы оба много положили трудов и денег для этого сада. Сад даже называли моим детищем, действительно всю весну и осень я не выходила из него, и старалась его украсить и устраивать места для прогулок в тени. Срубить в один миг, а вырастить, так долго ждать, и сколько ухода за каждым деревцем, пока укоренится и вырастет. У Бори и Кавочки я заметила одну черту в хозяйстве, они оба стараются так устроиться, чтобы ничего не напоминало им прежнюю обстановку, чтобы сказать, что все ими вновь создано и придумано, странное фальшивое самолюбие с похоронами всего прошлого, без воспоминаний! Недостаток любви к родителям м чтить их память! Впрочем, может быть, мне это кажется так! Уж очень жаль мне видеть, как моментально уничтожается то, что в 35 лет трудов наших пропали, и как все мы любили этот сад, и всем нравилось, потому что было очень разнообразно и не шаблонно. Хотя и говорю что ошибаюсь, а все-таки критикуется все прошлое! Куда умнее и опытнее нас Борис! Снова я на втором месте у него на языке. Сейчас прочла телеграмму, что вечером приедет мой старик из Москвы.

26 апреля

Сегодня уже минуло полгода, как умер Черкасов. В 3 часа будем в церкви служить панихиду о нем и Георгию Ивановичу Супруненко. Я страшно одурочена Марией Скалянкой. Отказала ей, не приняв от неё всего из лавки, и даже сполна ей жалование уплатила. Поверила её признаниями в любви ко мне и её благодарности, думала, что за 30-летнюю службу действительно сердечно она ко мне относилась. Жестоко я ошибалась, теперь вижу, что таки людям положительно нельзя верить на слово, все фальшь и подлый обман в них сидит. Мария воспользовавшись моим доверием, почти наполовину очистила лавку и всю ночь, оказывается, этим занималась! Я не тужу об убытке, просто досаую, что такая дрянь, меня околпачила! Её нахальство было выше предела, заполучив все, что ей надо, она мне очень надерзила и даже не захотела мне отвечать, что я её спрашивала. Удивляюсь, какая злоба в бабе и сколько мести в ней. Она шипит злобой. Бабы глупы я говорю, но откуда злоба такая появляется и хитрость! Ум вероятно у них только на все подлое и коварное. Вчера я была целый день расстроена, что так неблагодарно и подло поступила Марья со мной. Урок мне будущее! Сегодня тепло, но дождь льет целый день.

3 мая

Конец апреля месяца однообразно прошел, я налаживала Соколова к торговле в моей лавке, не раз досадуя на себя, что так опростоволосилась со своей мошенницей Марьей. 1-го мая приехали Коля Короткий, Алеша и Вердеревский.

Род Головниных тесно связан с Вердеревскими, которые, как и Смольяниновы, ведут свою родословную от Рюрика с IX века.

Укороченная родословная дворянских родов Смольяниновых, Вердеревских и Головниных.

Рюрик (830-879)	
Игорь (865-945)	
Святослав (+972)	
Владимир "Свытой" (+1014)	
Ярослав "Мудрый" (978-1054)	

Святослав (1027-1076)	Всеволод (1030-1093)
Ярослав (+1129)	Владимир "Мономах" (1052-1125)
Ростислав (+1153), кн. Муромский	Мстислав Великий (1076-1132)
Глеб (+1177)	Ростислав, кн. Смоленский (+1167)
Игорь (+1195)	Давид, кн. Смоленский (1140-1197)
Нитварь (+1219)	Мстислав, кн. Смоленский (+1230)
Олег "Красный" (+1250)	Ростислав, кн. Смоленский (+1240)
Ярослав (+1299), кн. Пронский	Глеб, кн. Смоленский (+1277)
Иван (+1327), кн. Пронский	Святослав, кн. Смоленский (+1310)
Иоанн (+1343), кн. Пронский	Глеб, кн. Смоленский (+1340)
Олег, кн. Рязанский Анастасия, княжна Рязанская, муж- татарский мурза Сялхомир (Солтохмир, Солых-эмир), в 1371г князь Олег Рязанский пожаловал его боярином и выдал за него свою сестру Анастасию и крестил под именем Иоанн Миродлавиц	
Григорий Сялхомиров, боярин	Александр-Всеволож, кн. Смоленский
Григорий Вердеревский, боярин	Иван Всеволож
Василий Вердеревский, боярин	Василий Всеволож-Заболоцкий
Григорий Вердеревский, боярин	Григорий Заболоцкий (+1473)
Федор	Константин Заболоцкий (+1515)
Федор	Семен Заболоцкий (+1555)
Семен Вердеревский	Владимир Заболоцкий (+1580)
Никита	Савва Заболоцкий-Смольянин
Василий	Иван Смольянинов (+1625)
Глеб	Емельян Смольянинов (+1648)
Игнат Вердеревский	Данило Смольянинов (+1744)
Козьма	Борис Смольянинов
Петр Вердеревский	Михаил Смольянинов
-----	-----
Иван Вердеревский	Василий Вердеревский Дмитрий Смольянинов (1760-1825)
Александра Вердеревская (+1785)	Екатерина Вердеревская Николай (1786-1851)
м-Михаил Васильевич Головнин (+1785) м-Вукол Григорьевич Головнин (1773-1846)	
Василий Головнин (1776-1831), вице-адмирал	Дмитрий Головнин (1807-1876) Константин Смольянинов
ж-Е.С. Лутковская (1795-1880)	ж-кн. С.П. Мещерская (+1853) ж-Е.Н. Любневская
Падиссеня Головнина (1824-1905)	Сергей Головнин (1848-1921)
м-Петр Иванович Саломон (1818-1881)	ж-Е.К. Смольянинова (1856-1911)-----
Александр Саломон (1853-1908)	Петр Головнин (1880-1918)
ж-Евгения Владимировна Никольская (1864-1916)ж-Л.П. Некрасова (1882-1954)	Андрей Головнин (1909-1980)
Петр Саломон (1889-1941)	ж-З.Н. Преображенская (1914)
ж-Антонина Сергеевна Разумова	
Александр Саломон (1914-1986)	Петр Головнин (1950)

Вердеревские получили свою фамилию от села Вердереево (Рязанской области), прежде называлось Верхдереево. Фамилия упоминается в "Ономастиконе" Веселовского: "Вердеревские, в XV веке и позже жили в Рязанском уезде. Семейное прозвище от реки Верды и селения Вердереево на реке Малве в бывшем Рязанском княжестве". В начале XVI века Вердеревские владели поместьями в Рязанском крае и состояли воеводами, столь-

никами, думными дворянами. Род записан в VI часть родословной книги Рязанской губернии. В "Родословной книге Вердеревских" 1686 года (сборник Московского архива министерства юстиции, 1913) рассказывается, как в 1371 году по просьбе великого рязанского князя Олега Ивановича к нему "прииде из Большая Орды" татарин "Солохмир Мирославов сын с силою". Этот Солохмир затем крестился и женился на дочери великого князя, положив начало известному русскому боярскому роду Вердеревских. Крестное имя его было Иван. "У Ивана Мирославича (так стали звать крещеного татарина) - сын Григорий у Григория Ивановича Солохмирова дети: Григорий да Михаиле, прозвища Абумайло, да Иван, прозвище Канчей, да Константин, прозвище Дивной". Согласно древнейших приправочных книг 1597 и 1598 годов, село Голенчино значилось «за Васильем за Кудашовым, сыном Вердеревского, что было в поместье за Гуром Вердеревским».

Отец прославленного вице-адмирала В.М. Головнина - Михаил Васильевич Головнин (+1785)-"...служил капитаном, перешел в статскую службу в чине коллежского ассесора, и жил в последствии в отставке в имении, полученном за женою своею Александрою Ивановною Вердеревскою, Рязанской губернии, Пронского уезда, в селе Гулынки, где вместе с женой и скончался в 1785г, оставив четырех малолетних сыновей: Василия, Дмитрия, Александра, Ивана. Капитан М.В.Головнин в службу вступил в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом в 1761 году, капрал в 1765 году, фурьер в 1769 году, каптенармус в 1770 году, выпущен в Московский полк поручиком, в 1773 году отставлен капитаном, в 1775 году определен межевою канцелярией к генеральному межеванию землемером, в 1781 году сенатской межевой экспедицией произведен уездным землемером, в 1782 году Правительствующим Сенатом определен в Рязанскую казенную палату ассессором. Был в походах в турецкую кампанию в 1771 году, при штурме города Журжи ранен пулей, также был при атаке неприятеля под городом Букарестом. Гулынское имение дошло по наследству внучке Петра, Космина сына сына Вердеревского, который построил церковь Собора Богородицы и Преподобного Варлаама в 1727 году. Александра Ивановна Вердеревская вышла замуж за М.В.Головнина, они жили в Гулынках и похоронены в означенной церкви к северо-востоку от алтаря, Ещё в 1841 году можно было разобрать надписи на их могилах. Село Гулынки упоминается в Рязанских писцовых книгах в 1628 и 1629 годах, как собственность стольника Игнатия Глебова сына Вердеревского. После смерти родителей, опекуном над малолетними детьми стал их дальний родственник Дмитрий Николаевич Маслов, он то и отвез их Петербург для поступления в Морской кадетский корпус. "Российская родословная книга" (изд.кн.П.Долгорукова, СПб, 1854г) показывает: "в 1371 году выехали из Большой Орды в Рязань два брата, знатные мурзы Салхомир и Едуган (от последнего происходят Хитровы). Салхомир принял Святое Крещение с

именем Иоанна Мирославича, Великий князь Олег Рязанский пожаловал его боярином и выдал за него сестру свою княжну Анастасию и определил ему вотчину: Венев, Ростовец, Верхдерев, Михайлово поле и Безпутский стан".

"Роман Григорьевич Вердеревский находился воеводою в Брянске в 1543 году, Клементий Григорьевич был воеводою в Данкове в 1569 году, Гурий - находился осадным воеводой большого полка в украинских войсках в 1581 году, воеводою в Михайлове в 1584 году, в Пронске в 1588 году, в Болхове в 1590 году, в Воронеже в 1591 году, Никита Семенович Вердеревский был воеводою в Дедилове в 1555 году, в Рязани в 1558 году, сын его Василий Никитич был воеводою в Михайлове в 1585 году, в Пронске в 1586 году, в Воронеже в 1592 году, а внук Юрий Васильевич находился в 1617 году вторым воеводою в Пронске в 1580 году, в Брянске в 1581-1582 годах, в Царево-Санчурске в 1591-1592 годах. Шесть Вердеревских были стольниками Петра I: Петр и Федор Григорьевичи, Федор и Василий Петровичи, Иван Васильевич и Иван Михайлович.

Старинный рязанский боярский род Вердеревских известен в истории России, не только участием в государственных Делах, но и как поборники и устроители церковного благолепия. В XVII столетии Иван Иванович Вердеревский практически заново отстроил каменные постройки Рязанского Свято-Троицкого мужского монастыря. Одна из древнейших и красивейших церквей Москвы, во имя св. равноапостольного великого князя Владимира в Старых садах, построена Вердеревскими. Известны факты их участия в строительстве многих других храмов и монастырей. В документах упоминается впервые только в начале XVII века как деревня Ерлино, которая числилась тогда в приходе села Вердереево Пехлецкого стана Рязанского уезда. В 1694 году в ней была построена церковь во имя Николая Чудотворца, благодаря чему деревня перешла в разряд сел. При новопостроенной церкви было «земли показано 25 четвертей, а в поле санных покосов на 50 копен, а в приход к ней состояло два двора помещичьих и 72 двора крестьянских». Известно, что в середине XVIII века один помещичий двор принадлежал Ивану Ивановичу Вердеревскому, родившемуся в 1732 году. Он был человеком знатным: бригадиром, то есть генералом, потом, уйдя в отставку, статским советником, с 1788 по 1791 год занимал выборную должность Рязанского губернского предводителя дворянства, имел несколько орденов Российской империи и еще отличался своей родовитостью. В 1918 году усадьба была разгромлена: усадебный дом полностью уничтожен, мебель и украшавшие его картины частью разворованы, частью уничтожены, усадебные постройки переданы под хозяйственные нужды, в 30-х годах была закрыта и разрушена церковь, где впоследствии устроили машиностанцию и склад химикатов.

По исследованиям рязанского историка А.О. Никитина прямой предок автора – "27 августа 1800 года, 29-летний Вукол Григорьевич Голов-

нин женился на Екатерине Васильевне Вердеревской, дочери помещика сельца Зверева Пронского уезда В.П. Вердеревского". Как указано в книге "Собрание фамильных актов дворян Головнин (СПб, 1851г) Викул (Вукол) Григорьевич Головнин "в 1793 году был фурьером, а впоследствии поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, женат на Екатерине Васильевне и проживал в селе Красильники Рязанской губернии". Его дядя – помещик села Перевлес Рязанской губернии Василий Кириллович Головнин (1708-1788) был главой клана перевлеских Головниных. Именно его попечительством была в 1783 году построена в Перевлесе новая деревянная церковь. Своего сына Михаила (1742-1785) он отправил в 1758 году в Московский университет, где тот обучался математике иностранными языками. 29 февраля 1761 года М.В. Головнин был "написан" в лейб-гвардии Преображенский полк солдатом, 28 июля 1765 года он стал капралом, в 1769 году – фурьером, 22 сентября – каптенармусом, в том же году сержантом, после чего был переведен в 1-й Московский полк поручиком. В 1771 году участвовал в сражениях русско-турецкой войны, получил пулевой ранение. Пожалован капитаном в 1772 году, а в следующем году вышел в отставку. С 1777 года "определён к генеральному межеванию", служил Спасским уездным землемером. Отец знаменитого мореплавателя, вице-адмирала В.М. Головина (1776-1831) - М.В. Головнин был женат на Серафиме Петровне Вердеревской, с которой жил и похоронен в имении Вердеревских - Гулынки Рязанской области. На фамильном кладбище Вердеревских два года назад удалось найти надгробные плиты клана Вердеревских. В своей статье "Эпиграфические памятники в Старожилковском районе Рязанской области" историк А.О Никитин отмечает: "Находки в Гулынках, бывших на протяжении двух столетий владением Вердеревских, связаны с исчезнувшим некрополем XVII-XIX веков. Известно, что в 1820 году знаменитым мореплавателем В.М. Головиным, наследником Вердеревских по материнской линии, сельское кладбище, находившееся до того при деревянной церкви постройки 1727 года, было перенесено на новое место. Гулынки на протяжении всего XVII века неотделимы от имени своего вотчинника, стольника Игнатия Глебовича Вердеревского, имя его упоминается еще в дозорных книгах 1616 года. Сына Кузьму (стряпчий с 1685 года), единственного продолжателя рода, И.Г. Вердеревский прижил с четвертой женой. Найденные в Гулынках надгробные плиты принадлежат рано умершим женам Игнатия Глебовича и являются древнейшими памятниками письменности и искусства на территории Старожилковского района и им должен быть придан статус объектов, охраняемых государством".

В "Сборнике Императорского Русского Исторического Общества", (том 60, СПб) в 1887 году был опубликован "Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря", где указаны наиболее популярные представители дворянского рода Вердеревских (стр.96-

97):

1-Вердеревских Александр, поэт, автор стихов издания с 1838 года,

2-Вер(х)деревский Василий Петрович, думный дворянин, 1691 год

3-Вердеревский Григорий Васильевич ("Тюгмет"), постельничий Василия Темного, скончался 31 января 1452 года

4-Вердеревских Ефграф Алексеевич, поэт, писавший на Кавказе (1855)

5-Вердеревский Николай Алексеевич, 1796, Подольский губернатор (правительственный наместник), 1793, действительный статский советник

6-Вердеревский Николай Иванович, скончался 26 июля 1812 года на 44 году жизни, генерал-лейтенант свиты Его Императорского Величества.

В "Российской Родословной Книге", приводится родословная дворянского рода Вердеревских от татарского князя Салхомира и сестры князя Олега Рязанского Анастасии: "Роман Григорьевич Вердеревский (№18) находился воеводою в Брянске в 1543 году, из братьев его, Клементий Григорьевич был воеводою в Данькове в 1569 году, Гурий Григорьевич находился осадным воеводою большого полка в украинских войсках в 1581 году, воеводою в Михайлове в 1584 году, в Пронске в 1588 году, в Болхове в 1590 году и в Воронеже в 1591 году. Никита Семенович (№25) был воеводою в Дедалове в 1555 году и в Рязани в 1558 году, сын его Василий Никитич был воеводою в Михайлове в 1585 году, в Пронске в 1586 году, в Воронеже в 1592 году, а внук Юрий Васильевич находился в 1617 году вторым воеводою в большом полке украинского войска. Роман Яковлевич (№34) был воеводою в Пронске в 1580 году, в Брянске с 1581 по 1582 год, в Царево-Санчурске в 1591-1592 годах. Петр Афанасьевич находился вторым воеводою передового полка в походе из Пскова в Ливонию в 1579 году, Петр Григорьевич был воеводою в Рязани в 1604 году, Иван Петрович был воеводою в Пелыме с 1625 по 1627 год. Михайло Петрович Вердеревский был воеводою в Одоеве в 1641-1642 годах, в Смоленске в 1655-1656 годах, Григорий Иванович был осадным воеводою в Белгороде в 1663 году, Василий Петрович находился думным дворянином при Царях Иоанне и Петре Алексеевичах. Шестеро Вердеревских были стольниками Петра I: Петр Федор Григорьевичи, Федор и Василий Петровичи, Иван Васильевич и Иван Михайлович". (93).

Укороченная родословная дворянского рода Вердеревских

Салхомир

Григорий Иванович Салхомиров

№4 Григорий Григорьевич Вердеревский, владетель Верхдерева, боярин Рязанский

№7 Василий Григорьевич

№11 Григорий Васильевич

№13 Василий Григорьевич

№16 Федор Васильевич

№21 Семен Федорович
№25 Никита Семенович
№31 Василий Никитич
№36 Глеб Васильевич

Вердеревский Василий Иванович "1 мая 1788 года поступил в МКК кадетом, 1 мая 1893 года – гардемарин, в 1793-1795 годах ежегодно находился в плавании в Финском заливе, 1 мая 1795 года произведен в мичмана, в 1795-1799 годах ежегодно находился в плаваниях между Кронштадтом и Ревелем, в 1799-1801 годах находился у описи в Белом море, в 1801 году состоял при Архангельском порте, в 1802-1804 годах находился при Кронштадтском порте, 27 января 1805 года уволен от службы, по худой аттестации, с тем чином мичмана"(95).

Вердеревский Илья Иванович "27 мая 1789 года поступил в МКК кадетом, 1 мая 1796 года гардемарин, был зачислен в 1 ФЭ, в 1797 году на корабле "Св.Николай" плавал от Кронштадта до Копенгагена, оттуда на фрегате "Брячеслав" возвратился в Кронштадт, 1 мая 1798 года произведен в мичмана, на корабле "Принц Карл" плавал от Кронштадта до Любека, в 1799-1800 годах на флагманском фрегате "Венус", в эскадре контр-адмирала Чичагова плавал у берегов Англии и Голландии, в 1801 году плавал от Кронштадта до Данцига и Карскроны, в 1802 году фрегате "Патрикий" плавал между Кронштадтом и Ревелем, в 1804 году на фрегате "Венус" перешел из Кронштадта в Корфу, в 1805 году на том же фрегате крейсировал в Средиземном море, и потом плавал между Корфу и Неаполем, в 1806 году в эскадре вице-адмирала Сенявина плавал в Адриатическом море и участвовал в сражении при острове Курчала, 11 июля 1807 года произведен в лейтенанты, в 1807-1808 годах в той же эскадре участвовал при осаде крепости Тенедоса и в сражениях с турецким флотом при Дарданеллах, при Афонской горе, после чего прибыл на Лиссабонский рейд, оттуда на корабле "Ярослав" перешел в Портсмут, в 1809 году на английском транспорте перевезен из Портсмута в Ригу, 21 сентября 1811 года уволен от службы чином капитан-лейтенанта"(94). "Всемилошвейший Государь и Самодержец Николай Павлович

Просит служащий в Рязском Уездном Суде, дворянский заседатель, Российский дворянин, коллежский секретарь Николай Алексеев сын Вердеревский, а в чём моё прошение этому следуют пункты: сына моего Владимира Вердеревского имеющего от роду 6 лет два с половиной месяца обучающегося при мне российской грамоте и французскому языку желаю отдать для воспитания в Морской Кадетский Корпус. Всеподданнейше прошу к сему дабы повелено было именованного сына в МКК определить, а что он действительно имеет дворянское достоинство и что он действительно мой сын, в удостоверение сего представляю копии за скрепою с послужного списка моего, с протокола Рязанского Дворянского Депутатского Собраниа, метрическое свидетельство из Рязанской Духовной Кон-

систерии, недвижимого имени за мной состоит в Рязанской губернии Ряжского уезда 118 душ". (96).

"10 августа 1838 года в журнале Рязанского Дворянского Депутатского Собрания записано: Рассматривали прошение сего Собрания Депутатов от Дворянства Ряжского уезда поручика Николая Алексеевича Вердеревского и предъявленные о дворянстве документы: свидетельство Ряжского Земского Суда о том, что родовое предков его имя Ряжского уезда в селе Мостье, по кончине означенного деда его Петра и отца Алексея Вердеревских состоит в бесспорном его владении, в котором он жительство имеет, приложена копия Указа Государственной камер-коллегии от 18 марта 1773 года о переводе крестьян при дяде его родного капитана Василия Иванова сына Вердеревского Ряжского уезда села Мостье в Шицкий уезд, приложен Указ Государственной Военной Коллегии об отставке от службы деда родного артиллерии поручика Петра Васильева сына Вердеревского от 16 апреля 1773 года, копию из Козловского Уездного Суда выданную 4 мая 1790 года о разделе имени отцом его капитаном Алексеем Петровым сыном Вердеревским с матерью его вдовою артиллерийского поручика Петра Васильева сына Вердеревского женою Екатериной Александровой дочерью и братом капитана Дмитрием Алексеевым сыном Вердеревским, приложены документы от 18 ноября 1837 года №4801 о дворянстве рода покойного деда его артиллерийского поручика Петра Васильева сына Вердеревского, братьев родных его ротмистра Ивана и Степана Васильевых 1794 года, родственников его произошедших от одного с ним родоначальника выехавшего из Большой Орды в 1371 году к Великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому мужа честна Салохмира Мирославича, а по крещению нареченного Иоанном, майоров Ивана, Александра и надворных советников Ефграфа и Николая Ивановичей детей Вердеревских 1808 года и отца просителя капитана Алексея Петрова и брата его родного капитана, что ныне подполковник Дмитрия Петрова детей Вердеревских 1809 года и объяснения его от Салохмира службы предков его оказалось, что родоначальник Салохмир Мирославич в 6849/1341 году выехал в Россию к Великому князю Олегу Рязанскому, по его Великого князя прошению для очищения Рязанской земли от супротивных из Большой Орды и учинил ему Великому Князю многое вспоможение. По отсутствию супротивных от Рязанской земли, воспринял православную христианскую веру, в крещении наречено ему имя Иоанн. Князь Олег его в воинстве многолюдным и славна и в породе мужа честна, дал за него сестру свою родную Великую княжну Настасью Ивановну и вотчины Вердерев, Веневу, Ростовец, Верхому, Михайлово поле, Безпутский стан и писал его Великий Князь Олег Иванович в то свое княжение в жалованных грамотах, зятем своим коего сын Григорий от Великого Князя Иоанна Федоровича Рязанского, внука Великого Князя Олега Ивановича писан в жалованных грамотах, ему Великому Князю Иоанну Федоровичу дядею и

внук Григорий Григорьев сын с братьями его родными Иваном Колчим, Константином Дивным и Михайло Абудаило, были у Великих князей Рязанских, в их княжение бояре, из коих он Григорий Григорьев сын сяде на вотчину Верхдереву, стал слыть Вердеревским, от коего произошедшие потомки, а сего просителя родной предок Никита Матвеев сын Вердеревский в 7122 году и брат его родной Тимофей Матвеев сын Вердеревский, за многую их службу при Царе Василии и в нужное и прискорбное время и за Московское осадное сидение от Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича, пожалованы с поместных их окладов, каждый по 600 четвертей из старого их поместья вотчины Рязанского уезда в селе Истопниках, и на ту вотчину даны им того же года 12 октября жалованные грамоты, прапращур Семен Никитич сын в 7161 году по грамоте Царя Алексея Михайловича Всея России, состоящего за ним, в поместье жеребей пустоши Дикого поля вверх речки Мостья по конец в Сапожковском поле, что ныне Ряжского уезда села Мостье, пращур Василий Степанович сын, изранен на службе под Конотопом, и в 7172 году дано ему в его оклад в число 340 четвертей в Ряжском уезде в пустоши Дикое поле от Тилятниковской большой дороге вверх по Воронежу по Сапожковскую дорогу пашни 150 четвертей, прапрадед Иван Васильев сын в 7199 году 28 января дано ему от вышеописанного поместья отца 30 четвертей в деревне Щурове 2 четверти и Рязанского уезда в сельце Крупул Пущино тож 1 четверть, всего 63 четверти, сверх того по всем книгам именован стольником. Сверх что отец его Василий, деде Семен и все предки его по степени показаны произошедшими от Салохмира, в поколенной рода Вердеревских росписи, поданной от фамилии Вердеревских в бывший разряд в 7194 году, прадед Василий Иванов сын в 1724 году 4 февраля по просьбе матери его стольника Ивана Васильева сына Вердеревского жены вдовы Домны Андутьевой дочери, что по Указу Вотчинной коллегии отца его отдано меньшому сыну, а его Васильева родному брату Дмитрию Иванову сыну Вердеревскому, коим заложены Рязанского и Ряжского уездов имения, он Василий Иванов сын Вердеревский в 729 году выкупил, а жена его вдова Настасья Степановна дочь и дети Иван, Алексей, Степан и сего просителя дед родной Петр, оставленные после него родовое и приобретенное имение, состоящее в уездах: Рязанском, Ряжском и Пронском, Козловском тож в разных селах, деревнях и пустошах между собой разделили, каковой раздел утверждён ими допросом в Вотчинной коллегии 3 февраля 1777 года при чем, и так же по другим разным сделкам и документам именован он Василий Вердеревский капитаном, потом коллежским асессором. Из показанных же детей его, сего просителя родной дед Петр Васильев сын, служил из дворян во 2-м артиллерийском, фузнерном полку в 1765 году, подпоручиком 1 января 772 года и 28 марта 1773 года отставлен артиллерии поручиком. После его Петра Васильева сына Вердеревского, оставшееся движимое и недвижимое мое имение, состоящее Тамбовской губер-

нии в Козловской и Кирсановской округах и Рязанской губернии Ряжской округи в селе Мостье жены его вдовы артиллерии поручика Екатерина Александрова дочь и дети её как забрюхатого пехотного полка капитана Дмитрия и сего просителя отец Алексей Петров дети Вердеревские в 1796 году в мае между собой разделили, каковой раздел утвержден ими допросом в Козловском Уездном Суде. Причем из них Алексей Петров сын Вердеревский, отец сего просителя, служил из дворян в гвардии в 1781 году и оттуда выпущен в армию из сержантов в капитаны 10 января 1796 года, потом в Рязанском ополчении в конно-казацком полку ротмистром с 6 августа 1812 года был за границей в походах и действиях против французских войск сражениях, а по роспуске ополчения в 1816 году уволен от службы. Из показанных в сем определении господ Вердеревских по предъявленных от них доказательств, сим Собранием в древнем дворянстве признаны и написаны. 20 июня 1794 года сего просителя деда родного артиллерии поручика Петра братья родные ротмистр Иван и майор Степан Васильевы дети Вердеревские в VI часть, в 1808 году 22 мая родственники их происшедшие от одного с ними родоначальника выехавшего в 1371 году в Россию к Великому Князю Олегу Рязанскому из Большой Орды Салохмир Мирославич, майоры Иван и Александр и надворные советники Николай и Ефграф, который ныне действительный статский советник Ивановы дети Вердеревские в IV часть Дворянской Родословной Книги, в которую написаны и вышеозначенные дядья их родные ротмистр Иван и майор Степан Васильевы дети Вердеревские, о чем и выданы им грамоты, после того по просьбе действительного статского советника и кавалера Ефграфа Иванова сына Вердеревского о перенесении рода его из IV в VI часть Дворянскую Родословную Книгу, предоставлено было Правительственным Сенатом в Герольдию, с приложением копий с дела о дворянстве дела его. Указом оной Герольдии, с приложением копии с дела о дворянстве рода его, Указом оной Герольдии последовавший в Собрание от 11 мая 1834 года №4539 велено род сей господ Вердеревских перенести из IV части в VI часть Дворянской Родословной Книги, который, по определению Собрания состоявшегося 13 августа 1834 года и написан в VI часть ДРК, и что действительно сей проситель Николай Вердеревский подлинный сын капитана Алексея Петрова сына Вердеревского и внук родной артиллерии поручика Петра Васильева сына Вердеревского, по сему доказательством служит то, что оставшееся после смерти их родовое недвижимое имение, состоящее Ряжского уезда в селе Мостье по наследству состоит ныне во владении у него просителя, о чем засвидетельствовал Ряжский Земский Суд, причем он проситель Николай Вердеревский служил из дворян Рязанской губернии из 2-го кадетского корпуса прапорщиком 29 марта 1822 года, во 2-м пионерском батальоне и в оном подпоручиком 1823 года 2 декабря, а 10 января 1826 года по Высочайшему приказу уволен от службы поручиком, а ныне служит по выбору дворянства от

Рязжского уезда в сем Собрании депутатом. От него Вердеревского и законной жены его Елизаветы Дмитриевны по метрическим книгам Рязжской округи села Мостье показан сын Владимир, рожденный 1 и крещен 6 декабря 1835 года.

Приказали: означенного просителя Вердеревского сына Владимира, на основании Свода Законов, том IX, статья 44 о причислении к роду дяди его родного капитана Алексея Петрова и отца поручика Николая Вердеревских, выдать ему Владимиру от сего определения засвидетельствованную копию, возвратив при том и предъявленные документы оставя с оных при деле засвидетельствованные копии, с дел же и документов о дворянстве рода решением 1794 и 1809 годов, и так же представленные от просителя вновь документов и с последовавшего по оным определение сего Собрания с выпискою, препроводить в Правительствующий Сенат в Герольдию на рассмотрение копию. Подлинный подписали: Губернский Предводитель Дворянства и уездные дворянские депутаты.

В следствии означенного определения дана сия копия из Рязанского Дворянского Депутатского Собрания поручика Николая Алексеева сына Вердеревского сыну Владимиру, с надлежащим подписанием с приложением печати сего Собрания, копиями с дела и документов о дворянстве сего рода препровождены в Герольдию сего ж числа №635 17 мая 1839 года.

Свидетельство.

По Указу Его Императорского Величества из Рязанской Духовной Консistorии, вследствие прошения коллежского секретаря прежде бывшего поручика Николая Алексеева сына Вердеревского о выдаче ему метрического свидетельства о рождении и крещении сына его Владимира, рожденного в 1835 году Рязжской округи в приходе села Мостье, для поступления ему в Казенное училищное заведение на основании продолжения Свода Законов IX тома о состояниях статья 945 дано ему сие свидетельство в полк, что в метрической книге Рязжской округи села Мостье за 1835 год №40 написано: у отставного поручика Николая Алексеева сына Вердеревского и законной жены его Елизаветы Дмитриевны от первого обоих их брака сын Владимир, рожден 1, крещен 6 декабря. Восприемниками у него были: Тамбовской губернии Козловского уезда деревни Ивановка отставной подполковник Владимир Николаевич Кахтовский и села Мостье поручица Екатерина Алексеевна Битяговская. 21 января 1842 года"(97).

В "Списке о службе Рязжского Уездного Суда, старшего дворянского заседателя коллежского секретаря Николая Алексеевича Вердеревского в 1842 году" указано: От роду 40 лет, имение в селе Мостье, ревизских 118 душ. 29 мая 1822 года в службу вступил из 2-го кадетского корпуса прапорщиком во 2-й пионерский батальон, 2 декабря произведен в подпоручики. По Высочайшему Его Императорского Величества приказу от службы по домашним обстоятельствам, уволен с награждением чином поручика 10 января 1826 года. За время эпидемической болезни холеры по определе-

нию начальства был в должности комиссара с 5 января по 1 ноября 1831 год, 2 января 1833 года по выбору дворянским депутатом в Рязанском Дворянском Собрании, 2 января 1839 года в сей суд в старшие дворянские заседатели направлен, 24 июня 1840 года награжден чином коллежского секретаря. Женат, есть сыновья Владимир (6 лет), Алексей (5), Софья (5), Екатерина (2 1/2)"

Свидетельство.

По Указу Его Императорского Величества Герольдия Правительствующего Сената определила: дать сие Владимиру Николаевичу Вердеревскому в том, что он происходит из дворян, и род его определением Рязанского Депутатского Собрания внесен в VI часть Дворянской Родословной Книги в число древнего дворянства, каковое определение постановлением Герольдии 2 июля 1842 года утверждено, родился же он Владимир Вердеревский, как удостоверено Рязанской Духовной Консисторией 3 декабря 1835 года. 18 июля 1842 года. Герольдмейстер, д.ст.советник, камергер и кавалер" (стр. 12)

Вердеревский Владимир Николаевич "26 августа 1848 года поступил в МКК кадетом, 6 декабря 1852 года – гардемарин, 28 апреля 1854 года произведен в мичмана, на корабле "Св.Георгий Победоносец" находился на малом Кронштадтском рейде при защите Кронштадта от нападения англо-французского флота, в 1855 году на винтовой лодке "Оса" находился на северном Кронштадтском фарватере при той же защите, в 1856 году на шхуне "Град" плавал по портам Финского залива и в финляндских шхерах, в 1858 году на винтовой лодке "Ёриш" плавал между Петербургом и Кронштадтом, в 1859 году на пароходе "Невка" ходил там же, 29 февраля 1860 года уволен от службы чином лейтенанта". (98).

В "Полном послужном списке капитана 2 ранга Романа Николаевича Вердеревского от 1 января 1918 года" отмечается: "Награжден орденами Св.Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св.Станислава 2 степени, Св.Анны 3 степени с мечами и бантом, серебряной медалью в память русско-японской войны и в память Царствования Императора Александра III, бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых, 100-летия Отечественной войны, 200-летия Гангутской победы и в память похода в Китай, знак отличия об окончании полного курса наук в МКК.

Р.Н. Вердеревский родился 3 февраля 1870 года, из дворян Рязанской губернии, уроженец Петрограда. 20 сентября 1884 года поступил в МКК воспитанником, 28 августа 1889 года гардемарин, 31 августа – старший унтер-офицер, 19 сентября 1890 года произведен в мичмана, 3 декабря переведен в Черноморский флот, 10 февраля 1892 года Высочайшим приказом по МВ №41 уволен от службы, 11 октября Высочайшим приказом по МВ №316 определен на службу, 30 мая 1902 года циркуляром ГМШ №189 зачислен в штурманские офицеры 2-го разряда, 31 мая 1902 года возвратился из заграничного плавания, 28 октября приказом №663 назначен в за-

граничное плавание на крейсере 2 ранга "Боярин", 17 февраля 1906 года награжден серебряной медалью за участие в войне с Японией, 2 апреля 1907 года приказом по МВ №500 Всемилостивейшее пожалован Св.Анны 3 степени с мечами и бантом за участие в боях при защите Порт-Артура, 6 декабря 1908 года произведен в старшие лейтенанты, приказом начальника соединенных отрядов Балтийского моря №183 назначен и.д. старшего офицера лодки "Бобр" 14 апреля 1909 года, 16 октября приказом №507 назначен временным командиром миноносца "Лейтенант Бураков", 5 августа 1911 года приказом Командующего Морскими Силами Балтийского моря №142 списан в 1 Балтийский ФЭ по болезни, 14 марта 1912 года приказом по МВ №71 переведен в Сибирскую флотилию для службы в Амурской флотилии, 17 мая 1912 года приказом начальника Амурской флотилии №1016 назначен и.д. старшего офицера канонерской лодки "Ураган", 1 сентября приказом №1126 назначен командиром речной канонерской лодки "Зырянин", 11 января 1913 года принял в командование канонерскую лодку "Карел", 13 апреля присвоено звание капитана 2 ранга, 29 апреля принял в командование канонерскую лодку "Калмык", 19 мая 1915 года приказом Главного командира Севастопольского порта №351 зачислен в Черноморский ФЭ, 1 июня 1915 года приказом командующего транспортной флотилией №327 назначен командиром транспорта №102, 29 октября перемещен приказом №54, 24 апреля 1911 года приказом Командующего Черноморским флотом №363 допущен к исполнению обязанностей командира временного военного поста "Поти", 7 ноября 1916 года приказом №1921 списан в наличие Черноморского ФЭ по болезни, приказом Командующего Черноморским флотом №1685 зачислен в резерв Черноморского флота 29 апреля 1917 года. Циркуляром Штаба Начальника тыла Черноморского флота "Севастопольский порт" №638 зачислен для довольствия в Черноморский ФЭ 19 мая 1917 года, холост.

Был в походах и делах против неприятеля – находился в крепости Порт-Артур с 27 января 1904 по 20 декабря 1904 год на крейсере "Паллада" и на миноносце "Бесстрашный", командиром миноносца "Властный" и "Статный".

С 8 по 16 января 1901 года служил на крейсере "Владимир Мономах" под командою капитана Васильева-1 в должности вахтенного офицера в заграничном плавании, с 16 января по 30 апреля 1901 года на эскадренном броненосце "Наварин" в должности младшего штурмана в заграничном плавании, с 7 мая по 6 июня 1902 года на мореходной канонерской лодке "Бобр" в должности старшего штурмана в заграничном плавании, с 1 июля по 6 июля находился на "Бобре" под командою капитана 2 ранга Кроуна в заграничном плавании, с 12 июня по 6 декабря 1903 года на эскадренном броненосце "Полтава" под командою капитана 1 ранга Успенского в должности старшего штурмана в заграничном плавании до 14 января 1904 года, с 14 января 1904 по 10 июня 1904 года на крейсере "Полтава"

старшим штурманским офицером в заграничном плавании, с 10 июня по 15 июня на миноносце "Бесстрашный" вахтенным начальником в заграничном плавании, с 15 июня по 2 августа 1904 года на миноносце "Властный" и "Статный" сам командиром в заграничном плавании, с 2 августа по 20 декабря командиром транспорта "Ермак" в заграничном плавании, с 28 сентября 1905 года по 25 апреля 1906 год на эскадренном броненосце "Александр II" старшим штурманом вооружённого резерва, с 10 июня по 9 октября 1912 года в плавании по реке Амур на канонерской лодке "Зырянин" командиром, с 20 марта по 20 апреля в вооруженном резерве, с 20 апреля по 19 октября 1913 года в плавании по Амуру до 1915 год".(99).

В "Полном послужном списке контр-адмирала Дмитрия Николаевича Вердеревского от 2 августа 1911 года" указано: "родился 4 ноября 1873 года, из дворян Рязанской губернии, уроженец Санкт-Петербурга, женат первым браком на дочери действительного статского советника Плен девице Елены Михайловны, имеет детей: Павла (16.07.1896-), Елену (17.06.1900-). Елена Плен – родная сестра боевых морских офицеров: Павла Михайловича Плена (1875-1918) и Ивана Михайловича Плена (1874-1906). Адмирал В.А. Белли в своей книге " В Российском Императорском Флоте" (СПб, 2005) вспоминает: «командующим миноносцем "Прочный", куда меня направили, был старший лейтенант Павел Михайлович Плен, боевой офицер, командовавший миноносцами в Порт-Артуре. До русско-японской войны он плавал младшим штурманом на Императорской яхте "Штандарт", которая тогда числилась в 5 ФЭ и переведена была в Гвардейский экипаж уже после 1905 года. Брат его Иван Михайлович Плен, состоявший к этому времени в запасе, служил в Гвардейском экипаже и они имели какое –то свойство с принцами Ольденбургскими или Лейхтенбергскими. Павел Плен с 1907 по 1917 год был командиром миноносцев "Прочный", "Сильный", "Бдительный", "Страшный", старшим офицером канонерской лодки "Бобр", командиром крейсера "Адмирал Макаров", начальником 5-го дивизиона миноносцев и командиром линейного корабля "Слава" (стр. 150-151). "Во время Первой Мировой войны, находясь в дозоре накануне гибели крейсера "Паллады", крейсер "Адмирал Макаров" атаковала всё та же германская подводная лодка. Движение торпеды заметили и, благодаря прекрасным действиям капитана 1 ранга П.М. Плена, крейсер был спасён". (100, стр. 283)

12 сентября 1887 года Д.Н. Вердеревский поступил в Морское Училище кадетом, действительная служба считается с 17 сентября 1890 года, 11 августа 1892 года – гардемарин, 17 сентября 1893 года присвоено звание мичмана по Высочайшему приказу №705 по Морскому Ведомству, циркуляром ГМШ №136 зачислен в 33 ФЭ 17 сентября 1893 года, 12 октября 1893 года назначен делопроизводителем экипажного суда, 10 декабря 1894 года отчислен от этой должности, 4 декабря 1895 года Высочайшим приказом по Морскому Ведомству №58 зачислен в запас флота,

приказом по МВ №44 награжден серебряной медалью в память Царствования Императора Александра III для ношения на груди на Андреевской ленте 21 марта 1896 года, 27 января 1897 года Высочайшим приказом по МВ №120/28 определен на службу из запаса флота, 27 января 1897 года циркуляром ГМШ №18 зачислен в 14 ФЭ, 7 февраля 1897 года приказом командира экипажа назначен заведывающим стрельбой нижних чинов, 19 апреля 1897 года циркуляром штаба Кронштадского порта №381 назначен в плавание вахтенным начальником на пароход "Петербург", 29 сентября циркуляром ГМШ №198 назначен слушателем в обучающийся состав Учебно-артиллерийского отряда, 1 сентября 1898 года приказом Главного командира Кронштадского порта №451 переведен в 16 ФЭ, 11 сентября 1898 года приказом Главного командира Кронштадского порта №485 назначен преподавателем в школу артиллерийских квартирмейстеров, 13 сентября 1898 года циркуляром ГМШ №189 зачислен в артиллерийские офицеры 2 разряда, 31 сентября 1898 года приказом Главного командира Кронштадского порта №552 назначен заведывающим приборами гальванической стрельбой на лодке "Гроза", 12 января 1899 года приказом №12 назначен на броненосец "Адмирал Грейг", 1 апреля приказом №146 назначен старшим артиллерийским офицером броненосца, приказом №525 назначен преподавателем в офицерском артиллерийском классе и в школе артиллерийских квартирмейстеров до 1900 года, 21 сентября 1899 года приказом старшего флагмана 2 флотской дивизии №306 утвержден командиром 5 роты 16 ФЭ, 29 ноября 1899 года циркуляром ГМШ №254 переведен в 18 ФЭ, 6 декабря 1899 года Высочайшим приказом по МВ №408 произведен по линии в лейтенанты, 16 декабря 1899 года Начальником ГМШ утвержден в должности старшего артиллерийского офицера броненосца "Ослябя", 23 августа 1900 года приказом Главного командира Кронштадского порта с утверждения Морского министерства назначен в заграничное плавание на крейсере 1 ранга "Герцог Эдинбургский", 30 октября 1900 года циркуляром ГМШ переведен в 10 ФЭ, 25 января 1901 года циркуляром ГМШ зачислен в артиллерийские офицеры 1 разряда, 14 августа 1901 года приказом Главного командира Кронштадского порта №475 списан с крейсера "Герцог Эдинбургский" в наличие 10 ФЭ, 16 августа 1901 года приказом №477 назначен членом комиссии для производства экзамена практическим чином переменного состава учебно-артиллерийского отряда, 1 сентября 1901 года приказом №517 назначен артиллерийским офицером на крейсер 2 ранга "Дунлиш" с переводом в 5-й Его Императорского Величества генерал-адмирала Александра Александровича экипаж, 12 сентября 1901 года приказом №539 назначен учителем в школу комендоров, 20 сентября отчислен от школы, 1 октября 1901 года приказом по МВ №176 назначен членом комиссии морских артиллерийских опытов в Санкт-Петербурге, 25 марта 1902 года Высочайшим приказом по МВ №100 зачислен в запас флота, 14 апреля 1904 года Высочай-

шим повелением призван из запаса в действительную службу и зачислен временно циркуляром штаба Черноморского флота №217 в 32 ФЭ, 23 апреля 1904 года приказом Главного командира №357 назначен артиллерийским офицером на лодку "Терец", 10 июля 1904 года приказом №609 назначен преподавателем класса комендоров с переводом в учебный отряд и с оставлением в занимаемой должности на лодке "Терец", 2 октября приказом Главного командира Черноморского флота №879 назначен преподавателем в класс командоров учебного отряда, 30 ноября 1904 года приказом №1140 зачислен в вооруженный резерв на эскадренный броненосец "Чесма" вахтенным начальником, 28 февраля 1905 года приказом №233 назначен преподавателем в класс комендоров на кампанию, 26 апреля 1905 года приказом №502 на время командировки лейтенанта Клочкова назначен и.д. помощника заведывающего обучением по артиллерии в учебном отряде Черноморского флота, приказом №598 от 7 мая 1905 года назначен членом комиссии для проэкзаменования офицеров предназначенных к отправке в текущем году в минный и артиллерийские классы для прохождения в них курса, 21 мая 1905 года приказом №602 назначен членом комиссии назначенной для выяснения причин повреждений камор 45-мм орудий на эскадренных миноносцах "Строгий", "Стремительный", "Свирепый", "Сметливый" при стрельбах 18 мая, а так же для выяснения разрывов гильз при той же стрельбе, 31 мая приказом №629 назначен командиром миноносца №255 с оставлением преподавателем артиллерийской школы Черноморского флота, 14 октября 1905 года приказом №1254 назначен членом комиссии для предварительного проэкзаменования прапорщиков по морской и механической части, изъявивших желание держать экзамен на чин подпоручика и поручика по Адмиралтейству, 7 ноября 1905 приказом по МВ №240 назначен помощником заведывающего обучением в офицерском классе и классе гальванеров учебно- артиллерийского отряда Балтийского флота, 28 марта 1906 года циркуляром штаба Кронштадского порта №589 назначен флагманским офицером в походный штаб начальника учебно- артиллерийского отряда Балтийского флота, 30 ноября 1906 года приказом Главного командира флота и портов Балтийского моря №726 утвержден членом в состав технической комиссии артиллерийских офицеров Кронштадского порта, как избранной большинством голосов 22 ноября, 16 октября 1906 года приказом по МВ №273 назначен преподавателем в артиллерийский офицерский класс, 4 декабря 1906 года приказом Главного командира Балтийского моря №743 на основании ст. 181 Дисциплинарного устава объявлен в списке совета посредников Балтийского флота, 4 апреля 1907 года циркуляром штаба Кронштадского порта №1038 зачислен в вооруженный резерв на учебное судно "Рига", 27 апреля 1907 года приказом по МВ №182 объявлено о Всемилостивейшее пожаловании Государем Императором ордена Св.Станислава 2 степени, 27 апреля 1907 года циркуляром штаба Кронштадского порта №1301 на-

значен флагманским артиллерийским офицером в штаб командующего учебно-артиллерийского отряда, 11 июня Высочайшим приказом №775 награжден чином капитана-лейтенанта, 6 декабря 1907 года приказом №805 произведен в капитаны 2 ранга, 3 января 1908 года циркуляром штаба Кронштадтского порта №26 назначен и.д. старшего офицера на учебное судно "Петр Великий" с зачислением в вооруженный резерв, 14 января 1908 года приказом по МВ №11 утвержден в должности старшего офицера "Петр Великий", 1 сентября 1908 года приказом по МВ №198 назначен заведывающим обучением офицеров и гальванеров учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота, 16 августа 1909 года циркуляром ГМШ №75 назначен флагманским артиллерийским офицером штаба Начальник соединенного отряда Балтийского моря, 5 апреля 1910 года Высочайшим приказом по МВ №147/970 назначен командиром эскадренного миноносца "Генерал Кондратенко", 6 декабря 1910 года награжден орденом Св.Анны 2 степени, 22 июня 1911 года Высочайшим приказом по Морскому Ведомству №1047 назначен командиром эскадренного миноносца "Новик", 16 июля 1912 года Государь Император производя 16 июля на яхте "Штандарт" смотр миноносца "Новик" и оставшись доволен блестящим состоянием миноносца изъявил Монаршее благоволение, 14 апреля 1913 года Высочайшим приказом по МВ №1181 за отличия по службе произведен в капитаны 1 ранга, 21 февраля 1913 года пожалована светло-бронзовая медаль в ознаменованя 300-летия Дома Романовых, 20 января 1914 года Высочайшим приказом по МВ №1239 назначен командиром крейсера "Адмирал Макаров", о чём объявлена приказом №431 от 30 апреля 1914 года, 27 мая 1914 года Высочайшим приказом по МВ №1266 зачислен по флоту на основании ст. 35 положения о прохождении службы офицерам флота, 27 мая 1914 года циркуляром ГМШ №166 увольняется с разрешения Морского министерства по управлению частным мореходным предприятием, на основании ст. 298 тома VIII Свода морских постановлений, издания 1910 года, 12 января 1915 года Высочайшим приказом по МВ №1353 назначен командиром крейсера "Богатырь" с зачислением во флот, 1 марта 1915 года приказом Командующего флотом Балтийского моря №230 назначен председателем комиссии для проэкзаменования слушателей учебного отряда подводного плавания оканчивающих прохождения кратких теоретических курсов подводного плавания, 12 августа 1915 года приказом Главнокомандующего 6 армии флоту Балтийского моря №136 за выдающееся мужество и распорядительность проявленное в бою с неприятелем награжден орденом Св.Владимира 4 степени с мечами и бантом, 28 февраля 1915 года награжден светло-бронзовой медалью в память 200 летнего юбилея Гангутской победы, 30 декабря 1915 года приказом Командующего флота Балтийского моря №1423 за подвиг, мужество и храбрость связанные с выполнением и содействием к выполнению операций имеющих большое боевое значение на основании п.53 ст.112 Ге-

оргиевского статуса пожалован "Георгиевским оружием", 30 декабря 1915 года приказом №1426 награжден мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 2 степени, 30 июля 1916 года награжден орденом Св.Владимира 3 степени, 19 сентября 1916 года приказом Начальника Морского штаба, Верховного Главнокомандующего №288 допущен к временному командованию 1 бригадой крейсеров с оставлением в должности командира крейсера "Богатырь", 25 октября 1916 года приказом Командующего флотами Балтийского моря №759 допущен к исполнению обязанности начальника дивизии подводных лодок Балтийского моря, 26 декабря 1916 года Высочайшим приказом по МВ №1660 произведен в контр-адмиралы со старшинством на основании Высочайшего повеления последовавшего 23 декабря 1916 года, 22 мая 1917 года приказом Начальника 1 бригады линейных кораблей №83 объявлено, что 1-ю бригаду линейных кораблей эскадры Балтийского моря принял и в командование вступил, 3 апреля 1917 года приказом по армии и флоту №15 назначен Начальником штаба Командующего флотом Балтийского моря.

"Благодарю всех офицеров, кондукторов и матросов Генмора и Главмора за ласковое приветствие, со своей стороны шлю горячие поздравления со вступлением нашей Родины в ряды свободных народов и глубоко убежден в её светлой будущности. Тяжеск был путь к свободе и тем энергичнее надо её защищать, станем все на защиту нового порядка, будем, не покладая рук, трудиться для его укрепления, отбросим все, разделившие граждан, перегородки неравенства и все рука об руку установим новый порядок, основанный на взаимном доверии горячей любви к общей Родине и на стремление к социальной справедливости. Необходимо закончить войну победой, ибо ныне только в Германии сохранился во всей мощи свергнутый наконец у нас монархический строй. В случае победы Германии сила этого строя там вознесется высоко, и он будет навязывать вновь всем тем народам, которые попадут под иго Германии, в этом я усматриваю страшную опасность и первой задачей момента считаю необходимость сплотиться всем для победы, не завоевание, не захваты чужих прав и земель нужны нам. Нам нужна победа над Германией как победа на веки веков над монархическим принципом, так долго тяжелым гнетом давившего наш народ. Еще раз благодарю за поздравления, моя роль была очень скромная и задача легкая, она состояла в провозглашении от всей души глубокой и нелицемерной преданности наступившей в России эре свободы. Да здравствует свободная Россия! Контр-адмирал Вердеревский" (101)

«Дополнение к приказу Армии и Флоту о военных чинах флота и морского ведомства от 1 июня 1917 года за №57 Назначаются: командующий флотом Балтийского моря, вице-адмирал Максимов начальником Морского штаба Верховного Главнокомандующего. Начальник Штаба Командующего флотом Балтийского моря. Контр-адмирал Вердеревский -

командующим флотом Балтийского моря. Морской министр Керенский (102).

Постановление Центрального Комитета Балтийского флота от 13 июня 1917 года №29 Постановил: объявить по флоту для проведения в жизни утвержденное съездом представителей Балтийского флота "Положение о корабельных комитетах". Председатель Дыбенко, секретарь Заблоцкий. "Согласен": Командующий флотом контр-адмирал Вердеревский 8 июня 1917 года (стр.11)

"Производящий, по приказанию Морского Министерства, предварительное следствие Военно-морского Судебного Ведомства полковник Шпаковский от 28 июля 1917 года

Главному Военно-Морскому Прокурору

На основании 613 статьи Военно-морского Судебного Устава препровождать при сем законченное мною следственное производство по делу о контр-адмирале Вердеревском, обвиняемым по 104, 105 и 271 статьям статей Военно-морского Судебного Устава. К делу приложены вещественные доказательства в 3-х опечатанных пакетах и особое приложение в 4-х пакетах, Следственное производство в одном томе" (103).

Постановление Временного Правительства.

Временное Правительство постановило: в интересах правильного отправления правосудия разбирательство дела о контр-адмирале Вердеревском, на основании ст.1341 Военно-морского Судебного Устава, перенесен во Временный военно-морской Суд в Петрограде.

Министр-Председатель А.Керенский, Управляющий Морским Министерством В. Лебедев,

Министр Юстиции Зарудный от 11 августа 1917 года" (стр.3)

"Заключение по делу о Командующим флотом Балтийского моря контр-адмирале Вердеревском": 3 июля 1917 года, в связи с агитацией, руководимой врагами революции, часть Петроградского гарнизона около 10 часов вечера вышла на улицы, и началась стрельба. 4 июля в связи с прибытием из Кронштадта частей вооруженного гарнизона к вечеру беспорядки достигли угрожающих размеров. Вооруженными демонстрантами был осажден Таврический дворец, арестован министр земледелия Чернов и проводились нападения на казачьи патрули. Временное Правительство по соглашению с Исполнительным Комитетом Всероссийского Центрального Комитета рабочих и солдат обратилось через 1-го помощника Морского Министра, капитана 1 ранга Дуровова, к Командующему флотом Балтийского моря Вердеревскому с приказанием прислать 4 эскадренных миноносца из Гельсингфорс. Но Вердеревский корабли не выслал, но на следующий день, с разрешения Вердеревского, прибыли из Гельсингфорс на миноносце "Орфей" делегация матросов в количестве около 70 человек, с целью арестовать помощника Морского министра капитана 1 ранга Дудорова и с требованием передать всю власть Советам рабочих, сол-

датских и крестьянских депутатов.

Вследствие сего, постановлением Временного Правительства от 7 июля 1917 года Вердеревский был отрешен от должности и арестован по обвинению к сопротивлению приказаниям Временного Правительства и государственной измене. Следствием установлено, что "Кречет" получал зашифрованные юзограммы (№2594) за подписью капитана 1 ранга Дудорова с требованием немедленно прислать миноносцы "Победитель", "Забияку", "Гром" и "Орфей" в Петроград, где им войти в Неву. Идти полным ходом. Посылку их держать в секрете. Если который-нибудь из этих миноносцев не может быстро выйти, то не задерживать остальных. Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне. Временное Правительство возлагает на них демонстрацию и если потребуется - действовать против прибывших кронштадтцев. Если по Вашим соображениям указанные миноносцы прислать совершенно невозможно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным. По мере расшифровки юзограммы капитан 2 ранга Зеленой делал доклады Вердеревскому о содержании ленты. Контр-адмирал Вердеревский высказал, что миноносцы не пошлет, так как такая посылка неминуемо вызовет во флоте раскол и поведет к междоусобице. Командующий Вердеревский послал отправить Дудорову ответную телеграмму на входящие №8294 и №8295. "Приказание исполнить не могу, если настаиваете, укажите кому сдать флот", такая телеграмма была отправлена в 10 часов 50 минут. Затем была отправлена зашифрованная юзограмма: "По установленному порядку я единолично распоряжаюсь только оперативными действиями. Посылка миноносцев в Неву в настоящий момент есть акт политический. Все политические решения могут мной приниматься лишь с согласия ЦК, а потому обсудив в секретном порядке Вашу телеграмму, сообщаю, что посылка миноносцев в Неву делает флот орудием политической борьбы и отвлекает его от прямых боевых задач. До сего времени все усилия мои и ЦК были направлены к боевой способности флота. Требуемая посылка судов в Неву внесет во флот раскол и очень ослабит его боевую мощь, посему ЦК против этой посылки, в чем я согласен. ЦК и я приложим все усилия дабы удержать от междоусобной войны флот, куда никто не имеет права его втягивать. По мнению Вердеревского выходом из создавшегося положения являлось срочное устранение капитана 1 ранга Дудорова от деятельности, так как доверие к последнему во флоте было подорвано и повело к установлению контроля ЦК над всеми оперативными как входящими, так и исходящими распоряжениями.

Во исполнение приказа Временного Правительства и Управляющего Морским Министерством Лебедева о срочном прибытии в Петроград, Вердеревский вышел из Гельсинфорс на миноносце "Молодецкий" и по прибытии 7 июля в Петроград был арестован на квартире Морского Министра, куда Вердеревский приехал. Что касается предъявленных на предва-

рительном следствии Вердеревскому обвинений в сопротивлении исполнения приказаний Временного Правительства и в государственной измене, т.е. в преступных деяниях, предусмотренных статьями 105 части XVI Свода Морских Постановлений и 108 Уголовным Уложением, то принимая во внимание: 1-что Вердеревский не имел намерений оказать активного сопротивления приказаниям, исходящих от Временного Правительства, 2-что оглашение секретных юзограмм, а равно всеми своими действиями, квалифицируется как неисполнение приказаний и бездействия власти, он отнюдь не имел намерений способствовать неприятелю в его враждебных действиях против России, я полагаю, что обвинения Вердеревского в сопротивлении и государственной измене подлежат прекращению за отсутствием состава преступления".

"Справка от 25 июля 1917 года в 1-е отделение ГМШ

Согласно постановлению производящего следствие по делу контр-адмирала Вердеревского, Военно-Морского Судебного ведомства полковник Шпаковского, Распорядительное Строевое отделение Штаба просит 1-е Отделение прислать, кк можно скорее, полный послужной список, или засвидетельствованную копию с него контр-адмирала Вердеревского для отсылки этого списка вместе с другими сведениями производящему следствию полковнику Шпаковскому".(104).

"Морское Министерство ГМШ, 1-е отделение, 17 августа 1917 года срочно.

Председателю Временного военно-морского суда на №203.

Главное управление по делам личного состава Флота сообщает, что вместе с сим сделано распоряжение о явке в суд 18 августа в 12 часов контр-адмирала Вердеревского или его защитника. За начальника офицерского отдела, капитан 1 ранга "(105).

"Определение от 4 сентября 1917 года, по Указу Временного Правительства.

Петроградский Временный военно-морской суд, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: председатель Вильчевский, временные члены: военно-морские следователи подполковник Шубин и надворный советник Гросман при помощнике прокурора подполковник Селезнёв, секретарь коллежский советник Николаев. Слушали: Доклад Председателя Суда по поводу поступившего в суд предложения прокурора от 4 сентября №252 по делу "о бывшем командующим Балтийского моря контр-адмирала Вердеревского", на предмет прекращения этого дела дальнейшим производством, согласно Указа Временного Правительства состоявшегося 30 августа. Заслушав означенный доклад и заключение помощника прокурора, военно-морской суд постановил: в виду того, что возникшее против контр-адмирала Вердеревского, судебное по настоящему делу представление, по обвинению его в преступных действиях, предусмотренных 104, 142, 145 статьями статей Военно-морского Устава о наказани-

ях, Указом Временного Правительства от 30 августа 1917 года прекращено, настоящее дело о контр-адмирале Вердеревском дальнейшим производством прекратить. Вещественные доказательства и приложения в 7-ми опечатанных пакетах возвратить по принадлежности. Подлинный подписали..." (106).

30 августа 1917 года приказом по армии и флоту №161 назначен Морским Министром.

"Приказ по Морскому Ведомству, Петроград от 22 сентября 1917 года №653

На днях наша флотилия Северного Ледовитого океана увеличилась ещё одной боевой единицей – подводной лодкой "Св.Георгий", самостоятельно прибывшей в Архангельск из Италии. Этот блестящий, исключительный по условиям плавания переход лодкою малого водоизмещения в осеннее время, свыше 5000 миль, через целый ряд зон расположения германских подводных лодок, минных заграждений и т.п. наглядно доказывает, что офицерам и матросам, сплоченным взаимным уважением и преданным своему делу не страшны не только поставленные врагом всевозможные преграды, но и сама стихия. От души поздравляю весь личный состав лодки, во главе с её командиром старшим лейтенантом Ризничем, с благополучным приходом в Россию и выражаю свою искреннюю уверенность в том, что и в дальнейшей боевой службе сильный духом и тесно спаянный экипаж лодки ещё не раз окажет Родине ценные услуги, которыми она будет вправе также гордиться, как и настоящим, беспримерным в истории подводного плавания, переходом лодки малого водоизмещения из Италии в Архангельск. Морской Министр контр-адмирал Вердеревский". (РГА ВМФ, ф.249, оп.1, №108, стр.81)

"Приказ по флоту и Морскому Ведомству" в Петрограде 30 октября 1917 года №784.

Состояние войны в котором Россия находится, требует, независимо от тех, или иных политических распрей и борьбы, непрерывного снабжения флота всем необходимым, потому призываю всех чинов Министерства: 1- к интенсивной работе в установленные для того часы над порученным делом, 2- настоятельно указываю, что политические страсти должны быть сдерживаемые каждым служащим во имя вышеуказанной необходимости непрерывного обслуживания флота. Сгущение политической атмосферы требует особой выдержки, без наличия которой дело может развалиться и флот окажется в опасном положении. Морской Министр контр-адмирал Вердеревский". (107).

"Приказ по Морскому Ведомству, в Петрограде от 11 ноября 1917 года №802

В настоящей обстановке для меня не представляется возможным оставаться по посту Управляющего Морским министерством, т.к. продолжение исполнения мною связанных с сим обязанностей, могло бы быть ис-

толковано в том смысле, что я, как глава Ведомства, сочувствую тем мероприятиям на фронтах, кои приняты в целях скорейшего заключения мира. Я действительно являюсь горячим сторонником прекращения войны, но вместе с тем, убежден, что неисчислимые жертвы, принесенные русским народом в этой мировой войне – должны обеспечить ему достойное Великого Народа существование после войны, в условиях, гарантирующую его свободное развитие и всякие меры, направленные к такому миру я приветствую от всей души. Но то, что происходит ныне на фронтах, по моему убеждению, не несет в себе нужное России гарантии и скорее похоже на сдачу армии на милость победителю, чем на достойный, заслуженный этими армиями мир, закрывающий свободу и достоинство нашей Родины. Однако уходя со своего поста, по причине, следовательно, чисто морального порядка, я призываю всех чинов Морского министерства продолжать без перерыва свою работу, пока это фактически возможно, помятуя, что действующие флоты, раз война еще не закончена, должны получать снабжение. Передавая управление Министерством капитану 1 ранга Кукелю, я прошу всех чинов принять мою искреннюю признательность за совместную работу.

Контр-адмирал Вердеревский". (108).

2 ноября 1917 года приказом по армии и флоту №24 уволен от службы."

"Телеграмма. Ревель. Адмиралу Вердеревскому от 5 марта 1917 года, 17 часов 30 минут

Узнав о прошедшем свержении в Ревеле старого полицейского строя при участии Вашем, офицерского и командного состава, все офицерам Морского Генерального Штаба и Главного Морского Штаба со всеми кондукторами и матросами шлют горячий дружеский привет истинному патриоту гражданину адмиралу Вердеревскому, верному защитнику любви к нашей дорогой Родине, офицерству и друзьям нашим сознательным кондукторам и матросам. Да здравствует счастливая святая Россия, да здравствует свободный гражданин-воин и да закончится мировая война полной победой над неприятелем, поправившим счастье и свободу культурных народов Европы. Ура! Офицеры, кондуктора и матросы Морского Генерального Штаба и Главного Морского Штаба." (109).

"Телеграмма, К-2801 во Владивосток, Баку, Гонконг, Париж, Рим, Лондон, Архангельск

С особым подъёмом патриотизма был встречен переворот в Ревеле, где адмирал Вердеревский не промедляя ни минуты известил об этом нижних чинов и организовал выборы депутатов из них, двинул офицеров на встречу единения с командами, добился доверия к себе и офицерам. Генмор, граф, каперанг Капнист" (стр.175)

"Телеграмма. Петроград, Генмор, Председателю Государственной Думы

В виду предстоящего отъезда членов Гос.думы Евсеева и Манькова, оказавших всем неоценимую помощь, пламенно просим вас по совету Евсеева, для устройства жизни на новых началах, не откажите в приезде в Ревель в качестве комиссара депутата для более длительного пребывания в этой, важной морской крепости и базы флота. №2110, контр-адмиралы Пилкин и Вердеревский, вх.№2433, 6/3, 22.50." (стр.181)

"МВДВ Междуведомственную комиссию по обсуждению вопросов, канцелярия касающихся юбилея предстоящего в 1912 году Отечественной войны

СПб ДДС

18 мая 1911 года

№811

Канцелярия СПб Дворянского Депутатского Собрания имеет честь препроводить при сем, в междуведомственную комиссию поступившее на имя СПб Губернского Предводителя прошение потомственного дворянина Николая Дмитриевича Вердеревского об исходатайствовании ему, как сыну участника Отечественной войны, Высочайшей милости. Проситель к числу дворян СПб губернии, внесенных в Родословную Книгу не принадлежит, сведений же о принадлежности его к дворянству какой либо губернии, куда могли бы быть направлено его прошение, в распоряжении канцелярии СПб Дворянского Депутатского Собрания не имеется. Секретарь дворянства" (ЦГИА СПб, ф.536, оп.24, №8 "Дело о зачислении в список потомков – лиц, участвовавших в Отечественной войне", стр.2).

"МВДПотомственному дворянину Н.Д. Вердеревскому Канцелярия СПб ДДС

18 мая 1911 года

№812

Вследствие прошения Вашего на имя Его Светлости, СПб Губернского Предводителя Дворянства, канцелярия СПб ДДС, возвращает по распоряжению Его Светлости, предоставленные Вами поколенную роспись рода Вердеревских и приглашение Лужского уездного Предводителя дворянства на Уездное дворянское собрание 1895 года №565, имеет честь известить, что прошение об исходатайствовании Вас, как сыну участника Отечественной войны передано, по принадлежности в состоящую при Генеральном штабе Междуведомственной комиссии по обсуждению вопросов, касающихся предстоящего в 1912 году юбилея Отечественной войны." (стр.3).

На визитке Н.Д. Вердеревского написано: "Редактор хрестоматии советов по 10 отраслям хозяйства. Лиговская, 88, кв.14, телефон 148-82", и далее "просит СПб Губернского Предводителя Дворянства Светлейшего князя И.Н. Солтыкова помочь своим ходатайством перед господином министром финансов, или прямо и одновременно всеподданнейшим докладом от Депутатского Собрания Государю Императору о столь тяжёлом по-

ложении сына Дмитрия Петровича Вердеревского, Николая, так как отец его был серьёзным защитником России в 1812 году, а он – Николай всю свою жизнь отдал на общую пользу, за что и разорен до того, что должен просить милостыню, больному 70 лет от роду" (стр.4)

В "Деле о внесении отставного поручика Николая Дмитриевича Вердеревского в Дворянскую Родословную Книгу, начато 26 января 1881 года» отмечается: "В СПб ДДС. Состоя дворянином Тамбовской губернии Козловского уезда и владея недвижимым имением в Лужском уезде, я покорнейше прошу внести меня в Родословную Книгу дворян СПб губернии. Потомственный дворянин Н.Д. Вердеревский. (110). Жительство имею: станция Серебрянка, Вашавская ж/д." (стр.1). При прошении Н.Д. Вердеревский представил Грамоту: "Тамбовской губернии от Губернского Предводителя Дворянства и Уездных депутатов, собранных для составления Дворянской Родословной Книги, данная дворянину сыну подполковника и кавалера Дмитрия Петровича Вердеревского, Николаю Дмитриевичу Вердеревскому. Рассмотрев на основании Всемилостивейшее пожалованной от Его Императорского Величества в 1785 году 21 апреля дворянству Грамоты, предъявленные от него, Вердеревского о дворянском его достоинстве доказательства, признали оные согласным с предписанием на то правилам, вследствие коих по сим 82 статьи объявленной Грамоты, он и род его внесен в Дворянскую Родословную Книгу Тамбовской губернии, в 6 часть. Во свидетельстве чего мы, Губернский Предводитель дворянства и депутаты, во исполнение Его Императорского Величества соизволения, дали ему сию грамоту за подписанием нашим, утвердив оную печатью. Дворянское Собрание Тамбовской губернии 7 декабря 1854 года. Подлинную подписали: и.д. Тамбовской губернии Предводитель Дворянства князь Голицын и уездные делегаты дворянства и за скрепью за секретаря дворянства Мурашов, В книгу записан под №5." (стр.2)

Николай Дмитриевич Вердеревский 29 октября 1886 года пишет присяжному поверенному А.Е. Винтергальтеру: "Милостивый Государь Анатолий Егорович! Сим уполномочиваю Вас ходатайствовать о выдаче мне из Государственного Дворянского Земельного Банка ссуды, в размере не свыше 15 тысяч рублей серебром под залог недвижимого имения моего, состоящего в СПб губернии, Лужского уезда, стана, при Городецкой волости, под названием Между Озерье, и заключающееся в земле, в количестве 637 десятин 1999 сажений, каковое имение уполномочиваю Вас заполучить в оном банке ссуду в 15 тысяч рублей. Для сего предоставляю Вам право просить банк о выдаче означенной ссуды....Землевладелец, отставной поручик Н.Д. Вердеревский" (стр.8)

"В Морской кадетский корпус от коллежского советника Евгения Платоновича Вердеревского. Прошение. Желая определить на воспитание в младший класс Морского Корпуса сына моего Ивана, имею честь препроводить при сем копию метрического свидетельства о рождении и

крещении его и другие документы. Е.П. Вердеревский, делопроизводитель СПб конторы Гос.банка, коллежский советник. 28 февраля 1914 года. Литейной части, 2-го участка, СПб по ул.Жуковского, д.10, кв.7. "3 апреля 1914 года. Его Превосходительству господину инспектору классов Морского Корпуса. Канцелярия Морского Корпуса имеет честь препроводить при сем на рассмотрение Вашего Превосходительства 2 срочные ведомости за 7 и 8 классы об успехах и поведении ученика СПб 12 гимназии Ивана Вердеревского. И.об. Правителя канцелярии, капитан 1 ранга Коргуев" (стр.5).. "В МКК. В дополнение к поданному мною прошению о допущении в испытаниях сына моего Ивана, имею честь препроводить при сем свидетельство СПб Градоначальника за №11526 о благонадежности сына, требуемого правилам Морского Корпуса. 21 апреля 1914 года Е.П. Вердеревский" (стр.6). (111).

Директору Морского Кадетского Корпуса от коллежского советника Владимира Ивановича Вердеревского. Прошение. Желая определить на воспитание в 1 общий класс МКК сыновей Виктора и Андрея, я, нижеподписавшийся, имею честь препроводить при сем следующие документы: 1-две копии метрических свидетельств о рождении и крещении, 2-две фотокарточки, 3-послужной список мой. 18 июля 1913 года. Станция Чумляк Сибирской ж/д, село Щучье Сухоборской волости, Челябинского уезда.(112).

"Ваше Превосходительство! Господину Директору МКК от коллежского советника Владимира Ивановича Вердеревского. Прошение. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о зачислении обоих моих сыновей Виктора и Андрея в число воспитанников вверенного Вам Корпуса: первого- казеннокоштным, а второго своекоштным, в зависимости о полученных ими на испытаниях баллов и постановлением Педагогического Совета Корпуса. Всем обязанностям, правилам вверенного Вам заведения на родителей возлагаемым сим обязуюсь подчиниться. Село Щучье. 5 сентября 1913 года(113).

"В ГМШ, 4 января 1916 года Вдовы лейтенанта Евдокии Ивановны Вердеревской. Прошение

После смерти моего мужа, я осталась совершенно без всяких средств, пенсии мне назначили только 17 рублей в месяц. Пока имела силы работать, я работала. Труд мой очень тяжел, в качестве фельдшерницы- акушерки я плавала на разных пароходах Добровольного флота, на Дальний Восток, остров Сахалин и в Америку, с переселенцами и ссыльно- каторжными. На Дальний Восток 10 рейсов, а в Америку пять. Вследствие такого труда и штормов, я совсем потеряла здоровье, теперь уже ни к какому труду я не способна. Поэтому покорнейше прошу ГМШ назначить мне единовременное пособие на лечение и дальнейшее существование. Муж мой умер в 1891 году состоя на службе в Каспийской флотилии. Жительство: Васильевский остров, 7 линия, д.42, 1 коридор, комната 4

4 января 1916 года.

Положили: выдать вдове лейтенанта Евдокии Вердеревской на лечение 60 рублей. Муж её служил, а Морском Ведомстве с 1878 по 1891 год, в коем и умер на службе, одинокая, службы 13 лет, пенсия 209 рублей, время получения последнего пособия 20 апреля 1912 года 60 рублей, 12 марта 1914 года – 50 рублей из капитала фонда помощи нуждающимся в 100000 рублей" (114).

Рязанский историк А.О. Никитин в своей работе «Эпиграфические памятники XVII века в Стародидловском районе Рязанской области» описал нагробия М.Г. Вердеревской и С.Ф. Вердеревской, обнаруженных в деревне Гулынки в 2006 году, бывших на протяжении двух столетий владением Вердеревских. Гулынки на протяжении всего XVII века были вотчиной стольника Игнатия Глебовича Вердеревского, прапрадеда знаменитого мореплавателя, вице-адмирала В.С. Головнина (1776-1831). «27 августа 1800 года 29-летний Вукол Григорьевич Головнин женился на Екатерине Васильевне Вердеревской, дочери помещика сельца Зверева Пронского уезда В.П. Вердеревского. Так произошло вторичное породнение Головниных и Вердеревских». (115).

Вердеревский Евгений Александрович - писатель, начавший свою литературную деятельность в 1820-х годах. Написал: "Октавы", стихотворения (СПб, 1847); "Стихотворения первой молодости" (1857); "От Зауралья до Закавказья" (М., 1857); "Зурна, закавказский альманах" (Тифлис, 1857); "Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля семейств князя Орбеляни и князя Чавчавадзе" (СПб., 1856, и М., 1857). Вердеревский Николай - офицер Второго гренадерского полка, подпоручик. С января 1774 года он со своим полком находился в составе корпуса генерала П.М. Голицына, который, подавляя очаги повстанческого сопротивления, вел наступление от Казани к Оренбургу. Вердеревский участвовал в ряде боев и стычек, но особо отличился в битве 22 марта 1774 года у Татищевой крепости. Находясь в передовой штурмовой колонне, он одним из первых поднялся на стену крепости, но при этом был ранен. После излечения принимал участие в боевых операциях против повстанцев на Урале, в Прикамье и Поволжье. Вердеревский упомянут в "Летописи" П.И. Рычкова, опубликованной Пушкиным. (Пушкин. Т.IX. С.337; Рапорт генерал-майора П.М. Голицына генерал - поручику Ф.Ф. Щербатову от 14 апреля 1774 года об офицерах, отличившихся в битве у Татищевой крепости. (116).

Вукол Григорьевич Головнин (1773-1846) был женат на Екатерине Васильевне Вердеревской, и получил за неё приданое имение Красильники. В этом имении жили представители и дворянского рода Бахметевых, связанные родственными узами с Головниными и Вердеревскими.

Родословная Бахметевых так повествует о происхождении рода: "...К Великому Князю Василию Васильевичу Темному(1425-1462) пришли

служить, как показано в справке Разрядного архива, два царевича Касим и Егун Бахметы. И с ними же роду их именем Ослам Бахмет, по крещении названного Иеремией, со многими татарами. Потомки сего Ослама Бахметева служили Российскому Престолу стольниками, воеводами и в иных знатных чинах. (117). Второе упоминание фамилии Бахметевы относится к 7137/1629 году (118). Имя, собственное Бахмет, представляет собой русскую адаптацию сложного имени, состоящего из тюркского слова "бай" - богатый + "(А) һмет" - похвальный (араб.). Возможно, что русское "Бахмет" произошло непосредственно от тюркского "Маһмет---Миһаттад", "тисултан—басурман". Возможным источником может быть слово "бахмет" в значении "низкорослая, степная лошадь». (119). Дворяне Бахметевы писались трояким образом: Бахметевы, Бахметовы, Бахмиотовы, но имели общего предка-мурзу Арслана Магмета (Бохмета), выехавшего на службу к Великому Князю Василию Темному и принявшего христианство с именем Иеремия. У него были сыновья: Иван, Кузьма, Петр (Дунил). У Кузьмы были сын Константин, внук Дорофей, правнук Евтихий. От родоначальника в шестом колене, следовательно, был Ерофей Ефтихеевич, писавшийся Бахметевым (в конце XVI века), у Ивана Еремеевича был сын Никита Иванович. В родословную роспись не внесены: Михаил Михайлович Бахметев - воевода Грозного в полоцком походе, Юрий Юрьевич-дворянин московский, младший внук Ерофея, от 3-го сына его Юрия Ерофеевича, Арзамасского городского дворянина (1627-1629), упоминаемого еще при осаде Смоленска Владиславом (1634г), Андрей Петрович-воевода г.Кети (в Сибири) при Царе Федоре Алексеевиче, был правнук старшего сына Ерофея-Авраама Ерофеевича. А стольники Царей Иоанна и Петра, Иван и Дмитрий Ефремовичи, да Андрей, Степан и Юрий Ивановичи, приходившиеся внучатами 3-го сына Ерофея-Юрия (от 2-го сына его Ивана Юрьевича-стряпчего(1658-1668) и дворянина московского (1672г). Третий сын Юрия Ерофеевича-Никита-дворянин московский (+1658г) имел сыновей стольников: Амфилохия и Михаила. В XVII веке было 12 помещиков с фамилией Бахметевы. Отдельная ветвь, родоначальником которой в 1629г был Василий Михайлович Бахметев и имеет отдельный герб. (120). Другой герб (121) носит достойный представитель-сенатор при Императрице Елизавете, генерал-поручик Иван Иванович Бахметев, женатый на графине Анне Андреевне Толстой-сын стольника Ивана Ефремовича Бахметева. Старший сын Ефрема Юрьевича - стольника (из стряпчих, 1658г), умер в 1669 году. У него было 2 сына: Григорий и Николай Ивановича. У Григория было 2 сына: Николай и Дмитрий Григорьевичи, на которых и прекратился род. От внука Юрия Ивановича-Николая Ивановича, женатого на Наталье Ивановне Масловой, родились три сына: Николай - генерал-лейтенант, Петр и Алексей-генерал от инфантерии, член Государственного Совета (1774-1841), генерал-губернатор Нижегородский, Казанский, Пензенский и Симбирский. Дмит-

рий Иванович Маслов, дальний родственник Головниных, после смерти родителей в 1785 году будущего прославленного вице-адмирала В.М. Головнина (1776-1831) стал опекуном этого семейства и отвез Василия в Санкт-Петербург для зачисления в Морской кадетский Корпус в 1786 году.

Сын Алексей Бахметева, от второго брака этого лица, с княжной Нитальей Готфридовной Четвертинской-Николай Алексеевич (р.1833г) 28 октября 1856 года был возведен в графское достоинство с именем Протасова-Бахметева. Сестра его (от первого брака отца с графиней Викторией Октавиевной Шуазель-Гуфье, +1826г - Варвара Алексеевна была замужем за Валерианом Григорьевичем Столыпиным. Продолжение рода графа Протасова к Николаю Алексеевичу Бахметеву перешло как к ближайшему, с женской стороны, родственнику, потому что брат его деда, Алексей Иванович Бахметев, кроме 4 сыновей, имел 2 дочери, из которых младшая, Варвара Алексеевна, вышла замуж за д.т.советника Александра Яковлевича Протасова, была матерью графа Николай Александровича Протасова, умершего бездетным. Дочь родного брата Варвары Алексеевны Протасовой-Агафокля Николаевна Бахметева, была за заместителем Царства Польского, князем Михаилом Дмитриевичем Горчаковым. (122). Представитель древнего рода Бахметевых – генерал Алексей Николаевич Бахметев отличился и был тяжело ранен в Бородинском сражении. Князь Петр Андреевич Вяземский, служил под началом генерала Бахметева в Московском ополчении и о Бородинском сражении написал свои воспоминания и в стихотворной форме "Поминки по Бородинской битве (123): "...Милорадович ввел в дело дивизию А.Н. Бахметева, находящуюся под его командою. Под Бахметевым была убита лошадь, он сел на другую. Спустя несколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упав на землю, зашипело, завертелось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметеве. С трудом уложили мы его на мой плащ и с несколькими рядовыми понесли его поодаль от огня. Но и тут, путем, сопроводили нас ядра, которые падали направо налево, перед нами и позади нас. Жестоко страда от раны, генерал изъявил желание, чтобы меткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до места перевязки. Этот тот самый Бахметев, при котором Батюшков находился адъютантом. Но, кажется, Бахметев, лишившись ноги, уже не возвращался в армию, он из Нижнего Новгорода, где лежал больной, и где также находился Батюшков, отправил его к генералу Раевскому, при котором Батюшков был в походе до самого Парижа." (124).

В церковной книге Рязанской губернии за 1890г указано: "в селе Красильники Сергиевская церковь- первоначальное построение Сергиевской каменной церкви относится к 1688 году. Строителем её считают того же села помещика Федора Григорьевича Вердеревского. В 1797 году согласно просьбе помещика Бахметева, в алтаре Сергиевской церкви дозволено бы-

ло возобновить пол, а в 1818 году тот же Бахметев просил освятить два вновь устроенные при церкви придела: Никольский и Александровский. В приходе, состоящем из одного села, при 106 дворах числится мужского пола 409, женского пола 389 человек». После окончания русско-японской войны 1904-1905 года, местные жители вспоминали, что в эти годы в фамильном склепе "Головниных - Бахметевых - Вердеревских" при Сергиевской церкви села Красильники, были торжественные похороны моряка, погибшего на Дальнем Востоке. В РГА ВМФ находится дело: "Справка в Ютдел ГМШ. Военно-морской ученый отдел препровождает при сем для сведения копию, присланной при записке МИД на имя Морского Министра от 12 августа 1905г № 4405, телеграммы д.ст.сов. Павлова от 9 августа касательно парохода "Мюнхен" вышедшего 9 августа из Шанхая с Артурской больницей Красного Креста и гробами: Т.С.Лессара, генерала Кондратенко и капитана 2 ранга Бахметева. Делопроизводитель, штабс-капитан 16 августа 1905г по ВМУ от ГМШ Алупка, Симеиз, собственный дом".(125).

Боря вздумал устроить потеху, утроили ловли лисьего хвоста, прицепленного к плечу его, он был верхом на лошади, а Вердеревский и Алеша должны были сорвать с него, так называемую «лисичку» с плеча, тоже, будучи верхом. Довольно долго шла эта ловля, с Бори никто не сорвал, а игра окончилась неблагоприятно для Вердеревского. Он слетел с лошади, и порядком расшиб себе ногу, и оцарапал руку. Сгоряча продолжал все-таки, разные спорты изображать. С вечерним поездом приехал Сережа (сын), такой радостный, что перешел в гардемаринский класс с хорошими отметками, по кругу у него 10 с слишком баллов. Я и старик мой были очень обрадованы его приездом и хорошими вестями. Жаль только на короткий срок у нас Сережа, только на 6 дней. 9-го числа уйдет в плавание, кажется в Швецию на это лето. Получила телеграмму от американки Марианны Фель, в этом месяце будет в Красильниках. Как она ждет с нетерпением приезда своего к нам! Мы тоже рады, что она будет гостить, Эли веселее и совершенно новый человек, с новыми воззрениями. В сентябре предполагается кустарная выставка в Рязани, я хочу тоже выставить свои изделия и две бабы кончают работу которая будет на выставке. Вчера все прибыли к нам и была садка на волка. Волка пустили в лес Ярцево, спустя несколько минут и гончих забросили в лес, но волк повернулся и помчался в Красильники, за ним борзятники и уже догнали его в самом селе у церкви на деревенском пруду. За ним собаки и прекуръезная картина. Черкес Ахмет, верхом на лошади, залез с лошадьёю в пруд и выгнал волка на берег, где Боря и застрелил его. Народу собралась масса, так это интересное зрелище всем доставило удовольствие. Вечером уехал Вердеревский, прихрамывая на расшибленную ногу. Играли в карты, беседовали и слушали интересные истории Коли Короткого. С Сережей вместе в поезде ехали Коля (наш с женой и ребенком), наконец-то удалось Коле водворить свою семью

в свой дом на хуторе! Сегодня уехал Короткий, один Алеша Смольянинов здесь.

8 мая

Сегодня день рождения Бори и Аши, Боре исполнилось 30 лет, Аше – 29 лет, незаметно и дети подвигаются к средним годам, так время летит, в особенности оно заметно на детях. Через три года Сережа уже мичман, теперь перешел в гардемаринскую роту, и уже в ноябре будет присягу принимать. Только 6 дней ему пришлось пробыть дома, уехал 7-го вечером, а 11-го числа уже уходил в плавание на «Минине». Очень недоволен, что на флагманском корабле начальство его не симпатичное, и придется быть достаточно у него на виду. «Минин» постройки 1879 года, старая калоша, невольно как-то беспокоишься, после нам все рассказывал Сережа. Бош не без милости, неужели не сохранит нам второго сына моряка! Как мне грустно эти дни, походит роковое число 15 мая, гибель «Князя Суворова» с моим Митюком! Очень досадно, и еще более досадно, что не удастся мне быть теперь в Питере. После Цусимского боя я оба раза была на торжественных панихидах, а в этот год не смогу. Нарочно ехать безрассудно, а уважительной причины нет, как выпуск чей-либо, как в прошлые года. Митю я никогда не забуду и радуюсь, что в лице Сережи еще больше мне напоминает о себе. Может быть, и Сергей мой будет хорошим офицером, в Корпусе им довольны, и считают умным мальчиком, интересующимся своим морским делом. Вчера вернулась Аша из Царицына. К ней семья Черкасовых очень сердечно отнеслась, даже старик был рад её приезду. Сестры обе замуж выходят, и в их доме грусть сменилась на радость. Коля мне пишет, что счастлив, что семья его опять с ним, но все отравляет не любовь его жены к «Отраде». Никаких доводов не принимает, уговаривает, во что бы то ни стало продать имение и бросить службу Земского начальника, не хочет даже считаться с тем, что в виду другой службы нет. Родители её тоже на этом настаивают, и Коля нам всем очень жаль. Не знаю, сможет ли он выдержать характер, и не делать такого абсурда, продать имение и уйти со службы. В доме у нас опять мазня и ремонт, пока еще верх отделывают, красят и белят потолки, но и вниз скоро маляры сойдут, и опять начнется кочевание из одной комнаты в другую. Все комнаты у нас заняты, даже лакея и горничных выселила в проходящие комнаты по случаю приезда Американки, которую ждем в 20-х числах мая. Какая ужаснейшая весна, холод и ежедневно дождь. Начала устраивать цветники перед домом, и все мешает дождь, который льет как из ведра!

17 мая

Все эти дни я так занята была, что пера в руки не брала, письма не писала, что случается со мной очень редко, это уже означает недостаток времени! Работа в саду много времени отнимала, шила кое-что себе и детям, маляры постоянно открывают меня различными вопросами. Теперь в саду все окончено, так же в маленьком моем огорожке, думаю, что будет красиво,

когда все примется расти, и цветы зацветут! Маляры кончили отделявать весь верх, предстоит еще работа и грязь на нижнем этаже. Пришлось съездить в Рязань за разными покупками и сладостями для шоколада, который подается 21 мая, день Ангела Эли и моего. Кокоша тоже именинник, конечно, он не приедет, его Любовь к нам уже более года не пускает. Завтра три именинницы у нас: Кавочка, Аша и Юлия Ивановна. Стали частенько и покойники в нашем родстве: скончалась сестра мужа Екатерина Дмитриевна Баркова. Все старость, все ближе к смерти, не мудрено, что умирают люди, которым под 70 лет. Моя любимица Анна Дмитриевна Короткая, тоже одна из кандидаток на тот свет, стала слаба и заговаривается. 15 мая была годовщина (три года) после Цусимского боя! Как грустно и тяжело вспоминать об этом ужасе, и как грустно мне бывает на душе, когда приближаются числа 15 мая! Кажется, никогда не забуду своего дорого Митю, так живо его вижу перед собой, голос слышу его, точно вчера виделись с ним. После заупокойной обедни, расстроилась окончательно! Лёличка Вульф приезжал на три дня, и сегодня уехал. До сих пор еще воркуют как голубки, не расстаются ни на минуту. Татуша очень скучает, когда его проводила, жалко смотреть на её грустное лицо. Молодые Супруны все мечутся, окончательно решили опять вернуться в Рязань, Иван Георгиевич старается устроиться на свою прежнюю должность. Бросили Рязань и все находящееся в Рязани, а теперь стремятся вернуться! Непонятные люди, никакого устоя, про них можно сказать: «семь пятниц на неделе!» Никогда не придаю значения их планам, они у них меняются по несколько раз в день. С сентября 1907 года они успели пожить два раза в Одессе, в Питере, и опять вторично в Рязани. Откуда уезжают, прощаются ненадолго, но очень скоро возвращаются. Как будут жить и где, когда будет ребенок, никто того не ведает, а они, я уверена, что еще меньше всех знают! Сегодня получила от Сергея письмо из Кронштадта, недоволен, что то плаванием. На учебном судне «Минин» плавают с адмиралом, близость начальства не по вкусу, ворчит, что тесно размещены, вместо 40 человек, которым полагается помещение, их туда посадили все 80. Опять палубу мыть за недостатком команды. Все это вместе взятое ему не нравится, ничего нового не представляет. Миша пока экзамены сдает, осталось еще два и 21 мая приедет на летнюю вакацию. Ксеничку ждем из Смольного 26-го числа. С каким она ждет нетерпением приезда домой! Мой старик эти дни такой раздражительный! Что с ним не знаю, всегда был нетерпимым, а эти жни совсем нервный и кричит из-за пустяков, все его сердит что-то! Я так и сядь, никак не подлажу! Когда муж не в духе, всегда во всем жена виновата, это аксиома. Всегда зло срывается на близких людях! Когда я не в духе, признаюсь, что также поступаю! Свои люди, сочтемся!

Геннадий Федорович Карпов (1839-) был женат на дочери потомственного дворянина – девице Анне Тимофеевне Морозовой и имел от неё детей: Тимофея, Федора, Александра, Николая, Георгия, Елену, Анну, Наталью,

Алевтину, Марию, Клавдию, Геннадия, Ольгу, Зинаиду, Варвару. После защиты диссертации на тему: «История борьбы Московского Государства с Польско-Литовским в 1462-1508 годах», Геннадий Карпов определением Университетского совета 11 марта 1867 года был утвержден в степени магистра русской истории, и в том же году утвержден доцентом Харьковского Университета. По представлении и публичной защите в историко-филологическом факультете диссертации «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время 1654 – 1672 годов», был утвержден в степени доктора русской истории 19 сентября 1870 года. В 1877 году был произведен в статские советники, а в 1883 году в действительные статские советники. Борис Сергеевич Головнин (1878-1920), помещик села Красильники, был женат на Клавдии Геннадиевне Карповой (1882-1976), племяннице знаменитого русского фабриканта и мецената Саввы Тимофеевича Морозова, занимался разведением породистых лошадей, погиб в войсках генерала Каппеля и Колчака около города Читы.

Родная сестра Клавдии Геннадиевны Головниной (Карповой) – Наталья Геннадиевна Карпова была замужем за академиком истории Николаем Петровичем Лихачевым и имела детей: Сергея, Анну, Геннадия, Наталью, Клавдию, Марию, Ивана, Петра, Алексея. Потомки Морозовых и Лихачевых здравствуют и поныне.

Родословная Бориса Сергеевича Головнина, жена- Клавдия Геннадиевна Карпова

№1 Варвара (1905-1989), муж-Вильям Шукман, дети: №1/1 Вера (1924, муж – Геральт Вейт, их дети:

№1/1/1 Кристофор, №1/1/2 Виктория, 1/1/3 Михаил

№2 Дмитрий (1907-1942), ж-Ванде Карловна Тальберг (1916-2002), сын:

№2/1 Олег (1941, жена-Светлана Ильинична Маршова (1941, дети: №2/1/1 Наталья (1966, сын №2/1/1/1 Илья (1995, №2/1/2 Дмитрий (1971

№3 Милица (1910-2000), муж-Глеб Семенович Зеленой (1904-1974), дети:

№3/1 Глеб (1931, жена-Патриция Бимс (1938-), дети: №3/1/1 Анна (1959-),

№3/1/2 Джон (1960, № 3/1/3 Девид (1960, №3/1/4 Елизавета (1961, №3/1/5

Джюльетта (1962, дети: №3/1/5/1 Бриттани (1990, №3/1/5/2 Николай,

№3/1/6 Вивьен (1964-1985).

№4 Глеб (1912-1922)

№5 Елена (1914-), дети: №5/1 Елизавета (1931, муж-Ларри Эванс, дети:

№5/1/1 Стив (1957, №5/1/2 Чарльс (1959, №5/2 Борис (1933

24 мая

Как трудно управлять большой семьёй, и еще труднее, когда все взрослые женаты и замужем, и съезжаются все вместе к нам в Красильники. Большое это удовольствие для меня и мужа, но тем не менее всегда надо быть на стороже, что может выйти какое-нибудь недоразумение, обида из-за

ревности. Со всеми я равна, но детям кажется, что я кого-нибудь больше обеляю вниманием. Всю дипломатию и такт, какой есть, у меня приходится в ход пускать. Женский персонал у нас превышает, а раз это так, то случается, сболтнет кто-нибудь лишнее, и бывают неприятности, которые всегда приходится мне улаживать и успокаивать ту, которая считает себя обиженной. Смешно все это! У молодых мамаш соревнование из-за детей, кто лучше! Одна обиделась, что у её ребенка нашла другая мамаша сходство с Дунькой, а другая сказала, что ребенок её похож с Дашкой! Вот и началась обида! Пошли колкости и косые взгляды, пока я не вступлюсь и разубежу, что ни тот, ни другой, сходства не имеют с деревенскими девками Дунькой и Дашкой, но не так-то скоро они сойдутся и успокоятся! Аша за недостатком места у нас, помещается с детьми в старом доме у Бориса с Кавочкой. Ей больше всех приходится терпеть сплетни, несмотря на все её деликатное отношение к хозяевам, которых она стесняет своим присутствием. Или она в своей комнате, или у нас, а дети постоянно в саду. Кавочка очень недовольна, что троица поселились у неё в доме, не стесняясь, всем это говорит, кроме меня, я делаю вид, что ничего не знаю. Прислуга у неё женская и Кавочка не прочь прослушивать всякий вздор, который доносит няня Ашина. Тоже иногда что-нибудь сболтнет своей барыни, и Аша частенько бежит в слезах ко мне излить душу. Боря очень мил и внимателен к ней, вполне входит в её положение и очень рад, что мог ей оказать внимание своим гостеприимством. Мама, Татуша не скрывают от меня, что слышат об Аше, и опять приходится мне кого-то ругнуть за болтовню, кого утешить, не теряя хороших отношений с Кавой, ради Бори конечно. Мой им совет, не придавать значения, и не обращать внимания на все обиды и прочие разговоры. Кавочка очень не гостеприимна, и не любезная хозяйка, не любит когда кто-нибудь к ним приезжает, и нарушает их тет-а-тет с Бобочкой! На свои именины никого не пригласила, нас только на шоколад, и то мы скорее ушли, чтобы не быть в тягость ей, а она еще вдобавок в интересном положении. В день Ангела моего и Эли, 21-го числа, были Смольяниновы, и Коля с Лиличкой, весь день у нас пробыли, и время провели семейно, без затей, разве только вечером фейерверк запускали. Погода холодная была. Получила много телеграмм и поздравительных писем, кроме Сережи, который никогда не помнит ни чьих табельных дней. Вчера устраивала кабинет Сережи-старика, который уже совсем отделан. Как приятно, что работа в доме близится к концу, осталась отделка одной столовой. Миша приехал 21-го утром ко дню моего Ангела, сделал мне прекрасный подарок – перешел в 6-й класс. Его соревнование с Сережей ему на пользу послужило. Сегодня получили телеграмму, что американка, столь нами желанная, приезжает вечерним поездом и еще её письмо, в котором пишет, что не дождется того часа, как быть в Красильниках!

27 мая

Какая милая, молодая девушка Марианна Фелль, та самая американка, ко-

торуую мы ожидали к себе. Сколько в ней простоты, серьезной простоты, так развита, естественна и воспитана. Я еще никогда не видела такой русской барышни. Никакого хвастовства, жеманства нет, а главное, фальшивого самолюбия. Днем она все осматривает, интересуется крестьянским бытом, читает и пишет с Элей под диктовку по-русски, рисует с натуры различные виды, всегда занята каким-нибудь интересным для себя делом. Я радуюсь, что Эли такая хорошая компания на лето, хорошо бы она от неё переняла много для себя на пользу. У Эли нисколько не меняется характер к лучшему, я нахожу, что её строптивость, невнимание и холодность в обращении с нами, родителями, все более укореняется. Как все это не грустно, а надо сознаться, что это верно, а не то что кажется. 25-го вечерним поездом Ксеничка приехала, она теперь уже перешла в 5 класс, и именуется «голубой институткой». Радость её приезда в дом омрачилась болезнью Юлии Ивановны. Она заплакала, увидав её в постели. У Юлии Ивановны плеврит, сегодня Казанский был и прописал ей компресс и лекарства. Все хозяйничают понемногу, без Юлии Ивановны больше всех хлопочет Верочка, мадмуазель разливает чай, но Эля, как гость, ни во что не входит, сколько я не говорю, и махнула рукой! Вообще Эля только из дома глядит, как бы поехать куда, или замуж выйти! С Богом её благословим за выбранного человека, но не поздравляю мужа с такой женой, если только она не переменится, и не изменит свой противный характер. Вчера была гроза с проливным дождем, так все посвежело и стало расти. Дождя давно не было, теперь вся природа ожила. Я конечно, старалась какой-нибудь темный уголок найти, чтобы не видеть молний, в этом доме нет комнат без окон, даже коридор светлый, никак не найду себе укромного уголка на время грозы, которую я так боюсь! В старом доме я всегда удалялась в коридор, дверьми затворялась и лампу зажигала. В новом доме то преимущество, что гром не так слышен, вследствие двойных рам. Я глупею во время грозы, задаю глупые вопросы, за которых потом, когда все утихнет, советно делается, точно я дурочка! К нашему бабьему полку все еще прибывает: скоро у нас будет гостить Вера Рагозина и может быть, еще приедет Серафима с детьми, но где и у кого она остановится в Красильниках, это еще не решено!

1 июня

Сегодня Троицын день, у нас престольный праздник завтра, а сегодня в селе Троицы – Пеленицы. Опять пьянство на всю неделю! Карусель не привезли, как в прошлые годы, что очень жаль. Погода не июньская, очень свежо и дождь идет более недели. Дня два как приехала Вера Рагозина с Марусей, моей внучкой – дочкой Серафимы.

2 июня

Вчера вечером все были в музыкальном настроении, играли на балалайках: Миша, Марианна, а на мандолине Аша, я им аккомпанировала на рояле.

Сыгрались мы не дурно. Были у нас Боря с Кавочкой. Вера Рагозина пела свои французские шансонетки! Захотелось нам всем повторить этот концерт при компанейских Смольяниновых. Я надоумила Бориса послать к Алеше Смольянинову верхового с приглашением. Сейчас же все стали составлять заманчивую программу концерта, и рано утром черкеса Ахмета послали верхом. К семи часам подкатил Юрочка с Лиличкой (женой Коли), а верхами прискакали, Алеша с Колей. Последний встретился с Лиличкой случайно, потому что были у Алеши. Концерт при званых гостях также был, как и накануне, мои артисты не смущались, и еще более интересно получилось. Эля нарядилась в свой боярский костюм, русскую прошлась, а Вера Рагозина до хрипоты распелась. Поздно разошлись, в два часа ночи, еще беготню в саду устроила молодежь пред сном.

3 июня

Сегодня утром уехал мой старик в Москву на несколько дней, Аша тоже, её вызвали телеграммой Нюра Черкасова для подбора себе приданного. Гости наши уехали в два приема. После дневного чай, настояла Лиличка растрогать компанию, и с Юрочкой уехала в 4 часа, несмотря на уговоры всех. Бедному Коли она даже сочла нужным не отвечать на его вопросы, почему бы не остаться обедать, она два ответа дала: «передай мне сахар», и еще «положи мне светлого варенья». Обозлилась супруга, и ротик свой злобно скривила! Бедный Колюшка, как он боится свою прелестную Лиличку! Алеша с Колей уехали опять верхом после обеда.

5 июня

Мужики все еще празднуют, резвятся и подбодряют себя водочкой и Богу помолясь, учиняют игральные карты, но игра эта, как кому, кто не вредный, а кому и в шею ножом пырнут! Это все так невинно, ведь народ не цивилизованный, палка забыта, но не забывается мордобитие свое родное! Без него скучно и праздник не праздник! Учением их не забавишь, они все уже перечитали на фабриках, гуманные агитаторы давно их уже развили. В деревнях есть еще смиренно отсталые крестьяне, которых фабричные приезжие молодые люди учат уму разуму, и морально, и физически, в особенности не стесняясь. Сегодня мы все были порядочно напуганы толпой этих развитых людей. В усадьбу пришли мужики сопровождаемые кучей ребятишек, и конечно баб с грудными детьми как всегда и во всех случаях. Я была на балконе и слышала, как двигалась эта орава пьяная и отдельные слова доносились: «разве мы боимся его! Покажем Борису, давай его сюда» и все с прибавками их мелодичными эпитетами. Остались мы один женщины в обоих домах, только один Миша на дворе, окруженный любезностями! На кого не взглянешь, все бледные и мы сами такие же. Мы настроились, что сейчас камни полетят и разобьют стекла, галдеж страшный! Кавочка одна у себя и страшно боялась за Борю. Минут через 15-ть подъехал Боря тихо к крыльцу, слез, вошел к себе, и толпа тотчас же ушла, но один все-таки запустил камень в стену старого дома. Нас поразило и от-

части успокоило такое неожиданное исчезновение этой неугомонной публики. Причина всему этому следующая: Боря с балкона увидел, что два мальчишек нарочно перегоняли табун своих лошадей через наши луга и сидели на границе своих лугов, чтобы лошади не переходили на их луга, и кормились на наших. Борю это очень взволновало, велел оседлать своего «Акбулака» и поехал. Ребята согнали лошадей, но один мальчишка надерзил Борису, и стал выговаривать своему товарищу, зачем он согнал лошадей с наших лугов. Боря погорячился, и ударил раза три мальчишку арапником. Мужики увидели все это с линии железной дороги, и пошли навстречу Борису. Поравнявшись с ним, после нескольких грубых выражений, намеревались лошадь под узды взять, но это не удалось, Борис нарочно разгорячил своего верхового, и не спеша расстался с мужиками. Очевидно, мужики желали его подкараулить на селе, но Боря тоже их обманул, и поехал другой дорогой, а они все нагрянули на усадьбу, воображая, что его здесь спрятали. Поэтому, будучи поражены, они все-таки удалились, грозя, что камня на камне не оставят от усадьбы. Боря весь свой арсенал приготовил на военное положение, и оба черкеса Ахмет и Омар усердно ходили ночью по усадьбе. Миша в сапог засунул кинжал, и также с черкесами до 12 часов ходит, но не выдержал, разоружился, и сейчас пошел спать. Хотят подавать в суд на Борю, а мальчишку в Спасск отправить на освидетельствование к доктору Казанскому!

12 июня

За забастовку, которую хотели учинить мужики Бори, кажется, достанется зачинщикам административным порядком, и засадят их по распоряжению Губернатора надолго. Сергей Дмитриевич специально по этому вопросу ездил в Рязань, составили протокол становым приставом, не совсем точный. Задержка развязки этого дела в переделки протокола, куда надо внести показания урядника. Мужики хватились, и стали всячески заискивать, чтобы Боря допустил их просить прощения у него. Эти все дни, кто только мог и обладать умением рисовать, красить, работали в столовой, которую отделили в старинном русском стиле. Боря торжественно на одной стене изобразил «Царя Додона» из сказки «Золотой Петушок! Очень удачно нарисовал и украшает комнату. Миша лобзиком выпиливает украшения для карнизов на окна, которые будут раскрашиваться Элей и Марианной Фелль. Перила на лестнице и колонны они уже раскрасили очень хорошо. Вера Рагозина и Марианна Фелль снимали рисунки, я вырезала из бумаги рисунки для столяра, который их прибивал к колонне. Должно получиться очень хорошо и стильно, было бы обидно, если не удалось бы, сколько положено труда. Занавески на окна я давно позаботилась выткать в русском виде, с пестрыми каймами полотенцев. Мне так нравится наш дом, с такой любовью и удовольствием украшаю его и вокруг. Свой маленький огорожок, ягодник, цветник – все меня радует. Я даже иногда побаиваюсь очень радоваться, из страха чего-либо. В прошлом году пожар, который не могу

забыть, а затем наши года, мои и Сережи приближаются более к смерти, чем радоваться и веселиться. На все Воля Господня!

24 июня

Давно не писала, все некогда было! Особых дел серьёзных уже не было. Маляры и столяр часто меня отзывают из-за отделки столовой, показать цвет краски, или узор им другой дать. В это время, как я уже писала, всем была работа, кто, что умел сделать для украшения нашей русско-стильной столовой, то и делал! Вчера все окончено, сохнет, но не скоро можно будет войти в столовую, если дожди не перестанут. До того залили дожди, реки вышли из берегов как в полую воду, паромы не ходят, только лодки. Купальня наша очутилась на середине озера и вся связана веревками, чтобы её не могло унести со своего места. Земля не просыхает, для растительности только благодать, большие побеги дали деревья. Овощи, ягоды и все запоздало на месяц по случаю весенних холодов и сильных дождей. Цветники очень плачевно выглядят. Была в Рязани специально снимать детей на фотографию. Снимались много: Эля с Ксеничкой боярышнями в костюмах боярских. Эля с Марианной бабами в понёвах, Верочка с Ксеничкой тоже снимались в обыкновенных платьях. Пробыли два дня. Смешно было смотреть на Верочку, которая еще ни разу из Красильников не выезжала и по железной дороге никогда не ездила. Все её удивляло и забавляло. Более всего впечатление на неё произвела поездка на поезде, и чтобы видели дети её посадку в поезд. Вернувшись из Рязани, я сварила в первый раз в этом доме клубничное варенье, ягоды привезла из Рязани, и то не местное, а привозное, настолько все запоздало в этом году. Из Рязани приехал с нами Вердеревский, пробыл два дня. Нечаянно прошел у нас один плясовой вечер, очень оригинальный, и мы весело и много смеялись. Заставили обоих черкесов наших проплясать лезгинку под граммофон, затем после этого национального танца, Эля и Марианна плясали русскую, наряженные бабами. Учили Марианну плясать и некоторые прибабаски приговаривать. Смешно было видеть Марианну, как она старалась, скорее, трудилась изо всех сил плясать, и подражать плясу Эли. Так это выходило смешно и покорно с её стороны. Я полюбила Марианну как близкую родную, такой милой барышни не встречала и видно, никогда не встречу! Такая простота, и характер чудный! Я думаю, что только леса Флориды могут вырастить такую прекрасную натуру! Счастлив тот, кто будет её мужем и жалею, что нет у меня своего жениха в доме для неё. Ждем приезда её матери, а позже и её брата 12-ти лет. Завтра приезжают в Рязань, путешественники из Финляндии, наши Супруны. Будут вскоре у нас, я очень рада их повидать и узнать, как они хотят устроиться. Сегодня «Иван Купала», купаться негде, несмотря, что воды везде много, но купальня далеко и залита холодной водой. Вчера перед сном, наши барышни, Марианна и Эля, пошли в поле с фонарем, набрали разных трав и положили каждая себе под подушку, чтобы увидеть суженного во сне. Ничего не видели! Второй день Анна Тимо-

феевна у Бори с Кавочкой, все такая же приветливая и внимательная, детям навезла игрушек, нам разных сластей. Опять замечу, что от того, что сплошное одиночество дамское у нас в старом доме, часто выходят неудовольствия и споры из-за сущих пустяков, которые приходится улаживать мне. Татуша раздражительна из-за беременности, Эля со своим неровным характером не наладила с Татушей отношения из-за какой-то ерунды и давно друг с другом не разговаривают. Татуша с Ашей часто спорят, и это мне омрачает лето, которое я всегда так жду из-за сбора всех гостей, как я их называю. Трудно ладить, а главное улаживать всех. Я чувствую, что нервы немного у меня расшатались, иногда плачу без всякой причины. Устаивать мне не с чего, хозяйство небольшое в настоящее время. 27-го числа приедет Леличка Вульф на 17 дней, наверное, Татуша будет более покойна с ним.

12 июня

Почти месяц не открываю эту тетрадь, а много нужно записать, но не решаюсь всего описать, что произошло за это время. Одно только могу сказать, что я прямо-таки устала от всех сплетен, которые дошли до невозможных размеров. Многое я не ожидала, и даже не воображала никогда. До того все перессорились, что даже до грязи дошли! В прошлом году мы жили все в тесноте, и ничего подобного не было, а это лето ужасно беспокойное по случаю сплетен. Во что значит Бабые Царство! Мне вдвойне больно и неприятно, что приходится сплетницей назвать Ашу, она очень любит выслушивать свою няньку Любу, все её рассказы, и не удерживается всем сообщить эти новости по секрету. С предубеждением относится к одному лицу, и все, чтобы не сказалось, не сделалось, во всем видит очень некрасивую подкладку. В общем, она даже повлияла на Элю в дурную сторону по отношению ко мне и отцу. Эля окончательно замолкла и я не помню, когда с ней разговаривала последний раз. Аша всегда была эгоистична и бессердечна, теперь все более это проявляется и многое не симпатичное в ней открывается. Человек, который всегда жил под влиянием моим, будучи барышней, и позже под влиянием своего мужа. Самостоятельность её, не в её пользу, как она овдовела, она скоро забылась от своей тяжкой потери, её более всего удручает недостаток прежних средств, пустоты масса в ней! Самообольщение громадное в ней, и вечное какое-то самохвастовство! Поехала гостить к Коли на хутор, так еще наплетет, пожалуй, чего-нибудь. У Бори гостила семья полковника, вчера они уехали, их вынудила уехать, по-видимому, тоже сплетни, которыми усердно занимается няня Кавочки, а та её выслушивает и верит ей, что она не наплетет. Никогда еще не приходилось мне жить в кругу таких скверных дрызг. Радовалась собрать на лето больше детей к себе, и вот какое удовольствие получила и спокойствие! Судьба нас разлучит на время с общением со старым домом. У Верочки и Алика корь, значит, карантин, и мы не видимся. С 8-го июня дети заболели, опасаясь за Ксеничку, у которой еще не было

кори. Маша у нас, на несколько дней приезжала одна, Иван Георгиевич нервами расстроился, многое он пережил за последнее время, смерть отца и хлопоты, которые прежде его не касались. Завтра Маша уезжает опять к себе в Рязань, где они сняли квартиру и устраиваются. Рада за них, что наконец заживут свои домом, но надолго ли, Бош знает, все-таки Иван Георгиевич большой непоседа и везде ему скоро все надоедает. Был Лёличка, пробыл только неделю, так как с 19-го июля уезжает в отпуск до 1-го сентября. Татуша очень утомляется с болезнью Алика, раздражается, все это вследствие своего положения, которое подходит к концу. Машин приезд нас очень рассеял, отвлек от всех разговоров и наговоров, Аши уже нет, может быть прекратиться понемногу, все, что было за это время, дай то Бог! Решительных мер я не предпринимаю, чтобы это не афишировать, и больше не раздувать сплетен, само собой все уладиться, иначе, пожалуй, и вражда зайдет между нами, чего я очень боюсь, и не желаю. Моя мечта, чтобы все дети дружно жили, но в такой большой семье довольно трудно удержать дружбу между всеми, разная жизнь, разные взгляды у каждого. Если ссорятся, не будут, то и, Слава Богу! Вчера мадмуазель повезла Марусю к Серафиме, отослала её по случаю кори. У Алеши Смольянинова родился третий сын, он недоволен, ему страшно хотелось девочку. 10-го были парадные и веселые крестины, наша молодежь вся была у них. Настроение у меня неважное, прекращаю писать, пожалуй, под впечатлением плохого настроения, много излишнего напишу, может быть и незаслуженного. Я всегда избегаю под впечатлением излагать свои мысли пером, так что пишем никогда в такое время не пишу, дневник тоже не хочу испортить! Бог даст, все уладится, надутых физиономий не будет и все суда и пересуды умолкнут. А все-таки это очень неприятно отражается, как на мне, так и на моем старике!

15 июля

Сегодня Владимировы именинники, у нас в дворне только один Владимир, а пьяных много! Самый сезон варки варенья, я почти каждый день возжусь с этим удовольствием, и к вечеру порядочно устаю. В луга с чаем ни разу еще не ездили, как-то не хочется, и собратиться, все удовольствия затевать по-прежнему не охота, настроение отравило моё Эля своей надутой физиономией. Она положительно с нынешнего года сделалась героиней моего романа, но, к сожалению, не интересная героиня, а прескучная и однообразная! Алик и Верочка стали поправляться, хорошо, если корь ограничится этими двумя.

24 июля

Была с мужем в Рязани, навещали бедного Ивана Георгиевича, который очень плохо выглядит, похудел и бледен, и главное сильное измождение. Доктора приписывают все это к нервности его. Едет за границу по советам докторов, куда его пошлют и какого рода лечения ему назначат. Маша с ним не поедет, а будет у нас все время его отсутствия. Я этому решению

весьма обрадовалась, а Иван Георгиевич сам этого захотел ввиду положения Маши, которая с каждым днем все тяжелее. Я не смела, сама предложить оставить Машу у нас, могли подумать, что Машино здоровье мне ближе, чем его, и что, отговаривая её ехать, поступаю эгоистично и даже некрасиво по отношению её больного мужа. С ним едет сестра его, или Элеонора, это еще не решено, так, что он еще в лучших условиях виду опрятности этих двух, чем Маша. Здоровье Ивана Георгиевича нас немало беспокоит, надо полагать, что климат и серьезное лечение за границей ему принесут пользу. День Ангела Маши 22-го июля, мы пробыли с ней допоздна! Год тому назад так весело справляли этот день, было обручение Маши с Иваном Георгиевичем, оба были такие жизнерадостные, а в этот раз наоборот, одна грусть! Сегодня Сергей Дмитриевич поехал в Москву вместе с Марианной, проводить её до родителей. Она едет в Крым на месяц со своими, и обещается возвратиться опять в Красильники на всю осень, чему все очень рады. Моё больное место это Эля, все еще дуетса, интересно знать, насколько хватит у неё сил еще молчать! Как должно быть ей самой тяжело и скучно! Второй день идет дождь, который приостановил покос. Отец Марианны сегодня нам почтой прислал 10 фунтов конфет «от Альберта», такая оптовая посылка скорее похожа на русскую щедрость, чем на английскую, надо им честь приписать, семье Фелль, что они очень гостеприимны, т более себя считают американцами, чем англичанами. Мать американка, а отец, хотя и англичанин, но с 20-летнего возраста жил в Америке и приписан к американскому подданству. У них имение во Флориде в 7000 десятин земли, где они первые поселились и ввели культуру. Марианна находит, что американцы схожи с русскими по своей простоте и гостеприимству. Получила от Сережи письмо, Государь им делал смотр в Финляндских шхерах. Смотр был для них неожиданным, и Государь остался, очень доволен. Сережа описывал мне подробно Царский Смотр, 28-го июля начнутся маневры Балтийского флота, в которых тоже будут участвовать кадеты. Конечно, это их очень интересует, но, пожалуй, задержит их отпуск.

25 июля

У жаровни целый день, варить варенье мне, право лень.

35 лет пудами его варю, а есть, совсем не люблю.

К вечеру так устанешь, еле-еле ноги свои таскаешь.

Руки ломит от тазов, и черны от ягодных соков.

Дети малые и большие, как всегда, пенки лижут со дна.

Дивные прутья из ветвей, первая забава у детей!

Помню, как - то раз Татуша умудрилась, муху из пенки спасти, облизала и умилилась!

Это было уж давно, ей было тогда все равно.

Сегодня я сварила вишен 93 стакана, так устала, что голова как у болвана.

27 июля

Как на море бывает прилив и отлив, так и у нас в Красильниках, то много соберется народа, то останется совсем мало. Маша сегодня вечером укатила за границу с мужем. Я так и знала, что перевесят они, еще не было случая, чтобы они не меняли своих предположений, теперь едут уже на Берлин, а не на Вену, как раньше говорили, и Иван Георгиевич лучше себя стал чувствовать, когда все нужное выправил себе для поездки за границу. Леличка Вульф завтра едет в Питер на несколько дней по своим делам. В старом доме уже опустело, Боря на охоте по тетеревам и Мишу с собой взял. Аша тоже уехала по знакомым. Я очень довольна, что сплетни у нас совсем прекратились, может быть, этому способствовала корь, по случаю которой сообщений с другим домом нет. Сегодня был Казанский, детям ванну первую сделали, через день другую, и можно им выходить. В четверг произведут строгую, формалиновую дезинфекцию. Скоро и родить Татуше, как я всегда страшусь этого дня, точно со мною это должно происходить. Несмотря на 17 человек, которых я родила, боялась всегда этого момента, точно также и теперь за дочерей своих. Как должно быть Эли скучно не разговаривать со мною, ни с отцом, ни с Татушей. Теперь только остались Ксения, мадмуазель и Юлия Ивановна, с которыми она может вести беседу, не очень то для неё интересные. Неужели у неё нет желания подойти ко мне и выяснить все, что её не удовлетворяет! Что за ужасный характер. Меня это немало тревожит и огорчает. Не хочу первая её спросить причину, нахожу, что мне это делать не следует, может быть, она опомнится от своего упрямства и переломит себя.

30 июля

Я верю, в сглаз и даже сглазила свою жизнь на днях. Нашла, что дневник мой за последнее время весьма однообразен, и нет ничего особенного, описать. Сегодня мне была большая неприятность и огорчение. Получили письмо от Начальства Сережи и приказ, переписанный о нем: в Гельсингфорс он на свой корабль вернулся с берега в нетрезвом виде, его увидели, донесли до командира, за что и был наказан строгим арестом на 4 дня и еще без погон, до отзыва его ротного командира, и, во всяком случае, не менее как на месяц. Этот поступок для меня совершенно неожиданный, и я никак не могла и подумать, чтобы Сережа себе позволил такую вещь. Кто не знает морских правил, покажется это пустяком, но я знаю порядки, и этим проступком страшно огорчена и боюсь последствий. Возраст Сережи 18 лет, самый шаткий, переходный, как говорится «пан, или пропал», на какой точке он остановится? По отношению его проступка, во время плаванья, он много себе напортил, предполагали его сделать осенью, по возвращению в Корпус унтер-офицером, чего он, конечно, лишен по заключению своего Начальства. Надо многое с него потребовать, чтобы сгладить свою вину. Все это не может быть мне и отцу легко. Кажется, не дождешься, когда всех детей в люди выведешь, ох! И тяжела эта родительская доля!

Которые дети определены, и за тех-то тревожишься. Ага, например, одна, трудно ей самостоятельно жить, будучи всегда руководима раньше мною, а затем своим мужем. Теперь она прямо мечется, страшусь за её красивое личико и кокетство без разбора! Увлечаться начала, кем, еще рано определить, но ей несдобровать, если себя в руки не возьмет, она к несчастью почувствовала свою полную свободу теперь. Всегда была и есть: «блудлива как кошка, а труслива, как заяц». С годами, пожалуй, трусливость и пройдет.

3 августа

Приезжала Серафима, пробыла почти два дня. Очень рада была с нею повидаться и поговорить о всех своих неприятностях. Многого что узналось за последние дня про Ашу, и все говорящее далеко не в её пользу. До сих пор мне положительно не верится, что Аша такая выдумщица! Какой ум её научил? Это не укладывается в моей голове, зачем она взялась восстанавливать Элю против отца и матери столько времени и не разговаривать! Из такой покорной дочери, как всегда я называла Ашу, что же оказалось! Неужели она такая скверная? Как бы хотелось мне, чтобы это все было неправда! На Элю Серафима повлияла, и в день её отъезда, вечером, Эля подошла ко мне и извинилась, я ей сказала, что не могу быть с ней как с другими, так как она не подходит к отцу, и не говорит с ним, раз она его не любит, то и меня также. Она сейчас же пошла в кабинет к нему и объяснила ему причину своего молчания. Причина все одна, по наущению Аши! Мой муж не воздержан в разговорах, частенько болтает, не разбирая, что можно, а что нельзя, при взрослых дочерях, сколько ему я не замечала, толку мало, прорвется всегда со своей болтовней. Вот из-за этой-то болтовни и весь сыр-бор разгорелся, к этому Аша прилепила, чего не следовало прибавлять, и взвинтила молодую Элнину голову, которая придала значение совсем неподобающее. Аша в своих сплетнях многих замешала совершенно незаслуженно, и все это всплыло наружу. Её уже нет здесь почти две недели, и без неё все вздохнули от нападков и интриг! Опять удивляюсь и спрашиваю себя, какая цель так поступать! Серафима и про свои нужды говорила. Как тяжело ей живется, 5 человек детей, их двое, всего не хватает! Сейчас они имеют 100 рублей в месяц и много долгу, жить в Москве на 100 рублей с семьей прямо-таки невозможно. Осенью обещают 250 рублей в месяц, но это все только одни обещания. Помогите им Бог! Как бы я счастлива была, если бы мое кустарное производство давало мне больше, не ради себя, я для помощи детям, которые в этом нуждаются! Сегодня с Борей я говорила относительно постройки для моего тканья. Решила выстроить помещение в саду, который против нашего дома. Близко, удобно будет! Летом кто-нибудь из дочерей может поселиться в этой избушке. Во вторник приедет из Егорьевска мастер, которому закажу делать бёрды, какой ширины я желаю. Понемногу готовлюсь к зимнему своему занятию, опять ткать. Что-то скажет мне Рязанская кустарная выставка, на которую

повезу свои изделия, я что-то заробела, боюсь, что раскритикуют, и мне всю энергию для дела отобьёт. Если же наоборот, то разовью еще более фантазии для любимых своих работ.

Серафима Сергеевна Рагозина, теперь уже как мать, отдает свою дочь Елену в Смольный институт. В ЦГИА СПб находится дело "О воспитаннице Императорского Воспитательного Общества благородных девиц, определенной с Всемилостивейшего соизволения на вакансию благотворительного капитала имени в Бозе почивающей Императрицы Марии Фёдоровны Рагозиной Елены Дмитриевны от 26 ноября 1916 года, №31525", где приводятся необходимые документы зачисленной, расписки об уплате за обучение в сумме 200 рублей в год её родителей, аттестат и т.д.: "Подписка при поступлении девицы. Я, нижеподписавшаяся сим удостоверяю, что 10 ноября 1916 года представила в VII класс Императорского Воспитательного Общества благородных девиц Елену Дмитриевну Рагозину которую обязуюсь, по окончании ею курса учения, или при выбытии по какому либо другому случаю из заведения, принять обратно на своё попечение. Вероисповедания она православного. Правила для предупреждения заразных болезней в институт получила. Жена надворного советника Серафима Сергеевна Рагозина". Жительство имею: Самарского губернатора, временный адрес: Лиговка, 35 Версаль". (стр.1)

"В Совет ИВОбд и Петроградского Александровского института от 26 ноября 1916 года.

С Всемилостивейшего соизволения Государыни Марии Фёдоровны третью вакансию благотворительного капитала имени в Бозе почивающей Императрицы Марии Фёдоровны, открывшуюся в ИВОбд, за окончанием курса Александры Давыдовой, разрешено предоставить дочери коллежского асессора Рагозиной Елене. О сем уведомлен Совет для надлежащего исполнения, вследствие отношений №1710 и №2570. Товарищ Главноуправляющего, сенатор." (стр.3)

"В Совет ИВОбд жены надворного советника С.С. Рагозиной Пршение

Желая дочь мою Елену Рагозину, родившуюся 14 августа 1905 года определить в ИВЛбд на собственное моё иждивение, прошу Совет учинить о том зависящее распоряжение на основании прилагаемых документов: 1-метрического о рождении и крещении свидетельства, выданного Рязанской Духовной Консисторией под №9202, 2-медицинского свидетельства о здоровье девицы и о прививке ей оспы, 3-а) копии Формулярного списка о службе отца девицы или б) свидетельства о дворянском происхождении" (стр.4)

"Журнал Совета ИВОбд от 7 ноября 1916 года. Слушали: словесное предложение госпожи Начальницы ИВОбд о предоставлении оставшейся незамещенной вакансии благотворительного капитала своекоштной воспитанницы VII-го класса Елены Рагозиной, дочери правителя канцелярии

Самарского губернатора Дмитрия Петровича Рагозина, призванного по мобилизации на службу вследствие совершенной недостаточности средств у родителей для воспитания 6-х детей учебного возраста. Постановили: предоставить вакансию Елене Рагозиной, родившуюся 14 августа 1905 года и представить сие избрание на утверждение Ея Императорского Величества." (стр.6)

"Свидетельство. По указу Его Императорского Величества, из Рязанской Духовной Консistorии дано сие, на основании 874 статьи законов о состояниях Свода Законов, том IX, издания 1899 года, в том, что по метрическим Спасского уезда, села Красильников за 1905 год под №25 значится: призванный из запаса армии в действующую на Дальнем Востоке армии поручик артиллерии Дмитрий Рагозин и законная жена его Серафима Сергеевна, оба православного вероисповедания, дочь из Елена рождена 14 августа, крещена 4 сентября. Гербовой сбор уплачен. 30 июня 1907 года. Член Консistorии, секретарь, столоначальник". (стр.7)

8 августа

Вчера, первый день была занята разборкой своих кустарных изделий и подготовки их к выставке. Меня робость взяла, боюсь, что не понравятся мои изделия, что будет мне очень и очень досадно, но с той же охотой стану заниматься, а, пожалуй, и вовсе заброшу это дело, и тогда придется себе найти другое занятие, но вопрос какое, что могу я предпринять в деревне, какое дело зимнее, которое был могло мне давать хотя бы небольшой доход! Вчера пришла ко мне Аша, предварительно написав записку, что ей хочется меня видеть. Вернулась она от Серафимы со слезами, увидав меня рассказала с ужасом о всех сплетнях, которые были за последнее время у нас. Точно это для неё неизвестно! Удивляюсь, зачем такая комедия! Много я ей наговорила, все высказала, что за это время было на сердце у меня. Конечно, Аша ничего не ставит себе в вину, хотя больше молчала, когда я ей говорила и аттестовывала её по её достоинствам и поступкам. Наш разговор на том закончился: «Я, мама, бывать не стану в вашем доме, и со временем ты убедишься, что я порядочная женщина». При этом, крепко поцеловала меня, и с плачем вышла. Чувство жалости к ней у меня не было ни минуты, также и злобы, полное равнодушие! Я из всего вынесла, что есть что-то, точно чего-то не договорено. Боюсь очень строго судить Ашу, может быть грех мне, а вместе с тем, все её разговоры и поступки, далеко не в её пользу. Да, все переплелось за это лето, как никогда, кого только не обсуждали, покойников и то затрагивали! Вот что значит Бабье Царство! Еще все свои, из одной семьи, а что же было бы, если бы все дамы были чужие между собой! Пожалуй вцепились бы в волосы, и мужья бы перестрелялись бы на дуэлях из-за жен! Устройте более долгие каникулы мужчинам, давайте нам их, где они! Везде недостаток мужчин, положительно, мы, женщины, без них пропадем, и жить не можем! Мы дуреем, но не, тоже самое и с ними, когда они без женщин, не хуже ли еще им, без нас?

13 августа

В голове моей какой-то сумбур, Аша вчера уехала в Москву искать квартиру, ни с кем не простилась, может быть приедет за детьми сама, а может быть они с нянькой к ней приедут. Не верится мне, что Аша такая скверная и такая сплетница! Неужели настолько может испортиться молодая женщина без поддержки кого-либо! Время покажет, а теперь боюсь решить свое мнение о ней. Плавание у кадет окончено, я прочла сегодня в «Новом Времени», пора бы и Сереже приехать, его все еще нет и никакого о нем известия. Сам он давно не писал, как всегда бывает, когда натворит чего-нибудь. К этим заботам, еще третья забота – выставка! Чем более приближается к сроку, тем более волнуюсь, боясь, что мои изделия не понравятся. Вчера написал мне Председатель Управы Евгений Николаевич Смольяников, что я, единственная от Спасского уезда, которая участвует на Рязанской выставке, это еще более заставляет меня волноваться теперь, за себя и представителя Спасского уездного Земства – Е.Н. Смольянинова!

17 августа

Аша вернулась из Москвы, и я её не вижу. С Татушей она видится. На Успении был у неё Коля Смольяников с Юрочкой. Очень рады свидится как всегда, и конечно не остался ночевать, уехал вечером домой. Очень и очень жаль мне Колю, у которого дела так осложнились, что приходится продавать Милованово. Службу ему подходящую весьма трудно найти. Года его уже подходят к 60-ти, и глухота мешает. Без дела тоже жить не привык. В женитьбе своей, мне кажется, он очень ошибся. Жена его очень симпатичная, но беда в том, что почти не живет с ним, а все пребывает в Орловской губернии, в имении у своих взрослых детей. Коля семейной жизни, поэтому лишен, средств, по-видимому, нет и неё, это выходит Коли еще обуза при его материальном положении. Любовь в эти годы для меня не понятна, а привычки не может быть, они очень незадолго до свадьбы познакомились! Мне он навез сочинений Князя В.П. Мещерского, который так завлекательно и интересно пишет, что я все это время зачитываюсь до боли в глазах.

«Владимир Петрович Мещерский родился 14 января 1839 года в Санкт-Петербурге, а 4 февраля того же года младенца крестили в столичной Пантелеимоновской церкви. Восприемницей была родная бабка новорождённого – Екатерина Андреевна Карамзина (вдова знаменитого историкографа). Ближайшее родство матери Владимира Мещерского с автором "Истории Государства Российского" глубоко повлияло на формирование его характера и образа мыслей. В семье Мещерских царил настоящий "культ Карамзина", культ "карамзинской любви к Царю". В 1857 г. князь окончил Училище Правоведения и определился на службу в 5-й Департамент Сената. Благодаря родству с самыми блестящими аристократическими фамилиями России: Вяземскими, Голицыными, Чернышевыми, Клейнмихелями, графами Румянцевыми, князьями Долгоруковыми,